

БЕРНАРДО ГИМАРАЗШ

РАБЫНЯ
ИЗЛУРА

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Количество предыдущих
выдан _____

547-22-09

Т. 2. 3. 584—1000000—90 с.

Б.О.

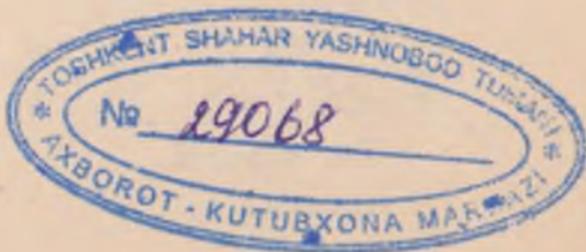
РАБЫНЯ ИЗАУРА

Faint, illegible handwritten text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

МОСИНТЕРМАРКЕТ

МОСИНТЕРМАРКЕТ

BERNARDO GUIMARÃES
a escrava
isaura

19078

БЕРНАРДО ГИМАРАЗШ

РАБЫНЯ ИЗЛУРА

19078

№ 152

Москва 1991

МОСИНТЕРМАРКЕТ

ББК 84.70Бр
Г48

Перевод с португальского
Д.Р. Коган

Оформление художника
Д.Д. Фомина

Г $\frac{4703040100 - 001}{791(03) - 91}$ без объявл.

ISBN 5-85756-001-2

© Перевод Д.Р. Коган, 1991

События, о которых пойдет речь, относятся к первым годам правления короля Педро II.

В плодородном и изобильном округе Кампус де Гойтаказес на берегу реки Параиба неподалеку от городка Кампус находилась красивая и богатая усадьба.

Просторный, великолепный дом, большой, но удивительно соразмерный, располагался в очаровательной ложбине у высоких холмов, поросших лесом, уже несколько прореженным топором крестьянина. Подальше от поместья природа была нетронутой и дикой, но вблизи от чудесного дома рука человека преобразила некогда сплошь покрывавшие землю суровые мрачные заросли в прекрасные фруктовые сады и восхитительные цветники, газоны и плодородные пастбища, кое-где затененные гигантскими деревьями, оставшимися от прежних мощных лесов. Тут росли и перобу, и кедр, и копаибу. Вряд ли в этих местах вам встретится ограда, забор или земляная насыпь: сады, огороды, фруктовые посадки, пастбища и плантации разделяют пышно разросшиеся живые изгороди - буйно зеленеющие заросли бамбука, агав, терновника, благодаря которым вся местность похожа на изумительный, роскошный сад.

Дом обращен к холмам. Чтобы войти, надо сперва подняться по каменной лестнице в шесть-семь ступенек на очаровательную веранду, сплошь оплетенную вьющимися цветами. В глубине двора расположились разнообразные хозяйственные постройки, жилища рабов, внутренние дворики, хлевы, амбары, а за ними - цветник, огород и огромный фруктовый сад, протянувшийся до обрывистого берега широкой реки.

Был приятный и тихий осенний вечер. Солнце еще не село, оно, казалось, плыло по небу среди переливчато-перламутровой облачной кисеи, будто расшитой золотой нитью заката. Легкий ветерок, напоенный душистыми ароматами, разыгрался на дальних вершинах холмов, про-

буждая лишь слабый шум в кронах суровых лесов и заставляя слегка шелестеть стройные кокосовые пальмы, что любят своим отражением на блестящей и спокойной речной глади.

Прекрасное то было время года: дожди оживили растения, и они посвежели и пышно распустились, бурные наводнения еще не замутили реки, и она величественно и неторопливо струилась меж берегов, отражая в своем ясном зеркале великолепные закатные краски неба и яркую зелень прибрежных лесов. Птицы, наконец, дали своим крыльям отдых после долгой охоты по окрестным садам, лугам и болотистым зарослям и уже заводили потихоньку свои вечерние песни.

Лучи заходящего солнца так освещали окна большого дома, что казалось, будто внутри его пылает огонь. Однако и в самом доме и вокруг него царили полное молчание и глубокий покой.

Могучие быки и лоснящиеся ухоженные телки мерно пережевывали свою жвачку, улегшись в тени высоких деревьев. Галдели куры, гуси, индейки, разбредшиеся вокруг дома в поисках лишнего зернышка, блеяли овцы, да порой мычали коровы, которые сами собирались в загон, но не слышно было человеческого голоса, не видно ни единого человека. Только открытые окна большой гостиной в передней части дома да распахнутые створки входных дверей говорили о том, что обитатели великолепной усадьбы не покинули ее.

И в унисон гармоничному покою, тишине и молчанию природы послышался тихий перебор фортепьянных клавиш, сопровождаемый женским голосом, мелодичным, мягким и страстным, самого чистого и свежего тембра, какой только можно себе вообразить. И хотя женщина пела приглушенно, голос ее был столь звучным, свободным и глубоким, что свидетельствовал о блистательном и сильном вокальном даре. Печальная и сдержанная мелодия вырывалась как задушенный стон одинокой и страдающей души.

И только этот голос нарушал тишину просторного и спокойного дома. И все вокруг будто замерло в едином мистическом порыве, затаив дыхание, природа внимала песне.

А женщина пела, и звучали грустные слова:

Воздух рабства ненавистный
Я вдыхаю с ранних лет,
Как зерну в пустыне жаркой

Мне - увы! - спасенья нет.
И оплакиваю горько
Жизни юной нежный цвет.

Руки связаны жестоко,
Никого им не обнять;
И не смеют очи, губы
О любви моей сказать.
А в груди живое сердце
Для того лишь, чтоб страдать.

Луговой цветок и птицы
Волей Господа свободны.
Что дано безгласным тварям,
То рабыне неповадно.
Даже сердце будет биться,
Как хозяину угодно.

Но молчи, молчи, рабыня,
Печалей новых не зови.
Затаи в душе страданье,
Затаи мечты свои,
Суждено мне, горемыке,
Жить без песен и любви.

Нежный и трогательный напев лился через распахнутые окна и наполнял окрестности; невольно возникало желание увидеть так чудно поющую сирену. Ибо дивный голос мог принадлежать лишь сирене или ангелу.

Так поднимаемся по ступеням на веранду, украшенную пышными лозами и прекрасными цветами, - чудесное преддверие дома. Войдем же без стеснения. Сразу у входа направо по коридору открыта широкая дверь, ведущая в просторную, богато обставленную гостиную. За роялем сидит прелестная, благородной внешности девушка. Ее профиль четко вырисовывается на фоне эбеново-черной крышки рояля, а еще более темные, чем дерево, пышные пряди волос оттеняют светлую кожу. Чистые и нежные черты этого лица чаруют взор, восхищают и вызывают восторг, сводят с ума. Кожу девушки можно сравнить лишь со слоновой костью рояльных клавиш под ее пальцами, эта мягкая белизна не ослепляет, затененная легчайшими оттенками утренней зари; трудно описать ее словами - то ли прозрачная бледность, то ли чуть тронутая лучом восходящего солнца белая роза. Гордая, грациозная шея, невыразимо изящный рисунок прекрасной гру-

- У меня, госпожа!.. Что вы, я и не думала ни о чем подобном.

- У тебя, у тебя! Да и что тут такого?.. Не стесняйся, это же так естественно. Ну же, признайся, у тебя есть возлюбленный, и поэтому ты жалуешься, что не родилась свободной и не можешь любить того, кто нравится тебе и кому ты пришлась по душе, разве не так?..

- Простите меня, госпожа Малвина, - ответила рабыня с доброй улыбкой. - Вы ошибаетесь, я далека от подобных мыслей!

- Далека!.. Не обманывай меня, девочка!.. Ты любишь, но ты слишком красива и умна, чтобы влюбиться в раба, разве что он похож на тебя, ну а это вряд ли возможно. Такая девушка, как ты, вполне может завоевать любовь хорошего парня, вот причина твоих печальных песен. Но не огорчайся, дорогая Изаура, я твердо обещаю: завтра же ты получишь свободу, вот только придется Леонсио, просто стыд и позор, что ты - еще рабыня.

- Не надо, госпожа, я не думаю о любви и тем более о свободе, просто иногда взгрустнется, так, без всякой причины...

- Не важно. Я хочу, чтобы ты была свободна, значит, так и должно быть.

Тут громкий топот копыт прервал их разговор, несколько всадников спешили во дворе усадьбы.

Малвина и Изаура бросились к окну посмотреть, кто приехал.

Двое симпатичных и элегантных юношей, которые только что спешили во дворе, прискакали из Кампуса. Судя по тому, как непринужденно они вошли в дом ясно - они живут здесь.

И действительно, то были Леонсио, муж Малвины, и Энрике, ее брат.

Прежде чем продолжить наш рассказ, необходимо поближе познакомиться с молодыми людьми.

Леонсио - единственный сын богатого и влиятельного командора Алмейды, владельца прекрасной и ухоженной усадьбы, которую мы уже описали. Командор, человек в годах и слабого здоровья, после женитьбы сына, а свадьба была за год до начала нашей истории, передал поместье Леонсио в полное владение, а сам жил теперь в столице, ища облегчения и отвлечения от своих многочисленных мучительных недомоганий. С детства мягкие и снисходительные родители невольно предоставляли Леонсио обширные возможности для того, чтобы ожесточить свое сердце и развратить ум. Плохой ученик и испорченный ребенок, неутомимый в изобретении всяческих каверз и пакостей, он менял один колледж за другим и скользил поверху во всех областях знаний, однако благодаря положению отца он благополучно сдавал все экзамены. Учителя не осмеливались огорчить щедрого и знатного командора. Поступив в медицинскую школу, Леонсио в первый же год почувствовал отвращение к этой науке и, поскольку родители ни в чем не могли отказать ему, отправился в Олинду, чтобы учиться юриспруденции. А там, спустив немалую часть отцовского состояния на удовлетворение развратных причуд и безумных фантазий, он пришел к выводу, что юриспруденция ему тоже прискучила, а достойным образом развить свои способности и удовлетворить жажду знаний, припав к подлинно чистым и изобильным источникам мудрости, он сможет лишь в Европе. И вот сей юный отпрыск написал о своем намерении отцу, и тот,

предоставив ему кредит, отправил сына в Париж, решив, что оттуда он вернется по крайней мере новым Гумбольдтом. Обосновавшись в городе, заслуженно считавшемся средоточием роскоши и удовольствий, Леонсио изредка, да и то лишь для развлечения, посещал пространные лекции лучших профессоров своего времени и уж тем более трудно было повстречать нашего студента в музеях, лабораториях и библиотеках. Вместо того он был усердным посетителем Жарден Мабиль, а также всех модных кафе и театров, и вскоре стал одним из самых известных и элегантных парижских львов. Однако за несколько лет, проведенных то в парижских развлечениях, то в увеселительных морских прогулках и поездках в европейские столицы, он так основательно и бездумно обескровил отцовский кошелек, что командор, несмотря на всю свою снисходительность и любовь к единственному и обожаемому сыночку, вынужден был призвать его под сень родительских пенат, дабы избежать полного разорения. Но даже теперь не осмеливаясь огорчить дорогого отпрыска, внезапно и грубо прервав его успешную карьеру сумасброда и мота, командор решил завлечь сына домой, мягко намекнув на возможность выгодной женитьбы на девице с большим приданым.

Леонсио попался на крючок и вернулся на родину совершенным денди, любезным и элегантным, как никто в округе, привезя из своих путешествий вместо знаний и мудрости огромный запас наглости и самодовольства и весьма обширные познания из жизни высшего света, - настоящий принц, да и только. Однако самым скверным оказалось то, что голова его была пуста, а душа и сердце - безнравственны и развращены, приучены к беспутству и разврату. Зачатки доброты и благородства, присущие ему от природы, увяли в его душе, выкорчеванные с корнем дурными наставлениями, подкрепленными еще более худыми примерами.

Леонсио было двадцать пять лет, когда он вернулся из Европы. Отец мягко и ненавязчиво намекнул сыну, что теперь самое время заняться каким-нибудь делом, избрать себе карьеру, ведь из отцовского кошелька он уже почерпнул более чем достаточно для любого образования; пора бы научиться если не приумножать, то хотя бы сохранять состояние, единственным владельцем которого рано или поздно он станет. После мучительных колебаний Леонсио решил наконец заняться коммерцией, эта стезя представлялась ему наиболее независимой и надежной, однако его глубокие и дерзостные соображения на сей счет

привели добродушного командора в ужас. Торговля привозными и местными товарами, даже поставленная на широкую ногу, а также скупка и продажа рабов казались Леонсио унижительными занятиями для юноши столь знатного происхождения и изысканного воспитания. Занятие лавочника вызывало у него лишь снисходительное отвращение. Ему под стать было лишь банковское дело, вексельные операции, крупные сделки, а к ним без крупного капитала не подступиться. Только таким образом он смог бы в короткое время удвоить и даже утроить отцовское состояние: Понахватавшись кое-каких обрывков знаний на парижской и других европейских биржах, он полагал себя вполне подготовленным к ведению дел в самых крупных банковских заведениях или на самых значительных промышленных предприятиях.

Однако отец вовсе не горел желанием рискнуть своим состоянием, отдав его в руки новоявленного финансиста, который до сих пор блистал лишь исключительным талантом в кратчайшее время бесследно и бессмысленно спустить немалые суммы. Впрочем, командор решил не касаться больше этого предмета, надеясь, что юноша еще поднаберется здравого смысла.

Видя, что отец полностью предал забвению все его проекты создания собственного состояния, Леонсио расценивал теперь женитьбу как наиболее безболезненное и легкое средство приобрести деньги, дабы затем растратить их на свои удовольствия.

Малвина, прелестная дочь богатейшего столичного негоцианта, приятеля командора, уже давно была предназначена в жены Леонсио по взаимному соглашению обоих отцов. Семья командора жила тогда в столице. Молодые люди встретились, понравились друг другу и поженились, все это оказалось делом нескольких дней. Спустя немного времени после женитьбы Леонсио потерял мать, она внезапно умерла от апоплексического удара. Эта благородная и добрая дама была не слишком счастлива в семейной жизни, ее муж, человек сухой и черствый, не знал святых и чистых радостей сердечной привязанности, и его распутные похождения служили постоянным источником страданий для жены. В довершение несчастья все ее дети, кроме Леонсио, умерли еще в младенчестве. Особенно сожалела бедная женщина о том, что небу не угодно было оставить в живых хоть одну дочь, которая служила бы утешением и отрадой ее горестной старости.

Но судьба уготовила ей некоторое воздаяние за все муки. Хрупкая девочка-рабыня, росшая в доме командора,

заполнила пустоту в добром и нежном сердце своей хозяйки, смягчила одиночество и тоску холодного жилища, где протекали однообразные и томительные дни ее жизни. С колыбели малышка привлекла заботливое и сочувственное внимание доброй старушки своей удивительной красотой, грациозностью и живостью.

Изаура была дочерью мулатки, которая долго верой и правдой служила жене командора, пользовалась ее заслуженной привязанностью. Командор, будучи человеком чувственным и не обремененным нравственными запретами, смотрел на рабынь как на собственный гарем, он не раз бросал на очаровательную служанку похотливые и жадные взгляды. Долго отвергала она его грубые домогательства, но, наконец, вынуждена была уступить угрозам и насилию. Такое гнусное и варварское поведение не могло долго оставаться скрытым от глаз добродетельной супруги и поразило ее до глубины души.

Осаждаемый ее жгучими и горькими упреками, командор не решился более воспользоваться своим правом хозяина, а иного средства победить непреодолимое отвращение, которое испытывала к нему бедная рабыня, не нашел. Придя в ярость от ее упорного сопротивления, извращенный и злой господин решил отомстить женщине самым диким и неблагородным способом, извести ее тяжелым трудом и жестокими наказаниями. Бывшую горничную, выполнявшую лишь легкую работу по дому и поручения деликатной госпожи, заставили гнуть спину на плантации, поселили в жалкой хибаре, а управляющему было велено не жалеть для нее ни работы, ни плетки. Но управляющий, добрый португалец, уже в годах, не обладал столь же бесчувственным сердцем, как хозяин, его тронула красота мулатки, и вместо работы и порки она получала от него лишь ласки да подарки, а через некоторое время родила на свет ту самую прелестную девочку, о которой пойдет наш рассказ. Однако эта история вызвала у командора еще большую ненависть к бедной рабыне. С бранью и угрозами выгнал он верного управляющего, а с мулаткой обращался так жестоко, заставлял ее трудиться так тяжело, что вскоре она умерла, не успев поднять на ноги свою ненаглядную милую девочку.

Вот какими печальными предзнаменованиями было отмечено рождение прелестной и несчастной Изауры. Но склонилась над колыбелью горемычной малышки святая женщина, ангел доброты, и укрыла ее в своих милосердных объятиях. Жена командора приняла маленькую рабыню как дар, посланный Богом в утешение от всех печал

лей и горестей, которые доставляли ей подлые мерзости, творимые ее развратным мужем. Она подняла к небу полные слез глаза и поклялась душой несчастной мулатки позаботиться о судьбе Изауры, вырастить девочку, дать ей образование, как если бы это была ее собственная дочь.

И она добросовестно выполнила свой обет. По мере того как ребенок рос и выросл, она сама обучала его чтению и письму, рукоделию и молитвам. А позже она подыскала для девочки учителей музыки, танцев, итальянского и французского языков, рисования, покупала ей книги; в общем, старалась дать Изауре самое тонкое и изысканное воспитание, как сделала бы для родной и любимой дочери. А Изаура не только своим расцветающим изяществом и привлекательной внешностью, но и стремительным развитием живого и сильного ума далеко превосходила все ожидания доброй хозяйки, которая при виде таких блестящих и необычных успехов с каждым разом находила все большую радость в том, чтобы шлифовать и совершенствовать свою драгоценность, она называла девушку жемчужиной, украшающей ее седые волосы. "Небо не даровало мне родной дочери, - имела обыкновение повторять жена командора, - но взамен послало мне дитя, связанное со мной узами душевной близости".

В очаровательной девочке поражало и то, что оказываемое ей предпочтение и чрезмерная доброта пожилой дамы не сделали ее дерзкой, тщеславной и высокомерной даже по отношению к другим рабам. С ней обращались очень нежно и ласково, но она сама осталась доброй и простосердечной. Всегда была приветлива и весела с рабами, кротка и послушна с хозяевами.

Командор не одобрял необычайную привязанность своей жены к мулаточке, он полагал, что это просто старческая причуда.

- Настоящее безумие! - твердил он даже с некоторым состраданием в голосе. - Она задалась целью вырастить отчаянную кокетку, эта девочка еще покажет себя, дайте ей только подрасти. Одни старухи впадают в набожность, другие бранятся и ворчат весь день напролет, кое-кто возится со щенками или цыплятами, а моя решила заняться выращиванием из мулаток принцесс. Несколько дороговатое увлечение, ну да Бог с ней... лишь бы на пользу, по крайней мере, пока она цацкается со своей ненаглядной, я избавлен от ее глупых и вздорных проповедей... Пусть се забавляется!..

Через несколько дней после женитьбы Леонсио командор вместе с женой и новобрачными переехал в свое име-

ние близ Кампуса. А по приезде он передал поместье сыну в полное владение вместе с рабами и имуществом. Командор сказал, что он сам слишком стар, болен, да и устал к тому же и хочет прожить остаток дней без забот и хлопот, а его собственного скромного дохода с лихвой хватит на жизнь. Сделав такой щедрый подарок сыну еще при жизни, он вернулся в столицу. Однако его жена, к вящей радости командора, предпочла остаться с сыном.

Малвина, хоть и не чуждая аристократического тщеславия, обладала тем не менее отзывчивой душой и чистым сердцем и с самого начала угадала живую заинтересованность свекрови в судьбе рабыни Изауры и их взаимную нежную привязанность. А сама юная мулатка была так добросердечна и ласкова по природе, так мягка в обращении, скромна и послушна, несмотря на несравненную красоту и блистательные дарования, что с первой же встречи завоевывала всеобщее расположение.

Изаура сразу же стала не просто любимой служанкой, а верной компаньонкой, даже подругой Малвины, а та в свою очередь, привыкнув к столичным развлечениям и удовольствиям, была очень рада обрести столь приятное общество в уединении своего нового дома.

- Почему бы не освободить эту девочку? - спросила однажды Малвина у свекрови. - Такое прелестное и смышленное дитя не создано для рабства.

- Ты права, дочка, - мягко ответила старушка. - Но что мне делать? У меня не хватает мужества выпустить на волю эту пташку, которую даровало мне небо, чтобы утешить и скрасить нелегкую мою старость. Да и к чему ей свобода? Она и здесь свободна, по крайней мере, свободней меня. Ведь я всего лишь злосчастная старуха, у которой не осталось ни вкуса к жизни, ни сил для наслаждения свободой. Ты считаешь, я должна выпустить мою любимицу? Но тогда она покинет меня и никогда больше не вернется в клетку... Нет, нет, детка, пока я жива, пусть уж она будет рядышком со мной, пусть принадлежит мне, и только мне. Ты, конечно же, думаешь: вот он - старческий эгоизм! Но мне ведь не так уж и долго жить осталось, жертва будет не слишком большой. А после моей смерти она станет вольной, и я позабочусь о том, чтобы она не осталась без средств.

Добрая женщина и в самом деле много раз пыталась написать завещание, чтобы обеспечить будущее своей любимой воспитанницы, но командор при сочувственной поддержке сына под различными пустыми и незначительными предложениями все откладывал исполнение благородного и

святого пожелания до того дня, когда пораженная внезапным ударом, полностью парализованная, она скончалась, пролежав всего несколько часов без сознания, так и не придя в себя перед смертью даже на минуту, чтобы выразить свою последнюю волю.

Над телом своей свекрови Малвина поклялась так же опекать и поддерживать несчастную рабыню, как неизменно делала это покойная. Изаура долго оплакивала смерть той, кто стала для нее заботливой и ласковой матерью, теперь бедная мулатка принадлежала не мягкосердечной и добродетельной госпоже, а своенравным, распутным и жестоким хозяевам.

Нам остается поближе познакомиться только с Энрике, шурином Леонсио. Итак, Энрике - симпатичный и элегантный юноша, не чуждый некоторого легкомыслия, ветренности и тщеславия, которые присущи всем молодым людям, особенно если им выпало счастье родиться в богатой семье. Однако грехи эти, не столь уж тяжкие и серьезные, а он, кроме того, обладал добрым сердцем, благородной и высокой душой и был порядочным человеком. Энрике изучал медицину, а на каникулы Леонсио пригласил его навестить сестру и провести несколько дней в поместье.

Юноши прибыли из Кампуса, куда Леонсио еще накануне отправился встретить шурина.

Только после женитьбы Леонсио, который раньше лишь изредка и ненадолго заглядывал в отцовский дом, обратил внимание на необычайную красоту и блистательные дарования Изауры. Ему выпало счастье стать мужем прелестной и достойной девушки, однако женился он не по любви и чувство это было доселе неизвестно его сердцу. Леонсио вступил в брак по расчету и к своей юной и очаровательной жене питал лишь чувственную страсть, которая довольствуется физическим обладанием, ее легко удовлетворить и насытить, после чего она быстро иссякает. Но только Изауре дано было тронуть глубинные струны его души, не до конца прогнившей от постоянного соприкосновения с развратом. Слепая и неистовая любовь к Изауре захватила Леонсио, с каждым днем это чувство росло, а серьезные и значительные преграды, встававшие на пути, только подстегивали его. Леонсио, как вы, наверное, уже поняли, не привык отказывать себе ни в чем. Однако все его усилия оказывались тщетными. Но он не собирался отступить от своего безумного намерения. "Ведь в конце концов, - думал молодой хозяин, - Изаура принадлежит мне, и если уж иначе не выйдет, я возьму ее силой". Как видим, Леонсио оказался достой-

ным наследником всех самых низких инстинктов и грубого распутства, присущих командору.

Поскольку мысли его всегда были заняты Изаурой, по дороге из Кампуса Леонсио долго рассказывал о ней шурину, многословно превознося красоту мулатки, и из его гнусных и циничных разглагольствований легко можно было понять, какие похотливые желания таит он в душе. Такая беседа не очень пришлась по душе Энрике, он порой вспыхивал от негодования и стыда за свою сестру, но не мог сдержаться любопытства, которое, естественно, вызывала у него рабыня такой исключительной красоты.

На следующий день после приезда молодых людей, часов около восьми утра, Изаура, стерев пыль с мебели и приборов в гостиной, присела у окна с вышиванием, ожидая, пока господа встанут и надо будет подавать им кофе. Леонсио и Энрике не заставили себя ждать и, остановившись в дверях гостиной, принялись разглядывать Изауру, которая, не замечая их присутствия, рассеянно занималась рукоделием.

- Ну и как она тебе? - шепнул своему родственнику Леонсио. - Разве такая рабыня - не бесценное сокровище? Разве отличишь ее от прелестных андалузок из Кадиса или пленительных неаполитанок?..

- Ничего общего, она гораздо лучше их всех, - ответил пораженный Энрике, - ведь она - подлинная бразильянка.

- Какая там бразильянка! Она превосходит всех. Будь она свободна, ее очарование и шестнадцать весен многим достойным людям вскружили бы головы. Твоя сестра настойчиво требует, чтобы я дал Изауре вольную, она твердит: таково было желание моей покойной матери, но не такой уж я дурак, чтобы вот так вот запросто по своей воле выпустить из рук эту, прямо скажем, драгоценность. Если уж моей матери взбрело в голову воспитать девочку как принцессу и дать ей великолепное образование, так пусть от дома ни на шаг, верно я говорю?.. Правда, отец, кажется, не выдержал занудных приставаний ее папаши; шляется тут один нищий галисиец, все мечтает откупить свое дитяtko, ну да мой старик заломил такую цену, что тут, думаю, опасаться нечего. Посмотри же, Энрике, разве кто-нибудь может с ней сравниться?..

- Она и в самом деле очаровательна, - ответил юноша, - попади она в султанский гарем - быть ей любимой одалиской. Но должен сказать тебе, - продолжал Энрике, проницательно и насмешливо взглядывая на Леонсио, - как твой друг и брат твоей жены, что присутствие

такой красивой и ухоженной рабыни в доме рядом с тобой и с моей сестрой не очень пристойно да и не совсем безопасно для семейного покоя...

- Bravo! - шутливо прервал его Леонсио. - Для своих лет ты моралист знатный!.. Но не забивай себе голову пустяками, дорогой мой родственничек, твоя сестра далека от подобных фантазий; кроме того, ей очень по душе, когда все вокруг любят Изауру, восхищаются ее талантами. И она права. Изауру, как драгоценную утварь, надо выставлять напоказ в гостиной. Или, по-твоему, мне следует отправить на кухню мои венецианские зеркала?..

Тут из покоев своей комнаты, расположенной в глубине дома, появилась улыбающаяся Малвина, сияющая и веселая, как апрельское утро; она прервала разговор молодых людей.

- Доброе утро, господа лентяи, - окликнула их Малвина, и голос ее прозвучал звонко и радостно, как ласточкина трель. - Вы все же удосужились проснуться!

- Ты сегодня так весела, дорогая, - улыбнулся ей Леонсио, - может, тебе, как доброе предзнаменование, привиделась зеленая райская птичка с золотым клювиком?..

- Нет, но неплохо было бы увидеть ее, однако мне действительно весело и очень хочется, чтобы сегодня в доме для всех был праздник. А зависит это от тебя, Леонсио. Я просто сгорала от нетерпения, пока ты не встал, мне срочно нужно поговорить с тобой, вчера еще собиралась, но так обрадовалась этому негоднику, братцу своему неблагодарному, - похоже, он совсем про нас забывать стал - что у меня все из головы вылетело...

- Но в чем дело?.. Говори же, Малвина.

- Ты не помнишь, что уже не раз обещал мне? Это наш святой долг, и его следовало бы давно исполнить. Сегодня я решительно, слышишь, решительно требую, чтобы ты выполнил свое обещание.

- Святой долг? Какой долг? Какие обещания? Я ничего не помню.

- Ах, ты притворяешься, будто забыл!.. Ты не помнишь, как обещал мне дать вольную...

- Ах так! Ясно, ясно... - нетерпеливо прервал ее Леонсио. - Но обсуждать этот вопрос сейчас? В ее присутствии? Разве ей необходимо слышать наш разговор?

- А что тут плохого? Впрочем, пусть будет, как ты хочешь, - ответила молодая хозяйка и, взяв Леонсио за руку, увлекла его в глубь дома. - Пойдем со мной. Энрике, подожди минутку, сейчас я прикажу подать кофе.

Только после прихода Малвины Изаура заметила присутствие двух молодых мужчин, которые до того шепотом обсуждали ее достоинства. Она мало что услышала и ничего не поняла из короткого диалога Малвины и ее мужа. И когда эти двое ушли, она встала и тоже собралась было покинуть гостиную, но, оставшийся в одиночестве, Энрике остановил ее движением руки.

- Что угодно господину? - спросила мулатка, скромно опуская глаза.

- Подожди-ка, девочка, я хочу кое-что сказать тебе, - ответил юноша и принялся молча, в упор разглядывать служанку, буквально пожирая ее глазами: как зачарованный любовался он необыкновенной красотой рабыни.

Энрике почувствовал робость и смущение перед этим благородным созданием, сиявшим красотой и ангельской безмятежностью. Изаура в свою очередь удивленно и молча смотрела на Энрике, ожидая, пока он, наконец, скажет, что хотел. Но тут Энрике, отличавшийся дерзостью и легкомыслием, вспомнил, что, несмотря на все свое очарование, Изаура была всего-навсего простой рабыней, и, сообразив, что сваял дурака, застыв перед ней в молчаливом и восторженном созерцании, он непринужденно и даже развязно взял ее за руку и...

- Милая мулаточка, - начал он, - ты не представляешь, до чего же ты прелестна. Моя сестра права - жаль, что такая хорошенькая девица всего лишь рабыня. Родись ты свободной, непременно стала бы королевой салонов, непременно...

- Да-да, господин Энрике, конечно, - отвечала Изаура, высвобождая свою руку. - Если это все, что вы хотели мне сказать, позвольте мне уйти.

- Подожди минутку, не будь такой суровой, я не желаю тебе зла. О! Чтобы я ни отдал за твою свободу, если б взамен можно было получить и твою любовь!.. Ты слишком нежна и слишком хороша собой, чтобы долго оставаться в неволе: кто-нибудь непременно выкупит тебя. И тогда ты попадешь в руки совершенно неизвестного человека, который, возможно, даже не сумеет оценить тебя по достоинству, так пусть уж лучше это буду я, милая Изаура, брат твоей госпожи, я превращу тебя, рабыню, в принцессу...

- Ах, господин Энрике, - с досадой отвечала ему девушка, - и не стыдно вам обращаться с любезностями к служанке своей сестры? Вам это не к лицу, вокруг столь-

ко хорошеньких девушек, за которыми вы могли бы поухаживать...

- Нет, я не встречал равной тебе, клянусь. Послушай, мне очень легко добиться твоего освобождения, я заставлю Леонсио подписать вольную. Мне кажется, я разгадал, чего он хочет от тебя, и, клянусь, я помешаю ему; его намерения так гнусны, что я никогда не смогу примириться с этим. Помимо свободы ты получишь все, что пожелаешь: шелка, драгоценности, экипажи, рабов и слуг, а во мне ты найдешь самого преданного и пылкого любовника, ты навсегда останешься для меня единственной девушкой в мире, и я вовек не соглашусь променять тебя на любую другую, как бы красива и богата она ни была, ведь ты лучше всех девушек, вместе взятых.

- Господи Боже мой, - воскликнула Изаура, и в глосе ее проскользнула насмешка, - такая роскошь непомерно велика для меня, просто голова идет кругом. Нет, поберегите все свое великолепие для более достойной, а я удовольствуюсь своей судьбой.

- Изаура!.. Откуда такая жестокость!.. Послушай, - юноша попробовал было обнять ее за шею.

- Господин Энрике! - воскликнула Изаура, уклоняясь от его объятий. - Кто бы вы ни были, оставьте меня в покое!

- Ну сжался, Изаура, - настаивал юноша, все еще пытаясь обнять ее, - не кричи так громко!.. Один поцелуй... Всего один поцелуй - и я отпущу тебя...

- Если вы не прекратите, я закричу. Невозможно и минутки спокойно поработать, чтобы тут же кто-нибудь не пристал с любезностями, а я их слушать не желаю...

- Однако ты задираешь нос! - воскликнул Энрике, уже слегка разозленный таким упорным сопротивлением. - Ишь какая!.. Даже поглядываешь свысока, как знатная дама! Не очень-то дуйся, милая принцесса...

- Замолчите, господин Энрике! - вскрикнула рабыня, не сдержавшись. - Мало мне господина Леонсио! Теперь еще и вы...

- Как?.. Что ты сказала?.. И Леонсио туда же?.. Боже мой, значит, правильно мне сердце подсказало!.. Какой стыд! А ты, уж конечно, не такой недотрогой с ним держишься, правда?..

- Я выслушиваю его так же, как и вас, господин Энрике.

- Не сомневаюсь. Изаура, ты обязана сохранять верность своей госпоже, ведь она очень ценит тебя, а к словам этого распутника особо прислушиваться нельзя. Но я-

то совсем другое дело, почему же ты так жестока со мной?

- Я жестока с моими господами!.. О, господин Энрике, ради Бога... Нехорошо смеяться над бедной рабыней...

- Но я не смеюсь... Изаура!.. Послушай... - воскликнул Энрике и снова попытался обнять девушку и поцеловать ее.

- Bravo!.. Брависсимо! - раздался в гостиной ехидный и громкий голос, сопровождаемый смешком.

Застигнутый врасплох, Энрике оглянулся. Весь его любовный пыл мгновенно остыл, и сердце неприятно сжалось.

Скрестив на груди руки, в дверном проеме стоял Леонсио и с оскорбительной издевкой в глазах смотрел на него.

- Bravo, прекрасно, дорогой родственничек! - продолжал Леонсио тем же насмешливым тоном. - Хорошо же ты применяешь на практике свои нравственные правила!.. Волочишься за моими рабынями!.. Вот так обходительный кавалер!.. Хоть бы дом своей сестры уважать научился!..

- Ах, чертов болтун! - пробормотал Энрике, в ярости стиснув зубы. У него невольно сжались кулаки, и он готов был полезть в драку в ответ на оскорбительные насмешки шурина. Однако, поразмыслив секунду, сообразил, что выгоднее будет использовать против Леонсио его же оружие, сарказм, тем более что обстоятельства решительно способствовали его, Энрике, победе. Юноша взял себя в руки и с презрительной улыбкой надменно произнес:

- Ах, прошу прощения, приятель, я и не знал, что редчайшая драгоценность, украшающая твою гостиную, нуждается в столь бережной опеке, ты прямо-таки вынужден подглядывать за ней. Черт возьми, да ты больше заботишься о ней, чем о достоинстве собственного дома и своей жены! Бедная моя сестра!.. Она слишком наивна и до сих пор не разглядела, какого великолепного муженька ей Бог послал!..

- О чем ты болтаешь? - заорал Леонсио, угрожающе подняв руку. - А ну-ка повтори, что ты там несешь?

- То, что вы слышите, - твердо ответил Энрике. - И уж будьте уверены, ваше недостойное поведение не долго останется тайной для моей сестры.

- Какое поведение? Ты бредишь, Энрике...

- Хватит строить из себя святую невинность!.. Думаете, я ничего не понял? Итак, прощайте, Леонсио, я ухожу. Было бы крайне глупо, неуместно и даже смешно с моей стороны соперничать с вами из-за рабыни.

- Да подожди, Энрике... Послушай...

- Нет, нет. Я не желаю больше иметь с вами ничего общего. Прощайте! - сказал Энрике и поспешно вышел из гостиной.

Леонсио был расстроен и подавлен, он уже тысячу раз пожалел о своей вспышке. И зачем ему понадобилось раздражать этого легкомысленного и надменного мальчишку? Леонсио и в голову не приходило, что Энрике догадывается о его собственной страсти к Изауре и о тех усилиях, которые он прикладывал, дабы воспрепятствовать освобождению и добиться благосклонности собственной рабыни. Правда, они говорили об этом почти в открытую, но несколько брошенных вскользь шуточных намеков в разговоре молодых людей вряд ли могут стать серьезным обвинением, которое Энрике посмеет выдвинуть против него в присутствии жены. Ясно, эта мулаточка, конечно же, сболтнула ему лишнее. От таких мыслей Леонсио пришел в ярость, его душила ненависть к Энрике и его сестре. Меньше всего его волновало сохранение покоя в семье, но он сходил с ума от бешенства, когда думал, что его гнусным замыслом угрожает опасность; между ним и прелестной рабыней возникло новое препятствие.

- Проклятие! - рычал он. - Этот ненормальный может сорвать все мои планы. Если уж он что-нибудь пронюхал - тут же побежит докладывать сестрице...

На несколько мгновений Леонсио застыл, мрачный и насупленный, душу его терзала гнетущая тревога. Затем, обведя глазами вокруг себя, он вдруг увидел Изауру. Когда появился Леонсио, смущенная, дрожащая и задыхающаяся от волнения забила она в уголок гостиной и молча, страдая от мучительного беспокойства, не спускала глаз с молодых людей. Так подраненная косуля прислушивается к реву двух тигров, спорящих за право сожрать ее. В глубине души она горько сожалела и сердилась на себя за нескромное и безрассудное признание, слетевшее с ее губ в порыве раздражения. Теперь ее неосторожность станет причиной самого плачевного разлада в этой семье, разлада, главной жертвой которого станет в конце концов она сама. Ссора молодых людей напоминала столкновение двух туч, которые встретились в небе и спокойно разошлись, а молния, вырвавшаяся из их недр, падет прямо на голову несчастной рабыни.

А, ты все еще здесь?.. Очень хорошо, - бросил Леонсио, едва увидев Изауру; оробевшая и дрожащая, не смела она выйти из уголка, куда забилась с испуга, и только молилась, чтобы разъяренный хозяин не заметил ее и не вспомнил про нее в этот момент. - Изаура, - продолжал между тем Леонсио, - я вижу, ты делаешь успехи на любовном поприще!.. Выслушиваешь любезности этого дрянного мальчишки...

- Я вынуждена слушать его, так же как и вас, господин Леонсио, у меня ведь нет другого выхода. Рабыня, осмелившаяся полюбить хозяина, достойна сурового наказания.

- Но ты что-то сболтнула этому вертопраху, Изаура?..

- Я?.. - рабыня была в замешательстве. - Нет, нет, ничего такого, что могло бы оскорбить вас или его...

- Подумай хорошенько, Изаура, тебе ведь не удастся обмануть меня, ясно? Ты ничего не говорила обо мне?

- Да нет, ничего.

- Клянешься?

- Клянусь, - пролепетала Изаура.

- Ах, Изаура, Изаура! Будь осторожна. Хоть до сих пор я терпеливо сносил твои отказы и пренебрежение, но не думай, будто я окажусь столь же снисходительным, если ты в моем доме, можно сказать, в моем присутствии будешь выслушивать любезности от первого встречного, а уж тем более изливать ему душу и болтать о том, что происходит в доме. Не хочешь моей любви, так хоть постарайся не заслужить мою ненависть.

- Простите, господин, но в чем я провинилась, что все так преследуют меня?

- Ты права, я вижу, мне придется удалить тебя из этого дома и спрятать где-нибудь в укромном местечке, там тебя никто не увидит и не сможет приставать с ухаживаниями.

- Но почему, господин...

- Хватит, у меня нет времени выслушивать тебя сейчас, Изаура. Не пристало нам беседовать тут вдвоем. Поговорим в другой раз. А теперь надо помешать этому болвану настроиться против меня Малвину, - пробормотал Леонсио, покидая гостиную. - Ах, паршивец, будь проклят тот час, когда я привел тебя в дом.

- Дай Бог, чтобы этот "другой раз" никогда не настал! - грустно подумала про себя Изаура, глядя, как уходит ее хозяин. С тоской и смертельным страхом видела она, как постоянные домогательства Леонсио становятся все неистовей, и не находила способа положить им конец. Решив сопротивляться до конца, до самой смерти, она вспоминала о судьбе своей несчастной матери, чью печальную историю хорошо знала: она не раз слышала, как старые рабы домашние потихоньку, с оглядкой рассказывали о ней, и собственное будущее рисовалось ей в самых мрачных и темных красках.

Открыть все Малвине - вот единственное верное средство, которое приходило ей в голову, только так надеялась она избавиться от гнусных домогательств Леонсио и отвести от себя грядущие бедствия. Но Изаура слишком любила свою хозяйку, чтобы осмелиться на такой шаг, откровения рабыни обрушили бы на молодую женщину столько несчастий и бед, что она навсегда лишилась бы сладостной иллюзии, в плену которой жила до сих пор.

Изаура предпочла бы умереть, как ее мать - жертва бессердечия и жестокости, чем самой омрачить и погубить дотоле ясную и безмятежную жизнь дорогой своей хозяйки.

Отец Изауры, единственный человек в мире, кроме Малвины, кто интересовался ее судьбой, был простым управляющим и не мог защитить свою дочь от преследований и насилия, которые ей угрожали. Оказавшейся в столь безвыходном положении Изауре оставалось лишь втайне оплакивать свои несчастья и молиться Богу, от ко-его единственно могла ждать избавления от бед и страданий.

Теперь понятно, почему так скорбно, с тоской пела она свою любимую песню. Малвина ошибалась, приписывая ее печаль сердечному увлечению. Сердце Изауры было чисто и свободно. Если бы добрая и чуткая хозяйка угадала, что на самом деле гнетет и мучит Изауру, ее сочувствие возросло бы неизмеримо.

Очнувшись от горьких и тягостных размышлений, Изаура взяла корзинку с рукоделием и собралась было покинуть гостиную, решив отыскать тихий уголок в доме или укрыться где-нибудь в саду. Так она надеялась избежать повторения непристойных и постыдных сцен, вроде той, что произошла недавно. Но едва лишь она сделала несколько шагов, как ее остановило странное и нелепое существо. Войдя в гостиную, оно остановилось прямо перед Изаурой.

Это пугало с исковерканным телом лишь отдаленно напоминало человека: тщедушный карлик с искривленным туловищем, огромной головой, короткими вывернутыми наружу ногами, мохнатый, как медведь, он был скорее похож на безобразную обезьяну. Диковинное создание вызывало в памяти тех жутких уродцев, которые неизменно состояли в свитах всех великих королей средневековья и развлекали двор. Природа забыла сотворить ему шею, и бесформенная голова, казалось, росла прямо из огромного горба, прикрывавшего ее, как чудовищный капюшон. Но тем не менее черты его лица были не слишком страшными и отталкивающими, они выражали рассудительность, смирение и добродушие.

Изаура вскрикнула бы от испуга, если бы давно уже не привыкла к этой странной фигуре, ведь это был не кто иной, как сам господин Белхиор, старательный и преданный островитянин, который вот уже много лет, несмотря на свою придурковатость и искореженное тело, на редкость добросовестно и аккуратно исполнял в поместье обязанности садовника. Казалось, ухаживать за цветами - природой дарованным символом всего самого красивого, чистого и изящного, должен бы человек менее отталкивающей, уродливой внешности. Но судьбе или, может, хозяйскому капризу угодно было создать такой контраст; вероятно, господа намеренно хотели оттенить красоту цветов уродством садовника.

- Ты напугал меня!..

- Бедняжка!.. Глотни-ка, - говорил Энрике, протягивая сестре чашку кофе, - вот лучший способ успокоить нервы и забыть страх.

Малвина старалась успокоиться, но слова брата глубоко запали ей в душу и, как ядовитые зубы гадюки, оставили в ней яд недоверия.

Появление Леонсио, пришедшего из гостиной, положило конец этой сцене. Все трое молча и торопливо пили кофе, они были обижены друг на друга, смотрели с недоверием, и мало-помалу разлад проникал в эту маленькую семью, еще недавно такую дружную, счастливую и спокойную. Выпив кофе, они разошлись, но движимые каким-то внутренним побуждением разными путями направились в гостиную. Энрике и Малвина, взявшись за руки, прошли широким коридором, ведущим от главного входа в дом, а Леонсио в одиночку появился из внутренних комнат. Итак, все снова собрались в гостиной, где находилось яблоко раздора - Изаура, невольно ставшая причиной ссоры в молодой семье.

Все трое оказались в гостиной как раз к концу забавной речи Белхиора, склонившегося к ногам Изауры. Однако Леонсио наблюдал за происходящим из-за занавесей, прикрывавших вход в спальню, и не заметил Энрике и Малвину, остановившихся в коридоре, неподалеку от входа в гостиную.

- Ого! - воскликнул Леонсио в тот момент, когда Белхиор простерся у ног Изауры. - Кажется, у меня в доме появился божок, перед которым все преклоняют колени и оказывают ему всяческие почести!.. Даже мой садовник!.. Ну и ну, господин Белхиор, хорошенькое дельце!.. Продолжайте представление, оно весьма занимательно... Но этот цветочек не нуждается в ваших заботах, зарубите это себе на носу, господин Белхиор!..

- Прошу прощения, господин мой, - бормотал, поднимаясь с колен, дрожащий и сконфуженный садовник. - Я только *швечочки* принес для *важочек* в жале.

- И преподнес их на коленях!.. Вот так кавалер!.. Если ты не выкинешь из головы свои галантные замашки, я собственноручно вышвырну тебя за дверь, горбатый любезник!

Багровый от стыда, испуганный и оглушенный, Белхиор, пошатываясь и натываясь на мебель, как слепой, пошел к выходу на двор.

- Изаура, о, моя Изаура! - воскликнул Леонсио, выходя из спальни и приближаясь к девушке с раскрытыми

объятиями, и голос его, до того раздраженный и грубый, прозвучал мягко и ласково.

Пронзительный и резкий крик разорвал тишину гостиной, Леонсио похолодел и замер. В дверях стояла Малвина, бледная и вдруг ослабевшая, она уткнулась лицом в плечо брата, который обнял и поддерживал ее.

- Ох, брат, - прошептала она, приходя в себя, - теперь я поняла, что ты хотел мне сказать.

И она бросилась в свою комнату, одной рукой стиснув грудь, где, казалось, вот-вот разорвется от боли сердце, а другой прижимая платок к прекрасным глазам, из которых градом лились слезы.

Леонсио, расстроенный злосчастным стечением обстоятельств, жертвой которых он стал, долго расхаживал взад и вперед по гостиной, бешенство и волнение душили его, он сердился на шурина, ведь именно его неуместному легкомыслию приписывал Леонсио все роковые совпадения этого утра; неприятные события могли помешать исполнению его намерений относительно Изауры, и теперь Леонсио мучительно искал способа уничтожить вставшие на пути преграды.

А Изаура, чье целомудрие и стыдливость трижды подверглись испытанию в течение последнего часа, оглушенная, исполненная страха, стыда и смущения, убежала в апельсиновый сад, чтобы укрыться там, словно испуганный зайчишка, которого преследуют по пятам разъяренные рычащие борзые.

Энрике, возмущенный до крайности поведением шурина, не хотел даже видеть его; он взял ружье и отправился в лес поохотиться на птиц, решив уехать из поместья на следующий же день рано утром.

Рабы были поражены, когда к обеду вышел один Леонсио. Он приказал позвать Малвину, но она отказалась под предлогом плохого самочувствия; молодой женщине не хотелось покидать своей комнаты. Сначала Леонсио пришел в ярость, он готов был расшвырять салфетки и приборы, бить тарелки, ему хотелось отлупить дерзкого и наглого мальчишку, в дурной час появившегося в его доме, чтобы нарушить покой и гармонию счастливой семьи. Но он вовремя сдержался и сообразил, что лучше будет не показывать виду, что вся эта история его так задела, безразличием и даже презрением ответить на упреки жены и дурное настроение шурина. Он хорошо понимал, что теперь будет трудно, более того, невозможно скрыть от жены свое бесчестное поведение; но отказаться от заветной мечты, просить прощения он был не в силах, а потому

решил спрятаться за щитом циничного безразличия от грозы, которая готова была разразиться над его головой. Этот совет подсказала ему собственная гордость и невысокое мнение о женщинах, которым он отказывал, всем без исключения, в достоинстве и чувстве чести.

После обеда Леонсио верхом объехал поля и кофейные плантации, что продельывал весьма редко, на закате вернулся домой, спокойно, с аппетитом поужинал и перешел в гостиную, где, удобно развалившись на мягкой прохладной софе, со вкусом затянулся гаванской сигарой.

Тем временем из своих охотничьих скитаний вернулся Энрике и, тщетно поискав сестру по всему дому, наконец нашел Малвину в ее комнате. Затворившись там, она задремала, побледневшая, с покрасневшими и опухшими от слез глазами, не похожая сама на себя.

- Где ты бродил, Энрике?.. Как я рада, что ты вернулся, - воскликнула Малвина, увидев брата. - Почему ты бросил бедную женщину в одиночестве?!

- В одиночестве? А как же ты раньше жила тут без меня со своим милым муженьком?..

- Не говори мне больше об этом человеке... Я обманывалась, а теперь оказалась даже не в одиночестве, хуже, я связана с безнравственным человеком.

- Хорошо еще, что ты своими глазами увидела то, что я не осмеливался тебе сказать. Ну да ладно! Что ты намерена делать теперь?

- Что делать?.. Сейчас увидишь... Где он?.. Ты уже видел его?..

- Если не ошибаюсь, он, кажется, в гостиной, я заметил, там кто-то сидел на софе.

- Хорошо, Энрике, проводи меня туда.

- Почему бы тебе не пойти одной? Мне неприятно встречаться с этим человеком...

- Нет, нет, ты должен пойти со мной, я специально дожидалась тебя. Мне необходимо, чтобы кто-нибудь поддержал и приободрил меня. Сейчас я даже боюсь его.

- Ах так! Понимаю, хочешь, чтобы я стал твоим телохранителем, пока ты будешь выводить этого мерзавца на чистую воду. Хорошо, с удовольствием возьму на себя такую роль; посмотрим, осмелится ли этот негодяй оскорбить тебя. Пойдем!

Леонсио, - холодно произнесла Малвина, подходя к софе, на которой развалился ее муж, - если вас не очень затруднит меня выслушать, я хотела бы сказать вам несколько слов.

- Всегда в твоём распоряжении, дорогая Малвина, - с улыбкой ответил тот, поспешно вставая и будто не замечая чопорного тона жены. - Чем могу быть полезен?

- Я хочу сообщить вам, - Малвина тщетно старалась придать своему прелестному нежному личику гневное и суровое выражение, - что вы оскорбили меня, изменили мне в моем же доме самым недостойным и вероломным образом...

- Боже мой!.. Что ты говоришь, дорогая?.. Объяснись, пожалуйста, а то я никак в толк не возьму, о чем речь...

- Напрасно вы притворяетесь удивленным, вам прекрасно известна причина моего недовольства. Мне бы следовало давно догадаться о вашем бесчестном поведении; ваше отношение ко мне резко изменилось, вы стали холодны и равнодушны...

- О Господи, дорогая, не хочешь же ты, чтобы медовый месяц длился вечно?.. Это было бы чудовишно тоскливо и прозаично.

- Ты еще и издеваешься, мерзавец! - закричала молодая женщина, краска бросилась ей в лицо, глаза вспыхнули от гнева.

- Не стоит так расстраиваться, Малвина, я просто пошутил, - Леонсио попытался взять ее за руку.

- Подходящее время для шуток!.. Пустите меня!.. Какая низость!.. Мне стыдно за нас обоих!..

- Может, ты все-таки объяснишь, в чем дело?

- Мне нечего объяснять, вы сами все прекрасно понимаете... Я только требую...

- Так приказывай же, Малвина.

- Сделайте что-нибудь с рабыней, перед которой вы имеете обыкновение так трогательно падать ниц: освободи-

дите ее, продайте все что угодно. Или она, или я - кто из нас должен покинуть этот дом навсегда, причем сегодня же. Выбирайте.

- Сегодня?

- Немедленно!

- Ты слишком строга и несправедлива ко мне, Малвина, - произнес Леонсио после некоторого колебания. - Ты же знаешь, я сам хочу освободить Изауру, но разве это только от меня зависит? С такой просьбой следует обратиться к моему отцу.

- Какие жалкие отговорки! Ваш отец передал вам поместье и рабов и заранее одобрил все ваши распоряжения. Впрочем, если вы предпочитаете ее...

- Малвина, как ты можешь!.. Это кощунство!..

- Кощунство!.. Кто знает!.. Тем не менее определите каким бы то ни было образом судьбу этой рабыни, если не хотите, чтобы я навсегда покинула ваш дом. А моей горничной она не будет больше ни минуты, слишком уж хороша для прислуги.

- Ну, что я вам говорил, Леонсио? - поддержал Энрике, ему надоела роль молчаливого телохранителя, и он решил вмешаться в разговор. - Видите?.. Вот результат вашего горячего стремления во что бы то ни стало удерживать в гостиную вашу "роскошную утварь", как вы ее называли...

- Утварь сама по себе не была бы так опасна, не будь сплетников, которые не колеблясь нарушают покой чужой семьи, лишь бы удовлетворить свои грязные желания...

- Довольно!.. Я лишь хотел помешать вам перетаскать свою роскошную утварь из гостиной в спальню, ясно?.. Рано или поздно скандал все равно выйдет бы наружу, а я не обязан сложа руки смотреть, как оскорбляют и унижают мою сестру.

- Господин Энрике! - взревел Леонсио, в ярости устремляясь к нему с угрожающе поднятыми руками.

- Прекратите, господа! - вскричала Малвина, бросаясь между ними. - Любые разговоры об этом бесполезны и постыдны для нас всех. Я уже сказала Леонсио то, что должна была, пусть он решает. Если он желает быть достойным звания порядочного человека, у него есть еще возможность все исправить. Если же нет, мне останется только презирать его, как он того заслуживает.

- О, Малвина, я готов сделать все что угодно, лишь бы ты была довольна и спокойна; но пойми наконец - я не могу исполнить твое желание, не переговорив сначала

с отцом, а он сейчас в столице. Правда, надо сказать, он не имел особого желания освободить Изауру; именно поэтому, чтобы отделаться от ее папаша, который тоже во что бы то ни стало решил ее освободить, он назначил за девушку такую огромную цену, что бедняга вряд ли сможет собрать столько...

- Эй, в доме!.. Можно войти? - послышался вдруг сильный и звонкий голос человека, поднимавшегося в это время по ступенькам на веранду.

- Заходите, кто там? - крикнул Леонсио, благодаря небо, так кстати пославшее гостя - его появление прервало тягостный и неприятный разговор, выручило неверного мужа из затруднительного положения.

Между тем Леонсио рано радовался. Гость был не кто иной, как Мигел, бывший управляющий помещьем, отец Изауры, так грубо уволенный некогда командором Алмейдой.

А Леонсио, не зная, с кем имеет дело, принял Мигела весьма обходительно.

- Присаживайтесь, - пригласил он гостя. - Чем могу быть полезен?

- Благодарю вас! - отвечал тот, вежливо поздоровавшись с Малвиной и Энрике. - Полагаю, господин Леонсио - это вы, ваша милость?..

- К вашим услугам.

- Очень хорошо!.. Ведь в отсутствие вашего отца мне следует говорить с вашей милостью. У меня очень простое дело, и, я думаю, его можно обсудить в присутствии этого господина и госпожи, судя по всему, это ваши родные.

- Конечно! Между нами нет тайн и секретов.

- Вот, собственно, ради чего я пришел, господин Леонсио, - сказал Мигел, доставая из кармана просторного пальто бумажник, который он протянул Леонсио. - Будьте любезны, откройте бумажник, тут, ваша милость, вся сумма, что ваш отец назначил за принадлежащую вам рабыню по имени Изаура.

Леонсио изменился в лице, машинально взял бумажник, но некоторое время молчал, подняв глаза к потолку.

- Надо думать, - произнес он наконец, - вы отец... вернее, тот, кого называют отцом этой рабыни... Я не припомню вашего имени...

- Мигел, к услугам вашей милости.

- Да, правда, господин Мигел. Я очень рад, что вам удалось добыть средства для освобождения девушки, она весьма достойна этой жертвы.

Произнося эти слова, Леонсио открыл бумажник и медленно считал и пересчитывал банкноты, скорее для того, чтобы выиграть время и обдумать, как ему следует вести себя в сложившейся ситуации, чем для того, чтобы действительно проверить, сколько денег принес Мигел. Используем же этот удобный случай и приглядимся повнимательнее к доброму и славному португальцу, отцу нашей героини, ведь до сих пор мы лишь вскользь упоминали о нем.

Лет ему больше пятидесяти, лицо благородное и открытое, видно, что человек он добродушный, честный и преданный.

Одет Мигел бедновато, но чисто и опрятно, по его манерам и разговору становится ясно, что в Бразилию он приехал не по примеру большинства его соотечественников в погоне за барышами. Он говорит и держит себя как человек учтивый, хорошо воспитанный и хорошо образованный. И в самом деле, Мигел - отпрыск благородного и знатного португальского рода, вынужденного по политическим мотивам эмигрировать в Бразилию. Его родители, жертвы придворных интриг, умерли в нищете. Мигелу было лет восемнадцать-двадцать, когда он остался один на свете, без покровительства, без средств к существованию и вынужден был сам зарабатывать себе на жизнь, нанимаясь садовником или огородником. Юноша он был сильный, ловкий, неглупый и работу исполнял тщательно и умело. Отец Леонсио, случайно познакомившись с ним, оценил его по достоинству и на выгодных условиях взял управляющим в свое поместье. Много лет исправно трудился здесь Мигел, заслужив любовь и уважение окружающих, пока не поддался роковой, но вполне извинительной слабости, о которой мы уже рассказывали, за что хозяин и вышвырнул его за ворота самым бесцеремонным образом. У Мигела душа изболелась от горя и тревоги, не столько за себя, сколько за два дорогих ему создания, которых он не в силах оказался защитить от развратного и грубого хозяина. Но что поделаешь, он вынужден смириться. У него не было недостатка ни в работе, ни в жилье. Все окрестные землевладельцы, зная его способности, готовы были принять Мигела с распростертыми объятиями; оставалось только выбрать. Мигел предпочел соседнее с владениями командора Алмейды поместье, чтобы оказаться поближе к любимой дочурке.

А поскольку командор почти всегда находился либо в столице, либо в Кампусе, бывший управляющий легко мог навещать девочку, к которой с каждым разом чувст-

вовал все более глубокую привязанность. Жена командора в отсутствие мужа позволяла португальцу свободно приходить в дом и предоставляла ему все возможности встречаться с дочкой, баловать ее; и Мигел так и жил, спокойно и счастливо. Ведь по воле неба хозяйка заменила его дочери родную мать, госпожа Алмейда была так же ласкова и заботлива, как покойная, но она скорее могла защитить и поддержать девочку. Внезапная смерть доброй женщины поразила Мигела в самое сердце, разбила все радужные надежды, которыми он тешил себя.

Но отцовская любовь на многое может подвинуть благородного и тонко чувствующего человека. Преодолев ненависть, отвращение и брезгливость, которые вызывал у него командор, Мигел не колеблясь готов был унижаться, надоедать, даже умолять со слезами на глазах, лишь бы хозяин согласился и назначил цену за свободу Изауры.

- Нет таких денег, за которые я продал бы ее, она всегда будет принадлежать мне, - неизменно отвечал высокомерный и безжалостный господин несчастному, удрученному отцу.

Но однажды, только чтобы отделаться от приставаний и уговоров Мигела, он хмуро ответил:

- Если в течение года вы принесете десять миллионов рейсов, ваша дочь будет свободна... и Бога ради, оставьте меня в покое. Если же вы не уложите в срок, пеняйте на себя.

- Десять миллионов рейсов! Это невероятно большие для меня деньги, но ничего!.. Для меня она дороже любых сокровищ. Господин командор, я сделаю невозможное и доставлю вам указанную сумму в назначенный срок. Да поможет мне Бог!

Ценой тяжкого труда и экономии, ценой лишений, продав все лишнее и до крайности ограничив необходимое, к концу года Мигел смог собрать лишь половину требуемой суммы. Ему пришлось обратиться к великодушному своего нового хозяина, а тот, зная, для какой благородной и святой цели нужны эти деньги управляющему, жертвой какой несправедливости и вымогательства он стал, не колеблясь дал Мигелу деньги то ли в долг, то ли в счет будущего заработка.

Леонсио, так же как и его отец, нимало не сомневался, что Мигел никак не сможет достать деньги в срок, и был в высшей степени поражен и раздосадован, когда отец Изауры вручил ему все сполна.

- Десять миллионов, - сказал, наконец, Леонсио, закончив считать деньги. - Ровно та сумма, которую назначил отец.

- Ну и дурак же мой папаша, да и скряга изрядный, - пробормотал он. - Я бы не отдал ее и за сто миллионов. Возьмите пока ваши деньги: Изаура еще не принадлежит мне, только отец может ею распоряжаться. Он сейчас находится в столице, а у меня нет полномочий совершать подобные сделки. Придется вам поговорить с ним, когда вернется.

- Но ваша милость единственный сын и наследник, и вы могли бы...

- Довольно, господин Мигел! Мой отец, к счастью, еще жив, и мне не пристало распоряжаться его состоянием, как своим собственным.

- И все же, господин Леонсио, будьте так добры, примите эти деньги, отправьте их вашему отцу и попросите от моего имени милостиво исполнить свое обещание и за эти деньги отпустить Изауру на свободу.

- Леонсио! И ты еще сомневаешься?! - возмутилась Малвина, выведенная из себя увертками мужа. - Напиши, как можно скорее напиши отцу. Если ты не поможешь этой девушке освободиться, ты будешь последним негодяем.

Под давлением обстоятельств Леонсио не мог не уступить жене, не мог он и снова отложить решение. Бледный и растерянный сел он за письменный стол, где были бумага и чернила, и с пером в руках задумался над тем, что собирался писать. Малвина и Энрике беседовали вполголоса, стоя у окна. Мигел тихо сидел в углу в другом конце гостиной и терпеливо ждал.

И тут, не замеченная более никем, перед ним появилась Изаура: из сада, где она укрылась, девушка увидела отца и поспешила к нему. Вот о чем потихоньку говорил Мигел с дочерью:

- Папочка!.. Какие новости вы принесли?.. Сегодня вы веселее, чем обычно.

- Тихо! - шепнул Мигел, прижав палец к губам и кивая на Леонсио. - Речь идет о твоей свободе.

- Не может быть, отец! Как же вы смогли этого добиться?

- Ну, как-как!.. Деньгами, конечно. Я покупаю тебя, дочка, и скоро ты будешь моей.

- Ах, милый мой отец!.. Как вы добры ко мне!.. Если б вы знали, сколько раз мне предлагали сегодня свободу!.. Но какой ценой! Господи, спаси!.. Я не осме-

ливаюсь даже сказать вам. Но сердце мое угадало верно, - продолжала она, в порыве нежности целуя руки Мигела, - свободу я могу принять лишь из рук того, кто дал мне жизнь!..

- Да, дорогая Изаура, - сказал старик, прижимая ее к груди. - Небо благосклонно к нам, и скоро ты будешь моей, только моей, навсегда!..

- А он согласен? - спросила Изаура, указывая на Леонсио.

- Дело не в нем, а в его отце, ему-то он сейчас и пишет.

- Тогда есть небольшая надежда, но если б моя судьба зависела только от этого человека, я бы навсегда осталась рабыней.

- К черту! Довольно! - процедил сквозь зубы Леонсио, вскакивая, и в ярости ударил по столу кулаком. - Понятия не имею, как исправить эту дикую нелепость, сотворенную отцом!

- Ты уже написал, Леонсио? - спросила Малвина, поворачиваясь к нему.

Прежде чем Леонсио смог ответить, в гостиную поспешно вошел слуга и вручил ему конверт с черной каймой.

- Траурное!.. Господи!.. Что случилось?.. - воскликнул Леонсио, побледнев, дрожащими руками он распечатал письмо и, быстро пробежав его глазами, упал на стул и зарыдал, прижав платок к глазам.

- Леонсио! Леонсио!.. Что там случилось?.. - спрашивала бледная от испуга Малвина, потом подобрала письмо, которое Леонсио уронил на стол, и начала читать прерывающимся голосом:

“Леонсио, я вынужден сообщить тебе печальное известие, которое будет для тебя неожиданным. Этот удар неизбежно настигает каждого из нас, и ты должен перенести его с должным смирением. Твоего отца больше нет в живых. Позавчера он внезапно скончался от кровоизлияния в мозг...”

Малвина не могла больше читать, забыв обиды, забыв все, что пришлось ей вынести в этот злосчастный день, она кинулась к мужу, крепко обняла его и смешала свои слезы с его слезами.

- Ах, отец! Отец!.. Все потеряно! - вскрикнула Изаура, прильнув к груди Мигела. - Надежды больше нет!..

- Кто знает, дочка! - ответил Мигел озабоченно. - Не будем отчаиваться, все в руках Божьих!..

Малвина, она и сама как госпожа в гостиной сидела, ну а теперь...

- А теперь она порой саму госпожу Малвину подменяет, - ехидно улыбнулась насмешница Роза.

- Попридержи язык, детка! - сурово и громко оборвала ее старая креолка. - Брось пустословить. Бедняжка Изаура! Не дай тебе Бог оказаться на месте этой несчастной девочки! Если б вы только знали, как над ее матерью измывались! Ах, наш старый хозяин был зол, как черт, прости меня, Господи. А сейчас между Изаурой и господином Леонсио та же история начинается. Жулиана была хорошенькая, стройненькая мулаточка, такая же светлая, как Роза, только еще милей и стройней.

Роза прищелкнула языком и скорчила презрительную гримаску.

- Но красота ее и погубила, бедняжку! - продолжала старая креолка. - Приглянулась она старому господину... Я уж рассказывала вам, как оно все случилось. Жулиана была честной девушкой, вот и пришлось ей страдать да умереть. В те времена управляющим был господин Мигел, он заходит сейчас иногда, ведь он отец Изауры. Вот это был хороший управляющий!.. Все ему добра желали, и все правильно делалось. Не чета теперешнему господину Франсишко, креста на нем нет!.. Будто чума в доме поселилась. Поговаривали, Мигел очень любил Жулиану, все работал, работал, изо всех сил, деньги копил, мечтал ее выкупить. Ну а старику это не по нраву было, разозлился он и выгнал управляющего. А Жулиана не долго после того прожила, плетка да работа быстренько ее в гроб уложили. А дочку-то ее еще и от груди не отняли тогда, если б не старая хозяйка, святая она была женщина, один Господь ведает, что случилось бы с малюткой!.. Тоже бедняжка!.. Лучше б Господь ее тогда прибрал!..

- Почему, тетушка Жоакина?..

- Да потому, что сдается мне, идти ей по материнской дорожке...

- А чего же еще притворщица заслуживает? - завистливо и недобро пробормотала Роза. - Думает, раз она в доме работает, так уж другие рабы ей не чета, строит из себя невесть что, увивается около белых парней. А когда отец сказал, что выкупит ее, так и вовсе вообразила себя знатной дамой. Бедный господин Мигел!.. У него и для могилы-то клочка земли не найдется, а он дочку выкупать собирается!

- Что за слова такие, Роза! - возмутилась старая креолка и укоризненно посмотрела на девушку. - Что те-

бе сделала бедная Изаура? Да ведь она, словно голубок непорочный, никому зла не причинит. Такая красивая и образована, как белая девушка. Окажись ты на ее месте, так в тысячу раз хуже была бы. Ты и сейчас известная лентяйка и грубиянка.

С досады Роза прикусила губу и собралась уже было ответить со свойственной ей дерзостью и бесстыдством, когда грубый голос прогремел у дверей сарая и, прокатившись гулким эхом по всему помещению, положил конец беседе прядильщиц.

- А ну молчать!.. - орал обладатель грубого голоса. - Тихо! Что за болтовня! Можно подумать, здесь работают только языками!..

Широкоплечий плотный мужчина с густой черной бородой и отталкивающе жестоким выражением лица стоял в дверях сарая, собираясь войти. Это был управляющий. Его сопровождал молоденький стройный щеголеватый мулат, одетый в красивую ливрею: он нес прялку. За ними вошла Изаура. Все рабыни встали и поклонились управляющему. А он велел поставить прялку на свободное место, которое, к несчастью для Изауры, оказалось рядом с Розой.

- Иди-ка сюда, девочка, - обратился управляющий к Изауре. - Отныне и навсегда вот твое место, это твоя прялка, а женщины дадут тебе задание на сегодня. Я понимаю, перемены тебе не слишком по вкусу, но уж что поделаешь... Хозяину так угодно. Иди-ка скорее, да помни, это тебе не рояль, и побыстрее справляйся с заданием, чтобы получить новое. Меньше говори, больше делай.

По виду Изауры нельзя было сказать, что новое занятие неприятно или унизительно для нее; как ей приказали, она села перед прялкой и принялась готовить ее к работе. Хотя выросла она в господском доме и раньше занималась только тонким рукоделием да выполняла несложные поручения госпожи, Изаура не хуже, а то и лучше других умела делать всю домашнюю работу: прясть, ткать, убирать, стирать, крахмалить и гладить белье, готовить. Поэтому она легко и непринужденно, даже с удовольствием устроилась среди новых своих товаров. Только в улыбке, чуть тронувшей ее губы, сквозила грустная покорность судьбе, но это было отражение волнений и печалей, терзавших ее сердце, а вовсе не досада на то, что ее отстранили от привычной роли любимой служанки, которую она исполняла всю жизнь при двух благосклонных хозяйках. Сознывая свое положение, Изау-

ра готова была испытывать то же унижение, что и прочие рабыни, ибо, несмотря на редкую красоту и блестящие дарования, яд тщеславия не отравил ее сердца, не затуманил природный живой ум. Но как ни была она скромна и послушна, достоинство и природная гордость светились в ее глазах, проявлялись в языке и поведении помимо ее воли. Породило их некое подсознательное ощущение своего превосходства, и, не желая того, Изаура, прекрасная и горделивая, всегда выделялась среди других женщин правильностью и благородством черт и изяществом жестов и манер. Никто бы не принял ее за рабыню, которая работает вместе со своими товарками, уж скорее сказали бы, что это знатная юная госпожа, ради развлечения пристроившаяся попрясть среди рабынь. Она напоминала королевского лебедя, гордо изогнувшего свою стройную шею в стае обыкновенных птиц.

Остальные рабыни смотрели на Изауру с особым интересом и сочувствием, ведь ее любили все, кроме Розы, полной смертельной зависти и злобы. В двух словах объясним читателю, почему Роза ненавидела Изауру. Тут не просто зависть, была еще одна, более существенная причина, превращавшая зависть в смертельную ненависть. В свое время Роза стала любовницей Леонсио, победа далась ему легко, не потребовалось ни просьб, ни угроз. Но с тех пор, как Леонсио увлекся Изаурой, Роза была покинута и напрочь забыта. Пренебрежение хозяина поразило очаровательную мулаточку в самое сердце, а так как Роза была недоброй и мстительной девушкой и не могла отомстить господину, она поклялась выместить все зло на несчастной сопернице.

- Разрази тебя гром, проклятый! Чума на твою голову, гадина! Чтоб тебя гадюка в язык укусила, бешеный пес! - такие проклятия втихую посылали рабыни на голову управляющего, едва он повернулся в ним спиной. Сильнее всего рабы ненавидят управляющего, даже надсмотрщик не может с ним сравниться. К нему испытывают большее отвращение, чем к самому жестокому хозяину, по чьему приказу управляющий так безжалостно подгоняет рабов, истязает и мучит непосильным трудом; преступник забывает о судьбе, вынесшем ему приговор, и восстает против палача, который приводит его в исполнение.

Как мы уже говорили, Изауре пришлось сесть рядом с Розой. И мулатка не замедлила обратить против несчастной девушки все свои колкости, язвительные намеки и издевки.

- Я так сочувствую тебе, Изаура, - начала Роза, чтобы завязать разговор.

- Не стоит, Роза! - ответила Изаура, готовая противопоставить оскорблениям Розы природную мягкость и терпение. - Чему тут сочувствовать?..

- Тяжело, наверное, сменить гостиную на рабскую хибару, мягкий диван на лавку, а пуховую подушку и рояль на прялку? Почему тебя выгнали из господского дома, а, Изаура?

- Ты же знаешь, Роза, никто меня не выгонял. Госпожа Малвина вместе с братом уехала к отцу. Теперь мне нечего делать в господском доме, вот я и перешла работать сюда, к вам.

- А почему она не взяла тебя с собой? Ты ведь была ее любимицей. Ах, Изаура, тебе и хотелось бы обмануть меня, да напрасно стараешься, я уж давно все знаю. Ты слишком стала нос задирать, вот и очутилась здесь. Будешь знать свое место.

- Какая же ты недобрая, - ответила Изаура, грустно улыбаясь, но без раздражения. - Неужели ты думаешь, мне так уж сладко и вольготно жилось в доме с белыми господами? Как же ты ошибаешься!.. Если только ты не будешь донимать меня своим острым язычком, как сейчас, здесь мне будет и спокойней, и лучше.

- Вот уж никогда не поверю! Как же ты можешь быть довольна, если не с кем будет шашни заводить?

- Роза, что я сделала тебе? Почему ты так на меня нападаешь?..

- Ох, госпожа, умоляю, не сердитесь!.. Простите, доня Изаура, я-то думала, вы оставили свои чувствительные выкрутасы в гостиной.

- Ты можешь говорить, что вздумается, Роза, а мне хорошо известно: в гостиной ли, на кухне - я такая же рабыня, как ты. Но и ты должна помнить: сегодня ты здесь, а завтра Бог знает, где будешь. Давай работать, это ведь наша обязанность, и оставим пустые разговоры.

В это время раздался звон колокольчика - было около четырех, и колокольчик звал рабов к обеду. Рабыни прекратили работу и поднялись с мест. Только Изаура осталась сидеть и продолжала пряхть.

- В чем дело? - насмешливо спросила Роза. - Ты не слышишь, Изаура? Пора, идем есть, фасоль нас ждет.

- Нет, Роза, я лучше останусь, я не голодна. Мне нужно поторопиться с работой, я ведь начала позже всех.

- Ты права, такая образованная и изнеженная девица, как ты, не может есть из общего котла. А хочешь, тебе

пришлют отдельный котелок? Может быть госпоже шоколаду угодно?

- Заткнись-ка, болтушка, - прикрикнула на нее пожилая креолка, которая, видно, была за старшую среди прях. - Язычок у тебя, как у гадюки!.. Оставь девушку в покое. Пойдемте.

Все рабыни ушли, осталась только Изаура, занятая работой и погруженная в свои печальные и тревожные размышления. Нить как бы сама собой скользила меж ее нежных пальчиков, а босая, точеная ножка, недавно еще щеголявшая в сафьяновом башмачке, ловко нажимала на педаль прялки. Ее головка склонилась набок, точно чашечка поникшей лилии, а полуопущенные веки - как печальные завесы над бездонными провалами глаз, полных душевной боли и тоски. Как она пленяла красотой в этой милой и естественной позе!

- Ах, Боже мой! - думала она. - Даже здесь не найти ни минуты покоя!.. Все будто сговорились терзать меня!.. В гостиной меня преследуют белые, плетут интриги и строят тысячи мучительных козней. А здесь, среди таких же, как я, рабов, которые, казалось, любят меня и где, я надеялась, моя жизнь будет спокойней, тоже нашлась женщина, которая то ли из зависти, то ли Бог знает почему еще косо на меня смотрит и только и мечтает побольнее задеть меня. Боже мой! Боже мой!.. Раз уж мне выпало несчастье родиться рабыней, разве не лучше было бы появиться на свет неказистой, даже безобразной, как самый ничтожный из рабов, чем обладать всеми достоинствами, которые лишь усугубляют мое несчастье?

Недолго предавалась Изаура своим печальным размышлениям. В дверях послышался шум, и, подняв глаза, она увидела, как кто-то приближался к ней.

- О, Господи! - тихо вздохнула девушка. - Вот и новая досада! Ни на секунду не оставят одну.

Пришедший был не кто иной, как бесстыжий и наглый слуга Андре, тот самый, что сопровождал управляющего, а сейчас, напыжившись, предстал он перед Изаурой.

- Добрый вечер, красавица. Ну, как чувствует себя нежный цветок на новом месте? - небрежно и бесцеремонно обратился бездельник к несчастной рабыне.

- Хорошо, - сухо ответила та.

- Привыкаешь понемногу?.. Правильно, надо приспосабливаться к новым обстоятельствам. Конечно, если привык к господской жизни среди цветов и шелков и душистых одеколонов, грустно оказаться вдруг среди этих за-

копченных стен, от которых так и разит табачным дымом да свечным нагаром.

- Андре, и тебе не терпится надо мной поиздеваться?..

- Нет, нет, Изаура, избави меня Бог оскорблять тебя, наоборот, у меня сердце болит, когда я вижу тебя среди сборища губастых и вонючих негритянок. Такая девушка достойна ступать лишь по коврам, а возлежать на пуховых перинах! Господин Леонсио - зверь, а не человек, у него нет сердца.

- Какое тебе до этого дело? Я вполне довольна своей судьбой. Мне хорошо здесь.

- Да что ты!.. Вот уже никогда не поверю! Тебе здесь не место. Но с другой стороны, я рад, что так вышло.

- Почему?

- Да потому, Изаура, что, честно говоря, ты мне очень по нраву, а здесь мы, по крайней мере, можем болтать без помех...

- Хватит!.. Поверь, я совершенно не расположена болтать с тобой "без помех".

- Ах, вот как! - воскликнул Андре, взбесившись от такого резкого отпора. - Значит, "госпожа" привыкла выслушивать любезности только от симпатичных белых парней в гостинной!.. Так смотри, дорогуша, такой может и не подвернуться, а среди наших тебе вряд ли кто встретится покрасивей меня. Да и хожу я всегда при галстукке, в перчатках, в ботинках, отутюжен, надушен и, что еще важнее, - добавил он, прихлопнув себя по карману, - в кармане у меня всегда звенит. Роза, а она очень миленькая девушка, так та прямо глаз с меня не сводит, но увы! - бедняжка... Что она против тебя?.. Вообще, Изаура, если б ты только знала, как ты мне нравишься, была бы со мной полюбезнее. Если б ты захотела, слышишь... вот...

Продолжая говорить, плут подошел к Изауре и небрежно обнял ее за шею, будто хотел что-то сказать на ухо или, может, поцеловать.

- Прекратите! - закричала Изаура, с раздражением отталкивая его. - Вы становитесь слишком дерзки и назойливы. Уходите отсюда немедленно, или я все расскажу господину Леонсио.

- Ох, Изаура, не стоит так сердиться. Ты плохо обращаешься с человеком, который всегда уважал и даже любил тебя. Ну да ладно, время, глядишь, и смягчит твое каменное сердечко. Прощай, я уйду, но смотри,

Изаура, ради Бога, никому ни слова. Упаси Бог, если молодой хозяин узнает, что здесь было, да он меня просто вздернет на дереве. Но сдаётся мне, - уходя бормотал себе под нос Андре, - в этом дельце господин Леонсио так же поторопился, как и я.

Бедная Изаура! Всегда и везде она становится жертвой назойливости - то рабов, то хозяев, ни минуты покоя! За что такие горести и муки ее чистому сердечку?! Четверо врагов, казалось, соперничали в стремлении мучить и терзать ее душу и сердце: трое влюбленных мужчин - Леонсио, Белхиор и Андре - и страшная, безжалостная ревнивица Роза. Она легко отделялась от назойливости рабов, но что станет с ней, когда придет сам господин?!..

И правда, немного спустя в сарай, где работали пряжи, зашел Леонсио в сопровождении управляющего. Изаура, на минуту приостановив работу, спрятала лицо в ладонях и погрузилась в горькие размышления, поэтому она не заметила присутствия мужчин.

- А где женщины, которые тут работают?.. спросил Леонсио управляющего, входя в сарай.

- Ушли обедать, господин, но они скоро вернутся.

- Вон одна осталась на месте... Так это Изаура... "Прекрасно! - решил про себя Леонсио. - Лучшей возможности и не придумаешь. В последний раз попробуем соблазнить это бесчувственное создание".

- После еды, - обратился он к управляющему, - отправьте всех на сбор кофе. Я уже давно хотел вам приказать это, да все забывал. Я ни минуты больше не желаю их здесь видеть; им бы только от работы отлынивать, теряют время без толку, одна болтовня и никакого проку. Полотна и так купить можно вдоволь.

Едва управляющий ушел, Леонсио приблизился к Изауре.

- Изаура! - взволнованно и нежно зашептал он.

- Господин! - рабыня испуганно вскочила; сердце ее болезненно сжалось: Господи! Он!.. Пришел час моей казни!

Сейчас мы вынуждены ненадолго покинуть Изауру в ее бедственном положении наедине с распутным и беспощадным хозяином и рассказать читателю, что произошло в семье Леонсио, после того как известие о смерти командора, словно взрыв бомбы, оборвало запутанные нити семейной интриги и, болезненно отозвавшись в сердцах родственников, отвлекло их от столкновения в тот самый момент, когда страсти достигли предела и назревала развязка. Смерть могла лишь усугубить щекотливое и тягостное положение, ведь теперь в руки Леонсио переходило все состояние отца и таким образом исчезли последние путы, сдерживавшие его низкие инстинкты.

Леонсио и Малвина, соблюдая траур, провели несколько дней дома, взаперти, и на это время они, казалось, забыли про взаимное раздражение и досаду. Энрике, мечтавший во что бы то ни стало уехать на следующий же день, уступил настойчивым просьбам и мольбам Малвины и согласился не покидать ее на время траура.

- Посмотрим, как поведет себя мой муж, - сказала она. - Если на днях он не даст Изауре свободу или как-то иначе не определит ее судьбу, я не останусь в этом доме ни минуты и уеду вместе с тобой.

Леонсио заперся у себя в комнате и несколько дней не выходил оттуда и ни с кем не разговаривал, казалось, он погружен в безутешную, глубочайшую скорбь. Но на деле все было совсем не так. Конечно, смерть отца оказалась неожиданным и даже болезненным ударом для Леонсио, но в глубине души - мы вынуждены это признать - после того, как первое потрясение и ужас прошли, он даже порадовался случившемуся, потому что сообщение о внезапной смерти отца пришлось как нельзя более кстати и выручило Леонсио из неловкого положения, в котором он очутился стараниями Малвины и Мигела. Поэтому во время добровольного заключения вместо того, чтобы от-

даться душевной боли, которую должен был бы вызвать столь жестокий удар, Леонсио, будучи не в состоянии подчиниться требованию жены удалить Изауру из дома, ломал себе голову над тем, как бы половчее выпутаться из грязной истории и при этом не выпустить из рук прелестной невольницы. Сложностей оказалось много, и они сплелись в узел, который можно было разрубить, но нельзя развязать. Леонсио помнил данное Мигелу отцовское обещание освободить Изауру за непомерную сумму в десять миллионов рейсов. Мигел достал деньги и вручил ему лично в руки, прося дать взамен свободу Изауре. Леонсио хорошо знал, тут уж возразить нечего, что его покойная мать тоже мечтала освободить Изауру после своей смерти. С другой стороны, Малвина, узнав о его страсти к рабыне и грязных намерениях, естественно, пришла в негодование и настойчиво требовала дать Изауре вольную. У Леонсио просто не оставалось иного выхода, кроме как отпустить Изауру. Только таким образом он с достоинством разрешил бы все возникшие в семейной жизни осложнения. Но с таким решением Леонсио примириться не мог. Бешеная, слепая страсть, которую невольно разожгла в его сердце Изаура, понуждала его преодолевать все препятствия, нарушать все законы приличия и чести, безжалостно терзать любящую и нежную жену, только бы добиться удовлетворения своих иступленных желаний. И потому он решил, пользуясь своей властью хозяина и главы дома, разрубить узел, отложив на неопределенное время выполнение долга перед покойными родителями, а справедливые упреки и требования Малвины встретить с циничным безразличием и жестоким высокомерием.

И когда Малвина, терпеливо прождав несколько дней из уважения к горю, в которое, как она полагала, был погружен ее муж, снова заговорила, наконец, об этом щекотливом деле, он совершенно спокойно ответил ей:

- У нас достаточно времени, Малвина. Мне необходимо сначала подвести баланс, составить опись имущества. Надо поехать в столицу, разобраться в отцовских бумагах и счетах, понять состояние дел. Когда я вернусь, мы при случае поговорим об Изауре.

Услышав это, Малвина смертельно побледнела, сердце ее будто сжали жесткие ладони ледящей боли, и оно само превратилось в кусочек льда: на ее глазах рушился волшебный замок ее семейного счастья. Она думала, что муж, пораженный жестокой утратой, за последние дни, проведенные в одиноких горьких размышлениях и печали,

раскаялся в своих ошибках и сумасбродствах, что теперь он попросит прощения и постарается следовать требованиям долга и порядочности.

Уклончивые ответы мужа, его пустые отговорки повергли Малвину в горькое и беспросветное уныние.

- Как?! - вскрикнула она, и в голосе ее одновременно прозвучали и оскорбленная гордость, и самое глубокое возмущение. - Ты все еще не решаешься исполнить святой долг?.. Если б ты мог чувствовать, ты почитал бы Изауру за сестру, ты же знаешь, твоя мать любила и ласкала ее как родную обожаемую дочь. Самым горячим ее желанием было сделать Изауру свободной, только после своей смерти. Она даже хотела оставить девушке приличное наследство, чтобы обеспечить ее судьбу. Ты также хорошо помнишь, что твой отец торжественно обещал отцу Изауры дать ей вольную за десять миллионов рейсов, и Мигел уже вручил тебе эту непомерную сумму. Ты все знаешь, и тем не менее колеблешься, отделяешься пустыми отговорками. Это уж слишком!.. Я не вижу причины откладывать выполнение обязательств, которые уже давно должны быть исполнены.

- Но к чему такая спешка?.. Объясни, Малвина, - мягко и спокойно возразил Леонсио. - Зачем Изауре сейчас свобода? Разве ей здесь плохо? С ней дурно обращаются? Может, ей чего-нибудь не хватает? К ней относятся скорее как к родственнице, чем как к рабыне. Неужели ты хочешь, чтобы мы просто-напросто вышвырнули ее за порог?.. Плохо же мы исполним пожелание моей матери, ведь она так заботилась о будущем Изауры. Нет, дорогая Малвина, мы не должны оставлять Изауру одну в целом мире. Сначала нужно обеспечить ей приличное положение, достойное ее красоты и образования, то есть найти ей хорошего мужа, а это не делается за один-два дня.

- Что за нелепые оправдания, друг мой!.. Для своей защиты Изаура вовсе не нуждается в муже, у нее есть отец, человек очень добрый и, как мы убедились на деле, обожающий свою дочь. Давай передадим ее господину Мигелу, уверяю тебя, она попадет в хорошие руки, ее укроют под надежным крылом.

- Бедный господин Мигел, - презрительно улыбнулся Леонсио. - Не сомневаюсь, намерения у него добрые, но разве у него есть средства, чтобы обеспечить счастье Изауры? Особенно теперь, когда он, видимо, заложил даже собственные волосы, чтобы выкупить дочь, если только

эти деньги не дали ему из милости, что кажется мне наиболее вероятным.

В ответ Малвина лишь покачала головой и вздохнула. И все же ей так хотелось верить в искренность мужа! Она сделала вид, что его слова удовлетворили ее, и ушла, не выказав недовольства или досады. Однако ей невыносимо тяжело было дольше терпеть столь двусмысленное и унижительное для нее положение, она мучилась, терзалась и на следующий же день еще более настоятельно вернулась к разговору об Изауре. Но в ответ слышала те же отговорки. Леонсио говорил с высокомерным безразличием, как человек, твердо решивший во что бы то ни стало исполнить задуманное. Малвина не выдержала и накричала на мужа. А Леонсио, заранее все хладнокровно обдумав, противопоставил ее яростным нападкам циничное и насмешливое бесстыдство, что привело молодую женщину в состояние крайнего раздражения и негодования.

На другой же день Малвина, не сказав никому ни слова, поспешно оставила дом своего мужа и в сопровождении брата отправилась в Рио-де-Жанейро. В пылу гнева она поклялась, что ноги ее больше не будет в доме, где ее посмели так низко оскорбить, и сам образ вероломного и распутного человека, бывшего ее мужем, навсегда изгладится из ее памяти. Но в порыве раздражения она не рассчитала, хватит ли у нее сил исполнить свои испуленные зарок, произнесенные в горячке ревности и досады; она не подумала о том, что в нежных и добрых сердцах ненависть утихает намного скорее, чем любовь, а любовь, которую Малвина питала к Леонсио, несмотря на все его распутство и неблагоприятные поступки, оказалась гораздо глубже, чем ее, пусть и справедливое, негодование.

Леонсио же, как и задумал, встречал нападки жены с холодным и наглым безразличием. Сложив руки на груди, он молча наблюдал за поспешными сборами, а затем, небрежно опершись о стену на веранде и лениво покуривая сигару, присутствовал при отъезде Малвины, словно это был самый ничтожный и безразличный ему гость.

Между тем видимое равнодушие Леонсио вовсе не было естественным и искренним, нет-нет, конечно, он совсем не расстроился из-за отъезда жены, наоборот, его переполняла буйная радость, своенравное решение Малвины пришлось как нельзя более кстати. Теперь он совершенно освободился от многочисленных осложняющих дело условностей и мог беспрепятственно осуществить свои гнусные намерения относительно бедной Изауры. Под при-

творным безразличием он скрывал ликование, переполнявшее его сердце. Против женских капризов и гнева нет сильнее оружия, чем хладнокровие и безразличие, - таков был излюбленный девиз Леонсио, которому он неизменно следовал и в менее серьезных случаях, а потому Малвина не смогла разглядеть под маской притворного равнодушия бурную радость мужа.

А что же происходило с благородной и несчастной Изаурой в эти долгие дни траура, отчаяния, волнений и печалей?

Услышав о смерти командора, Изаура потеряла все сладостные надежды, расцветшие было в душе ее благодаря Мигелу. Похолодев от ужаса, она осознала, что немилосердная судьба делает ее беззащитной жертвой в руках упрямого и жесткосердного преследователя. Она хорошо помнила о печальной участи матери и, потрясенная, не могла вообразить себе иного средства противостоять безжалостному року, кроме как смириться и приготовиться к тяжелым, изнурительным мукам. Ею овладели беспросветное уныние и смертельный страх; рассеянная, бледная, будто вдруг обезумевшая, бесцельно бродила Изаура по полям, пряталась в густых зарослях сада или в отдаленных уголках дома, охваченная ужасом и томительным волнением, точь-в-точь испуганный зайчишка, над которым парит ястреб с окровавленными когтями. Кто защитит ее? Где найти спасение от бесстыдных притязаний распутного и подлого хозяина? Только два человека могли проявить к ней сочувствие и интерес: отец и госпожа Малвина. Но для отца, скромного бедного управляющего, дом Леонсио был закрыт. С трудом, украдкой встречался он с дочерью и мало чем мог ей помочь. А госпожа Малвина, всегда такая добрая и ласковая с ней, увы! после возмутительной сцены, когда она застала мужа, приставившего к Изауре с нежностями, изменилась. Теперь она смотрела на бывшую любимицу с недоверием и подозрительностью - вот ужасное следствие ревности, делающей несправедливыми и злопамятными даже самых искренних и доброжелательных людей. С каждым днем хозяйка становилась все менее приветлива и снисходительна к служанке, с которой раньше была близка и ласкова, почти как с сестрой.

Добрая и доверчивая Малвина никогда бы не усомнилась в невинности своей любимицы, если б не Роза, ужасная соперница и смертельный враг Изауры. После стычки, невольной причиной которой стала Изаура, Роза сделалась служанкой или, точнее, горничной Малвины, и

молодая хозяйка порой изливала душу зловредной мулатке, рассказывала о ревнивых подозрениях и горестях, терзавших ее сердце.

- Госпожа слишком доверяет этой лицемерке... - нашептывала подлая девчонка. - Уж будьте уверены, их ухаживания да заигрывания не сегодня начались, я давно присматриваюсь к этой обманщице. Перед вами, госпожа, она из себя простушку строит, а перед молодым господином стелется. Она и виновата, что он голову потерял.

Такие и им подобные обвинения ловко нашептывала коварная мулаточка своей неопытной и мягкосердечной госпоже и добилась желаемого результата - Малвина была введена в заблуждение.

Подавленная новой бедой, Изаура несколько раз пыталась приблизиться к своей бывшей госпоже и узнать, почему та лишила ее былой привязанности и доверия, которые всегда ей выказывала, девушка хотела доказать свою невиновность. Но Малвина встречала ее так холодно и высокомерно, что несчастная в ужасе спешила уйти и еще глубже погружалась в бездну несчастий и печалей.

Тем не менее, пока Малвина оставалась в доме, она, как охранительная тень, как надежный покровитель, оберегала Изауру от назойливости и гнусных вождедений Леонсио. Как ни мало уважал он жену, все же ее присутствие мешало ему по крайней мере применить насилие, которое он не постеснялся бы использовать, лишь бы достичь своих мерзостных целей. Изаура понимала это, и трудно даже вообразить ужас и бессилие, овладевшие бедняжкой, когда она увидела, как уезжает ее госпожа. Теперь Изауре совсем не на кого будет опереться, она осталась полностью во власти обезумевшего и подлого человека, который одновременно был ее хозяином, влюбленным и палачом. И действительно, Леонсио, едва дождавшись, когда жена скроется из виду за холмами, более не в силах сдерживать переполнявшее его дьявольское ликование, решил не терять времени даром и обегал весь дом в поисках Изауры. Наконец он обнаружил ее в темном уголке дальней спальни, девушка лежала на полу, почти без чувств, обливаясь слезами, неудержимые рыдания сотрясали ее.

Пожалеем читателя и избавим его от описания постыдной сцены, которая произошла между Леонсио и Изаурой. Скажем только, что Леонсио употребил все имевшееся в его распоряжении неотразимые и веские доводы и средства, чтобы убедить девушку, будто уступить хозяину было бы ее долгом да и в ее же интересах. Каких только

пышных обещаний, торжественных заверений он ни давал, он опустился до самых униженных просьб, молил у ног рабыни, из уст которой слышал в ответ лишь горькие упрёки и страшные обвинения. Наконец, удостоверившись в бесплодности своих усилий, он ушел в ярости, выкрикивая свирепые угрозы. И для начала, приведя в исполнение свои мрачные обещания, он в тот же день велел отправить Изауру работать к пряхам, где мы и оставили ее в прошлой главе. Оттуда ее предполагалось перевести на плантацию, затем на корчевку, потом к позорному столбу, ну а уж потом, видно, прямо в могилу, если она будет упорствовать в неподчинении воле своего господина.

Леонсио горел от нетерпения, его сердце пылало в огне лихорадочной и ненасытной страсти, он не в силах был смириться и хотя бы на время отложить удовлетворение своих похотливых желаний. Бродя по всему дому якобы для того, чтобы давать указания по изменению домашнего уклада, который отныне пристраивался по вкусу нового хозяина, на самом деле Леонсио настороженно следил за малейшими движениями Изауры, искал случая застать ее в одиночестве и снова приняться за отвратительные уговоры. Из окна он увидел, как отправились обедать прядильщицы, Изауры среди них не было.

- Прекрасно!.. Все идет просто замечательно! - удовлетворенно пробормотал Леонсио, в этот момент ему пришла в голову счастливая мысль приказать управляющему отправить прях на плантацию, тогда он остался бы почти наедине с Изаурой среди опустевших на время дневных работ дворовых построек.

Казалось бы, Изаура - всего лишь рабыня и ее хозяину не было нужды прибегать ко всяческим уловкам, чтобы встретиться с ней наедине, он мог просто приказать доставить свою собственность волей или неволей. Конечно, все это так, но трудно передать словами обаяние, присущее красоте в сочетании с благородством души, даже если речь идет о рабыне, и то превосходство ума, которое вызывает невольное уважение даже у испорченных и развращенных натур. Поэтому Леонсио, несмотря на весь свой цинизм и упрямое ослепление, не мог в глубине души не отдавать должного красоте и добродетелям необыкновенной рабыни и относился к ней с большей деликатностью, чем к другим женщинам.

- Изаура, - произнес Леонсио, продолжая диалог, который мы прервали на жалобном восклицании девушки, - твоя судьба отныне полностью в моих руках.

- Так было всегда, господин, - покорно ответила Изаура.

- Ну а сейчас особенно. Мой отец умер, и, как тебе известно, я единственный наследник. Малвина по причинам, о которых ты, верно, догадываешься, покинула меня и переехала к отцу. Итак, сегодня я один распоряжаюсь твоей судьбой. Но, Изаура, твое счастье или гибель зависят исключительно от тебя самой.

- От меня!.. О, нет, господин, моя судьба зависит только от желания моего хозяина.

- Поверь, мне бы от всей души хотелось, - на удивление тепло и ласково продолжал Леонсио, - сделать тебя счастливейшим в мире созданием, но как я могу, если ты упорно отказываешься мне в том счастье, которое ты, и только ты можешь дать?

- Я, господин? Ох, оставьте бедную рабыню с ее жалкой долей, вспомните дону Малвину, она так красива, добра и так вас любит. Я молю вас, ради нее, господин мой, не надо снисходить до несчастной рабыни, которая готова вам повиноваться во всем, кроме одного...

- Послушай, Изаура, ты еще совсем дитя и не понимаешь всей серьезности положения. Придет день, и ты пожалеешь, что отвергла мою любовь, но, возможно, будет уже поздно.

- Никогда! - воскликнула Изаура. - Я была бы низким и вероломным существом, если б посмела выслушивать от вас любовные признания. Я не могу обмануть свою хозяйку.

- Какое ты дитя!.. Послушай, Изаура, у моей матери не было дочерей. Оценив твою красоту и живость, она позаботилась дать тебе образование, как сделала бы это для родной дочери. Она очень любила тебя и если не дала вольной, так только из боязни потерять тебя, она хотела, чтобы ты навсегда осталась рядом с ней. Если даже она этого хотела, как же могу отпустить тебя я, человек, который любит другой любовью, гораздо более пылкой и самозабвенной; моя любовь безмерна, она доведет меня до самоубийства или подлинного безумия, если... Но что я несу!.. Мой отец - да простит ему Господь! - из одной только мерзкой скупости хотел продать тебя за горсть золота, будто есть на свете что-либо дороже всепобеждающего обаяния, которым наградило тебя небо. Кошунство! Если кто-нибудь посмеет предложить мне деньги в обмен на твою свободу, я выгоню его, как выгоняют человека нанесшего жестокое оскорбление. Ты свободна, ибо Господь не может создать столь совершенное существо и об-

ратить его в рабство. Ты свободна, ибо этого хотела моя мать и этого же хочу я. Но, Изаура, моя любовь к тебе беспредельна, и я не могу, не смею отпустить тебя в мир. Я умру от боли, если буду принужден расстаться с бесценной жемчужиной, которую само небо, очевидно, предназначило мне и к которой я так давно стремлюсь всеми силами души, со всем пылом и страстью...

- Простите, господин, мне трудно понять вас, вы говорите, что я свободна, и в то же время не позволяете уйти, куда я хочу, вы даже не разрешаете мне самой распоряжаться своим сердцем.

- Изаура, стоит лишь тебе захотеть - и ты будешь не просто свободна, ты станешь хозяйкой, богиней этого дома. Любые твои приказы, малейшие капризы исполнятся мгновенно. Я буду нежней и преданней, чем все влюбленные в мире, я окружу тебя лаской и заботами, самым восторженным поклонением, на которое только может вдохновить пылкая и неутолимая любовь! Малвина оставила меня! Тем лучше! Зачем она мне с ее жалкой любовью, если у меня будешь ты?! Порвем же безвозвратно союз, основанный на расчете! И пусть она навек забудет про меня, ведь в объятиях милой Изауры я буду слишком счастлив, чтобы вспоминать о ней.

- То, что вы говорите, приводит меня в ужас. Разве можно спокойно забыть такую любящую и добрую женщину, как прелестная, чистая донна Малвина! Господин, простите, что я говорю так откровенно, но покинуть красивую, преданную и добродетельную жену ради бедной рабыни было бы величайшей несправедливостью.

Гордость Леонсио возмутилась от такой суровой и справедливой отповеди.

- Замолчи, наглая рабыня! - заорал он в ярости. - Мало того, что я терпеливо сносил твои отказы и пренебрежение, так ты совсем разошлась: теперь я и попреки твои должен выслушивать!.. С кем, по-твоему, ты говоришь?!..

- О, простите меня, господин!.. - воскликнула испуганная Изаура, жестоко раскаиваясь в своих словах.

- И все же если ты будешь со мной поласковее... Но нет, довольно, не хватало еще унижаться перед рабыней! С какой стати я должен просить о том, что принадлежит мне по праву? Запомни, неблагодарная и строптивая рабыня, ты принадлежишь мне телом и душой, мне и только мне. Ты моя собственность, бокал, который я держу в руках: захочу - выпью из него, захочу - разобью вдребезги.

- Вы можете разбить его, господин, я хорошо это знаю, но молю вас, не используйте его для постыдных и грязных целей. У рабыни тоже есть сердце, и хозяину не дано распоряжаться его привязанностями.

- Привязанности!.. Кто тут говорит о привязанностях? Разве ты можешь свободно располагать своим сердцем?

- Нет, конечно, господин мой, сердце свободно, никто не властен им распоряжаться, даже сам хозяин.

- Не властен? Да ты ведь принадлежишь мне со всеми потрохами: и уж придется твоему сердцу подчиниться, а не уступишь подобра, я могу и силой взять то, что по праву мое... Впрочем, зачем? Не стоишь ты таких стараний. Душа у тебя рабья, подлая, как и положение твое; а потому, чтоб ты была вполне довольна, выдам-ка я тебя за самого жалкого и гнусного из моих негров.

- Ах, господин, я хорошо знаю, что вы можете это сделать. Ведь ваш отец вот так же убил мою мать, она не пережила выпавших ей на долю горестей и дурного обращения; видно, и у меня та же судьба. Но знайте, у меня всегда достанет сил противостоять и вам, господин мой, и всему миру.

- Ого! - воскликнул Леонсио с дьявольской улыбкой. - Неужели ты до такой степени свихнулась на своих романтических бреднях?! В рабыне это даже забавно! Вот он, результат образования! Теперь ты только и можешь, что романы читать да на рояле брэнчать. Хорошо еще, что предупредила, уж я сумею остудить твою горячую голову. Как бы глупа и строптива ты ни была, а когда намучаешься так, что ни рук, ни ног под собой не почувствуешь, про свое дурацкое упорство напрочь забудешь. Эй, Андре, - заорал он и засвистел в свисток, вделанный в рукоять хлыста.

- Да, господин, - издалека откликнулся слуга, и через секунду он уже стоял перед Леонсио:

- Андре, - сухо и коротко приказал хозяин, - немедленно принести ножные колодки и кандалы.

- Святая дева! - в ужасе зашептал перепуганный Андре. - Для чего это?.. Бедная Изаура!..

- О, сжальтесь, господин, - воскликнула Изаура, падая на колени перед Леонсио и с мольбой воздевая руки к небу, - ради вашего покойного отца, ради святой вашей матери, она ведь так вас любила, молю вас, не мучайте несчастную рабыню. Дайте мне любую работу, самую тяжелую и грубую, и я безропотно покорюсь, но то, что вы требуете, я не могу вам дать, даже если мне придется умереть!

- Мне нелегко так обращаться с тобой, но ты ведь сама вынуждаешь. Ты же понимаешь, я никак не могу простить такую непослушную рабыню. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня за то, что помешал тебе покончить с собой.

- Все равно! - гордо воскликнула Изаура, вскакивая, голос ее охрип и дрожал от отчаяния. - Я не убью себя своими руками, я умру от рук палача.

Тут появился Андре с колодками и кандалами, он сложил все на скамейку и исчез. При виде варварских унижительных орудий пытки в глазах у Изауры потемнело, сердце сжалось от ужаса, ноги подкосились, она упала на колени и, опустив голову на табурет, на котором работала, разрыдалась.

- О, моя добрая госпожа! - восклицала она прерывающимся от слез голосом. - Будьте мне опорой в горе, помогите мне из высшего мира, как вы помогали мне на земле!

- Изаура, - жестко сказал Леонсио, указывая на орудия пытки. - Вот что ожидает тебя, если ты не перестанешь так глупо упрямиться. Мне нечего больше сказать тебе, на сегодня ты еще свободна, я разрешаю тебе подумать до конца дня. Придется выбирать между моей любовью и моей ненавистью. Они обе одинаково сильны и неукротимы. Прощай!

Когда Изаура почувствовала, что хозяин ушел, она подняла лицо и, подняв к небу глаза и руки, обратилась к Пречистой Деве с горячей молитвой, вырвавшейся вместе с рыданиями из сокровенной глубины ее чистой души:

- Пресвятая Богоматерь милосердная! Тебе ведомо, что я невинна и не заслуживаю такого жестокого обращения. Помоги же мне в этом тяжком испытании, ибо в целом мире мне не к кому больше обратиться за помощью. Избавь меня от когтей палача, который хочет лишить меня не только жизни, но и чести и невинности. Просвети его дух, наполни сердце милосердием и добротой, чтобы пощадил он свою несчастную рабыню. Я всего лишь бедная невольница и со слезами на глазах и болью в душе молю тебя, Пресвятая Дева, ранами Твоего Божественного Сына заклинаю, смилостивься, пощади меня!..

Как хороша была Изаура в этой горестной молитвенной позе! Несравненно прекрасней, чем в дни покоя и радости! Если б Леонсио увидел ее теперь, возможно, его неумолимое сердце смягчилось бы. Глаза девушки блестели от слез, непрерывно струившихся по бледным щекам, полуоткрытые губы чуть дрожали, когда вместе с рыдани-

ями выдыхала она слова молитвы, густые черные пряди волос в беспорядке рассыпались по плечам, нежная грудь и стройная шея белели в вырезе платья - вдохновенный художник увидел бы в ней самую прекрасную, возвышенную модель для изображения Скорбящей Богоматери, к которой в этот момент обращала она свои пылкие мольбы. И без сомнения, ангелы небесные порхали в это время вокруг нее, трепеща золотисто-алыми крыльями, они, верно, мгновенно принесли к престолу Утешительницы Всех Скорбящих столь пылкую и горестную молитву.

Погруженная в свое горе, Изаура не заметила отца, осторожно и бесшумно зашел он в сарай и направился к дочери.

- Боже! К счастью, она здесь! - бормотал старик. - Но этот палач тоже заходил сюда! О, бедная Изаура!.. Что с тобой будет?..

- Отец, вы здесь!.. - воскликнула несчастная, увидев Мигела. - Смотрите же, смотрите, до чего довели вашу дочь.

- Что с тобой, дочка?.. Какое новое горе обрушилось на тебя?

- Разве вы не видите, отец? Вот судьба, которая ожидает меня, - ответила она, указывая на кандалы и колодки у своих ног.

- Боже, какое чудовище!.. Но я ведь ждал этого...

- Вот какую свободу дарует он той, кого так любила и берегла его мать. Самое жестокое и унижительное рабство, пытки души и тела - вот что осталось в жизни для вашей горемычной Изауры... Отец мой, я не смогу вынести такие муки!.. Мне оставался выход, но и его отнимут... Неподвижная, связанная, скованная по рукам и ногам!.. Ох, отец, отец!.. Это ужасно!.. Отец, дайте мне ваш нож, - добавила она после минутной паузы, чуть севшим голосом и не поднимая глаз, - мне очень нужно.

- Что ты хочешь с ним делать, дочка? Какая безумная мысль пришла тебе в голову?..

- Дайте нож, отец, я воспользуюсь им лишь в самом крайнем случае; если Леонсио, этот низкий человек, придет, чтобы связать меня и заковать в железо, пусть тогда моя кровь брызнет прямо в лицо палачу.

- Нет, дочка, тебе нет нужды идти на такую крайность. Сердце мое чуяло недоброе, и я уже все заранее подготовил. Деньги, которые не смогли добыть тебе свободу, теперь помогут нам вырвать тебя из когтей чудовища. Все готово, Изаура. Бежим.

- Да, отец, бежим. Но как? Куда?

ком я с ней и того меньше. Но поверь мне, доктор Жералдо, она самое благородное и очаровательное создание, какое только можно себе представить. Это не земная женщина, она фея, ангел, богиня!..

- Черт возьми! - воскликнул доктор Жералдо. - Фея, ангел, богиня - это же совершенно различные существа, в конце концов ты и сам убедишься, что она просто женщина. Но скажи-ка мне, дорогой Алваро, этот ангел, богиня, женщина или кто она там есть, не рассказала тебе случайно, откуда она здесь взялась, из какой семьи, что у нее за состояние, ну и тому подобные подробности?

- Меня мало волнуют все эти вещи, я мог бы ответить тебе, что прибыла она с небес, из семьи ангелов, а состояние ее превосходит все богатства мира: чистая и благородная душа, ум, несравненная красота. Кроме того, я ведь уже говорил тебе, единственно, что я знаю о ней - она приехала из Рио-Гранде-до-Сул в сопровождении отца - она составляет всю его семью, в средствах они довольно стеснены, но взамен этого она прекрасна, как ангел, и зовут ее Элвира.

- Элвира! - повторил третий молодой человек. - И правда, прелестное имя. Но не скажешь ли ты нам, Алваро, где живет твоя фея?

- Я не делаю из этого тайны. Они с отцом обитают в маленьком домике в районе Санто Антонио, живут скромно, избегают знакомств и очень редко появляются на людях. В доме, укрытом среди пальмовых рощ и зарослей, она живет, как фиалка под сенью зеленой листвы, как таинственная фея в очарованном гроте.

- Великолепно! - заметил доктор. - Но как же ты обнаружил эту зачарованную нимфу, как попал в ее таинственный грот?

- Я сейчас расскажу. Как-то раз, проезжая верхом мимо их дома, я увидел девушку, она сидела на скамейке в садике перед домом. Меня поразила ее совершенная красота. Когда она заметила, что я с любопытством разглядываю ее, то вспорхнула, будто бабочка среди цветущих кустов, и исчезла. Я твердо решил снова встретиться с ней и заговорить, чего бы мне это ни стоило. Однако, сколько ни расспрашивал я по соседству, никто не знал таинственную незнакомку настолько, чтобы представить меня. В конце концов я выяснил, кто владелец дома, и отправился к нему. Но даже он не мог сказать мне ничего определенного. Арендатор каждый месяц аккуратно продлевает договор, вот и все, что он знал. Тем временем все вечера я проводил перед ее садом, только не верхом,

чтобы удобнее было неожиданно появиться перед девушкой и захватить ее врасплох, однако ожидания мои были безрезультатны. Если она появлялась в саду, то всегда успевала ускользнуть от меня, как и в первый раз. Но однажды, проходя мимо, я увидел, что, когда она вставала со скамьи, у нее выпал платок. Калитка в изгороди была открыта, я осмелился проникнуть в сад, поднял платок и поспешил за девушкой, она уже ступила на порог дома. Незнакомка поблагодарила меня с такой чарующей улыбкой, что я готов был тут же упасть к ее ногам, но в дом меня не пригласила и продолжить знакомство не предложила.

- Я уверен, Алваро, платок этот, - заметил молодой человек, - она, конечно же, уронила нарочно, чтобы иметь возможность посмотреть на тебя вблизи, заговорить с тобой. Романтичный изыск, изящная хитрость кокетливой женщины.

- Не думаю, в этом создании нет и тени кокетства, все в ней дышит искренностью и чистотой. Честно говоря, мне очень нелегко было оторваться от тех мест, будто волшебная сила меня приковала, там сам воздух пропитан таинственными ароматами любви, чистоты и опасности...

Алваро прервал своей рассказ, словно погрузившись в сладостные, милые воспоминания.

- Продолжай, Алваро! - поощрил его другой юноша. - Твой роман заинтересовал нас, продолжай, я сгораю от нетерпения. Когда же наступило "вдруг"?

- "Вдруг"? О, пока, к сожалению, ничего подобного не было и вряд ли будет. Я уже исчерпал все возможные средства проникнуть в святилище моей богини, но безуспешно. Однако на помощь пришел случай и сослужил мне лучшую службу, чем вся моя ловкость и усердие. Однажды, прогуливаясь в экипаже по Санто Антонио, по берегу Беберибе, - надо сказать, для меня эта прогулка стала чем-то вроде богослужения - я заметил маленькую лодку с распущенным парусом, а в ней мужчину и женщину. Через несколько секунд лодка застряла на песчаной отмели. Я немедленно выскочил из экипажа и, взяв на берегу шлюпку, отправился на помощь двум мореплавателям, тщетно пытавшимся столкнуть свою лодочку в воду. Вы не можете себе представить, как я был приятно поражен, когда узнал в пассажирах лодки таинственную знакомку из домика с садом и ее отца...

- Чего-то подобного я и ожидал; между прочим, действие продолжает развиваться весьма любопытно; история

твоей любви к таинственной фее становится похожа на фантастическую поэму.

- А ведь все это чистая правда. Они сильно промокли и выпачкались в грязи, вот я и пригласил девушку и ее отца в мой экипаж. Они долго отказывались, но потом все-таки согласились, и мы отправились к их дому. А дальше почти нечего и рассказывать; просто после некоторых колебаний двери таинственного грота мне, наконец, открыли.

- Мне кажется, - заметил доктор, - ты очень любишь эту женщину.

- Люблю? Да я обожаю ее, и с каждой встречей все сильнее, более того, у меня есть основание предполагать, что и она... по крайней мере не совсем равнодушна ко мне.

- Дай Бог, чтобы ты не оказался жертвой какой-нибудь Цирцеи из борделя, одной из многочисленных авантюристок, которая, проведая о твоём богатстве, мечтает заполучить твои денежки. Их стремление отделиться от общества, таинственность, которой они окружают свою жизнь, - все это отнюдь не свидетельствует в их пользу.

- Кто знает, а может, они преступники, скрывающиеся от полиции? - предположил один из молодых людей.

- Допустим, фальшивомонетки, - прибавил другой.

- Меня всегда одолевают сомнения, - продолжал доктор, - когда я вижу прелестную женщину, путешествующую в сопровождении мужчины, которого она называет отцом или братом. Родитель твоей феи, если он и вправду ее отец, вполне возможно, цыган или сутенер, который торгует красотой собственной дочери.

- Господи Боже мой!.. Спаси и помилуй! - воскликнул Алваро. - Если б я только мог подумать, что это ангельское создание будут так жестоко осуждать, более того, безжалостно осквернять ее чистоту, я предпочел бы онеметь навеки, чем позволить себе хоть слово сказать о ней. Поверьте, друзья мои, вы крайне несправедливы к девушке. Я решил бы, что она - принцесса, лишившаяся трона, если б не был уверен, что она - совершенный ангел во плоти. Впрочем, скоро вы сами увидите ее, и мы с моей феей будем отомщены. Ведь я уверен, вы все в один голос назовете ее божеством. Правда, к сожалению, с этих пор каждый из вас станет моим соперником.

- Что касается меня, - сказал один из молодых людей, - то можешь быть спокоен, я всегда испытываю страх перед таинственными женщинами.

- А я - всего лишь простой смертный, - добавил дру-гой, - и боюсь фей.

- Как же случилось, - спросил доктор Жералдо, - что, избегая общества, она все-таки решилась покинуть свое загадочное уединение и прийти на такой многолюд-ный и шумный бал?..

- Но чего мне это стоило! - ответил Алваро. - Я просто заставил ее прийти. Я уже давно всячески пыта-юсь убедить ее, что такая молодая и красивая девушка, как она, скрывая свое очарование от общества, совершает преступление, противоречит замыслу Творца, создавшего красоту, чтобы на нее смотрели, восхищались, поклоня-лись. Я ведь не похож на мрачных и ревнивых влюблен-ных, которые готовы скрыть своих возлюбленных от люд-ских глаз хоть в земных недрах. Но все доводы, просьбы, мольбы оказались напрасны, отец и дочь упорно отказы-вались появляться на людях, приводя тысячи различных предлогов. Наконец, я пустился на хитрость, я убедил их, что такая уединенная жизнь, вне общества в городе, где их никто не знает, - сама по себе вызывает подозрения и заставляет людей болтать о них всякое, да и полиция по-глядывает на них с подозрением, все это выдумки, конечно, но не лишены оснований...

- Да, совсем не лишены, - вмешался доктор, - ты был не так уж далек от истины.

- Я убедил их, что, какими бы необоснованными и пустыми эти подозрения ни были, - продолжал Алваро, - их необходимо развеять, поэтому надо хоть изредка появ-ляться в обществе. Эта моя последняя выдумка возымела действие.

- Тем хуже для них, - заметил доктор, - это плохой знак, мое недоверие обретае под собой почву. Будь они невиновны, продолжали бы жить по-прежнему, их не вол-новали бы подозрения полиции и болтовня соседей.

- Твои подозрения ни на чем не основаны, мой доро-гой доктор. Они стеснены в средствах, вот и избегают об-щества, оно ведь вынуждает необеспеченных людей идти на большие жертвы, а они... Вот они идут... Смотрите внимательно и сами убедитесь...

В это время в вестибюле появилась молодая красивая дама под руку с пожилым господином достойной наружно-сти.

- Добрый вечер, господин Анселмо!.. Добрый вечер, дона Элвира!.. Как я счастлив видеть вас здесь! - говорил Алваро вновь прибывшим. Он покинул друзей и поспешил приветствовать новых знакомых как можно более привет-

ливо и учтиво. Одну руку он предложил доне Элвире, другой подхватил господина Анселмо и повел их в залы, где уже толпилось многочисленное блестящее общество. Трое собеседников Алваро да и все, оказавшиеся неподалеку, оборачивались к Элвире, когда она проходила мимо, вызывая оживление и шепот даже среди тех, кто ничего заранее не знал о ней.

- Вот это да!.. Поразительная красота!

- Королевская осанка!..

- А какие глаза! Андалузская кровь!

- До чего же хороши волосы!

- А шея! Какая шея!.. Вы заметили?..

- И одета так элегантно и просто! - перешептывались трое молодых людей, потрясенные, будто им явилось небесное видение.

- А вы заметили очаровательную родинку на правой щеке? - добавил доктор Жералдо. - Алваро прав, его фея затмит всех красавиц. Кроме всего прочего, у нее есть еще и преимущество новизны, и ореол тайны, которой она себя окружила. Я стораю от нетерпения быть ей представленным, очень хочется взглянуть на фею вблизи.

Так они переговаривались несколько минут, пока Алваро, выполнив приятную обязанность церемониймейстера при новой королеве салонов, снова подошел к приятелям.

- Друзья, - сказал он с торжествующим видом, - приглашаю вас в зал. Я хочу сейчас же представить вас доне Элвире и раз и навсегда развеять несправедливые подозрения, которые вы недавно высказывали. Вы убедитесь, она самое прекрасное и чистое создание, какое только существует на земле. Хотя я уверен, что одного ее вида было достаточно, чтобы пронять вас до печенок.

Четверо молодых людей исчезли в вихре многолюдных зал. Однако их место тут же заняли несколько очаровательных, элегантных девушек, сверкавших шелками и драгоценностями, как стайка райских птиц. Прогуливаясь, они беседовали, а предметом их разговора была все та же дона Элвира. Но тон их речей был совсем иным и ничем не напоминал восхищение молодых людей. Думаю, не худо будет и нам немного послушать этих дам.

- Вы не могли бы сказать нам, дона Аделаида, что за девушка сейчас вошла в зал под руку с господином Алваро?

- Не знаю, дона Лаура, первый раз ее вижу. Кажется, она не из нашего города.

- Я уверена в этом. А какой у нее был испуганный вид!.. Точь-в-точь деревенщина, никогда в жизни не видевшая бальной залы, правда, дона Розалина?

- А вы заметили, как она одета?.. Господи!.. Какая нищета! Да у моей горничной наряды и то поизящнее. А может, дона Эмилия знает, кто она?

- Я? Откуда? Первый раз ее вижу. Правда, господин Алваро говорил мне о ней, он утверждает, что она - чудо красоты. По-моему, ничего подобного, она, конечно, мила, но не настолько, чтобы поразить воображение.

- Господин Алваро такой чудак, он всегда был восторженным юношей. Его привлекает все новое. Интересно, и где только он откопал эту жемчужину? Она просто обворожила его.

- Кажется, она приехала с юга, дорогая, и с виду не так уж и дурна.

- Если бы не черная отметина на щеке, была бы вполне ничего.

- Наоборот, дона Лаура, родинка придает ей особое очарование...

- Ах, прости, дорогая, я забыла, что у тебя такая же родинка; но честное слово, твоя очень идет тебе и придает пикантность, а ее - ты приглядишься повнимательнее - слишком велика. Она напоминает не мушку, а огромного жука, усевшегося на щеку.

- Я и правда плохо разглядела. Пойдем, пойдем в зал, надо бы взглянуть повнимательнее, чтоб не сомневаться впредь.

Тут они взялись за руки и, лавируя среди гостей, будто пестрая гирлянда роскошных цветов, растворились в многолюдстве бала.

Алваро принадлежал к тем избранным натурам, которых судьба и природа, казалось, наперегонки одаривали всеми сокровищами из своих сундуков. Единственный сын знатных и богатых родителей, в двадцать пять лет он остался круглым сиротой и обладателем состояния в две тысячи миллионов рейсов.

Он был высок, строен, хорошо сложен. В лице его привлекала не столько правильность черт, которые отнюдь не напоминали классические, сколько благородное и приятное выражение. Не будучи утонченным мыслителем, он, тем не менее, обладал ясным и светлым умом, способным постигать самые высокие и сложные материи. Закончив подготовительный курс, Алваро, как философ, тщательно взвешивающий все решения, пришел к заключению, что судьба, сделавшая его обладателем большого состояния, так же легко может лишиться его этих денег, а потому необходимо иметь профессию, и Алваро стал изучать право. В первый год, пока он парил в высших сферах философии права, он даже находил некоторое удовольствие в занятиях, но, когда пришлось погрузиться в запутанный лабиринт сухого тоскливого крючкотворства, составляющего суть практического права, его цельной натуре это быстро надоело и Алваро не хватило мужества упорствовать в достижении поставленной цели. Человек в высшей степени своеобразный, полный высоких и благородных замыслов, Алваро находил больше удовольствия в исследовании значительных политических и общественных проблем, в создании блистательных утопий на бумаге и в мечтах, чем в упорном изучении и толковании законов и установлений, по большей части, как он полагал, основанных на самых абсурдных ошибках и предубеждениях.

Он ненавидел все социальные различия и привилегии, и, думаю, излишне говорить, что Алваро был либералом, республиканцем и даже почти социалистом. С такими идеями Алваро не мог не стать рьяным сторонником або-

лиционизма и, надо сказать, был им не только на словах. Немалая часть наследства, полученного им, состояла из рабов, и Алваро вскоре заговорил о том, чтобы их освободить. Однако, будучи по натуре даже чрезмерным филантропом, Алваро понимал, насколько опасно резко перейти от состояния беспросветного рабства к наслаждению полной свободой, поэтому для своих бывших рабов он создал в одном из поместий нечто вроде колонии, управление которой доверил честному и усердному управляющему. Таким образом и негры, и общество, и сам Алваро получили большую выгоду. Поместье было передано как бы в аренду для обработки земли. Подчиняясь общему для всех порядку, бывшие рабы не только оказывались защищены от развращающего влияния безделья, пороков и преступлений, но и получили возможность добывать себе средства к существованию и даже делать небольшие сбережения, из которых могли возместить Алваро убытки, понесенные в связи с их освобождением. Экстравагантный и оригинальный, как богатый английский лорд, наш герой в своих привычках был прост и суров, как квакер. Однако, обладая живым воображением и чувствительным сердцем, он любил удовольствия, роскошь, изящество и, конечно же, больше всего женщин, но чувства его отличались такой деликатностью, чистотой, таким идеальным целомудрием, которое свойственно лишь возвышенным душам и преданным сердцам. Между тем до сих пор Алваро не встречал еще женщины, способной завоевать его любовь, ведь она должна была воплощать идеал, являвшийся юноше в смутных мечтах его поэтического воображения. Наделенный исключительными, выдающимися дарованиями, Алваро, без сомнения, был предметом самого пристального внимания в высшем свете, сердца многих очаровательных знатных девушек трепетали от тайного и страстного желанья покорить блестящего юношу. Но он вел себя равно внимательно и любезно со всеми, никому не выказывая ни малейшего предпочтения.

Легко представить себе разочарование, изумление и возмущение, которые воцарились среди прелестных дам Ресифе при виде живого интереса, забот и внимания, которыми Алваро окружил бедную незнакомку, всех поразила почтительность, с какой он обращался с ней, и бурные восторги, без стеснения расточавшиеся им по ее адресу. Гера и Афина, верно, меньше разгневались, когда прекрасный Парис отдал предпочтение Афродите. Еще до знаменательного бала Алваро рассказывал некоторым дамам об Элвире, причем делал это с таким восторгом и

пылом, так красноречиво восхвалял незнакомку, что все настожились и заинтересовались. Девушки горели желанием взглянуть, наконец, на этот живой идеал совершенной красоты и уже заранее обрушивали на голову незнакомки и ее верного рыцаря тысячи язвительных насмешек и колких шуточек. Но когда они увидели Элвиру, несмотря на притворно презрительные улыбки, тронувшие их свежие пунцовые губки, сердца их сжались от неприятного ощущения. Приношу красавицам извинения за свою нелицеприятную прямогу, но тщеславие почти всегда сопутствует красоте, а рядом с тщеславием тут же явится и зависть, она всегда неподалеку. Красота незнакомки была неоспорима, ее застенчивость и скромность отнюдь не вредили естественной грации Элвиры, простой и даже бедный по сравнению с окружающей пышной роскошью наряд удивительно шел девушке и подчеркивал ее врожденное очарование. Блистательное впечатление, произведенное Элвирой при первом же появлении, и явное стремление Алваро подчеркнуть ее прелесть и очарование, будто он нарочно решил затмить всех красавиц в залах, - всего этого с избытком хватило, чтобы вызвать раздражение всех женщин и задеть их тщеславие и самолюбие. Поэтому неудивительно, что Элвира и ее обожатель неизбежно должны были стать в этот вечер мишенями для сотен презрительных взглядов, насмешливых улыбок и колких отточенных эпиграмм.

Алваро даже не замечал едва замаскированной скрытой враждебности, с которой он и его подопечная - а мы вполне можем ее так назвать - были приняты высшим светом, но скромная и застенчивая Элвира, привыкшая к непринужденному и сердечному обращению, плохо себя чувствовала в атмосфере притворной любезности и приветливости, когда в каждом обращенном к ней взгляде читалась презрительная насмешка, а в каждой улыбке - издевка.

Мы уже знаем, кем был Алваро, а сейчас познакомимся с его другом доктором Жералдо.

Это был молодой человек лет тридцати, бакалавр права и весьма почитаемый в Ресифе адвокат. Среди друзей Алваро он был самым близким и душевным. Исключительный интеллект, ясный и блестящий, благородный и прямой характер давали ему право на такое предпочтение со стороны Алваро. Обладая практичным и точным умом, как оно и следует почтенному стряпчему, он с большим уважением относился не только к социальным установлениям, но также ко всем предрассудкам и причу-

дам, свойственным обществу, а потому не мог принять эксцентричные и бунтарские идеи своего друга, но такое противостояние вовсе не охлаждало и не нарушало их взаимного уважения и привязанности, наоборот, скорее укрепляло и питало их дружеские чувства, нарушая однообразие, которое отравляет отношения всегда и во всем согласных и единомысленных друзей. В конце концов такое единомыслие, когда то, что думает один, приходит в голову и другому, то, что хочет один, составляет предмет желаний другого, и обоим совершенно нечего рассказать друг другу, не опасаясь до тошноты наскучить повторением уже известного, - такое единомыслие - аминь! - вынуждает души затвориться в молчании и мирно дремать бок о бок; вот уж воистину спокойная, в тоску вгоняющая дружба!.. А противоположность во мнениях и склонностях всегда очень плодотворна для друзей, она заставляет их взаимно меняться и приспособляться друг к другу. Практическая хватка и здравый смысл доктора Жералдо не раз сдерживали сумасбродные мечтания и восторженность Алваро, но случалось и Алваро воодушевлять своего хладнокровного друга.

Мы уже слышали из уст самого Алваро, как он познакомился с доной Элвирой и как добился ее приезда на бал, где мы все еще находимся.

- Отец, - молодая женщина обращалась к почтенному мужчине, на чью руку она опиралась, входя в вестибюль, откуда мы продолжаем наши наблюдения. - Отец, побудем немного в этой комнате, пока здесь никого нет. Ах, Господи, - продолжала она вполголоса, когда они уселись друг подле друга, - и что я здесь делаю, я, бедная рабыня, на пышном балу среди богатых и знатных людей!.. Эта роскошь, огни, почтительность, с которой меня принимают, - все это смущает меня, просто голова идет кругом. Я совершаю преступление, появляясь в таком блестящем обществе, это предательство, отец; я понимаю это, и совесть моя беспокойна... Если б только благородные дамы догадались, что рядом с ними развлекается и танцует жалкая беглая рабыня, скрывающаяся от своих хозяев!.. Рабыня!.. - воскликнула она, поднимаясь. - Рабыня!.. Покой мне кажется, это слово крупными черными буквами начертано у меня на лбу!.. Страшное слово!.. Бежим отсюда, отец, бежим!.. Мне чудится, все смеются надо мной, здесь душно... Бежим!..

Продолжая говорить, задыхающаяся и бледная девушка все время беспокойно оглядывалась и тянула отца за руку, повторяя с тоской и нетерпением:

- Пойдем же, отец, бежим отсюда.

- Не волнуйся так, дочка, - отвечал старик, пытаюсь немного успокоить ее. - Ни один человек здесь не подозревает, кто ты на самом деле. Да и как они могут принять тебя за рабыню, если ни одна из этих милостивых и знатных дам не сравнится с тобой ни по красоте, ни по изяществу, ни по способностям и уму?

- Тем хуже, отец, я привлекаю всеобщее внимание, любопытствующие взгляды со всех сторон каждую секунду заставляют меня содрогаться от ужаса; порой мне хочется, чтобы земля разверзлась под моими ногами и укрыла меня в своих недрах.

- Перестань об этом думать, твои страхи и неуверенность погубят нас; нам несдобровать, если возникнет хоть малейшее подозрение. Не стесняйся, пользуйся своими дарованиями и красотой, танцуй, пой, разговаривай с людьми, будь веселой и спокойной. Никому и в голову не придет, что ты рабыня, скорее они примут тебя за принцессу. Соберись с духом, дочка, потерпи хотя бы один вечер. В первый и последний раз решились мы на такое испытание. Нам нельзя больше оставаться в этих местах, ведь мы уже начали вызывать подозрения.

- Да, отец, ты прав!.. Несчастливая наша судьба!.. - ответила девушка, грустно покачав головой. - Мы принуждены скитаться по стране, скрываться от людей, жить украдкой, дрожать и каждую минуту ждать несчастья, будто само небо отметило, прокляло нас!.. Ах, как больно сжимается сердце при мысли об отъезде!.. Сама не понимаю, что меня здесь держит!.. Между тем, надо сказать "прощай"... этой земле, где мне выпало несколько спокойных и радостных дней. Ах, Боже мой, кто знает, может и лучше было умереть от пыток в рабстве!..

Тут в вестибюль вошел Алваро и, как бы ища кого-то, обвел залу глазами.

- Куда же они исчезли? - бормотал он. - Неужели все-таки решили уехать? О, нет! К счастью, они тут! - обрадовался он, заметив тех, чей разговор мы только что слышали. - Дона Элвира, ваша милость слишком скромны, спрятались в уголке, а вам бы следовало блистать в гостиной, где все с нетерпением ждут вашего появления. Оставим уединение скромным маленьким фиалкам, блистательная роза красуется при ярком свете.

- Простите, - прошептала Изаура, - я всего лишь бедная девушка, выросшая в глуши и одиночестве, я не привыкла к пышным балам. Они приводят меня в замешательство, мне здесь не по себе...

- О, нет!.. Я надеюсь, вы привыкнете. Огни, роскошь и блеск, прекрасная музыка и благовония - вот в каком окружении должна сиять красота, созданная Господом для того, чтобы любоваться и восхищаться ею. Я отправился за вами по просьбе нескольких молодых людей, ставших поклонниками вашей милости. Когда нам надоедают вальсы и кадрили, дамы обычно стараются развлечь нас какой-нибудь арией или песней. Простите меня за нескромность, порожденную исключительно восхищением, но я имел смелость заявить, что у вашей милости прелестнейший голос и поете вы изумительно, поэтому многие гости жаждут услышать ваше пение.

- Я, господин Алваро!.. Мне петь перед таким блестящим обществом!.. Пожалуйста, молю вас, освободите меня от этого нового испытания. Я прошу вас ради вашего же блага, пою я плохо, очень смущаюсь, и выйдет так, что я прилюдно выставлю вас обманщиком. Избавьте же нас обоих от такого стыда.

- Я не могу принять ваш отказ, я слышал, как вы поете, и поверьте мне, дона Элвира, я бы не стал выставить вас на всеобщее обозрение, если бы не знал, как вы поете. Право же, вам нечего смущаться. А я просто умоляю вас спеть ту самую восхитительную песенку рабыни, которую вы пели на днях при мне, и я уверен, ваша милость покорит слушателей.

- Но почему именно эту песню? Она вызывает у меня такие грустные воспоминания...

- Может, именно поэтому она так прелестно звучит в вашем исполнении.

- Ах, как печальна моя судьба! - вздохнула про себя дона Элвира. - Даже те, кто больше всего меня любят, невольно становятся моими мучителями!..

Элвира очень хотела отказаться, петь на людях, да еще в таком обществе было для нее тяжелейшим испытанием. Но она не могла более сопротивляться и, вспомнив справедливый совет отца, не заставила себя дальше упрямиться и, опершись на предложенную Алваро руку, позволила проводить себя к роялю. Она села за инструмент с изяществом и грацией женщины, прекрасно умеющей с ним обращаться.

Вокруг рояля теснилось много людей, в их глазах светилось любопытство, сердца нетерпеливо бились. Мужчины горели желанием проверить, так ли хорош голос этой женщины, как и ее облик, и окажется ли фея еще и сиреной; а девушки с удовольствием предвкушали поражение своей блистательной соперницы, по крайней мере

на этом поприще, они уже представляли, как будут сравнивать ее с павлином из басни, который жаловался, что Господь создал его самым красивым из всех птиц, а вот голос дал хриплый и визгливый.

Внешне все выглядело очень торжественно, но положение Изауры было не из легких. Она оказалась в щекотливой роли примадонны с громкой славой, которая вынуждена выступать перед весьма требовательной и блестящей публикой, к тому же не совсем благосклонной. Вокруг царило глубокое молчание, зрители затаили дыхание, казалось, можно расслышать даже биение сердец истомленных ожиданием слушателей. Алваро, хоть и знал, как хорош голос Элвиры, как искусно она поет, все же очень волновался. А Элвиру мало заботило, хорошо она споет или плохо, ей бы хотелось сойти за самую некрасивую, неуклюжую и глупую девушку в зале, лишь тогда она могла бы надеяться, что про нее забудут и оставят в покое. Надо сказать, она вся была во власти дурного предчувствия. Но Алваро слишком нравился ей, и в благодарность за чуткость и усердие, с которым молодой человек так старательно и восторженно прилагал все усилия для того, чтобы в глазах высшего света она выглядела идеалом красоты и таланта, Элвире хотелось порадовать своего верного рыцаря, поддержать лестное мнение о себе, распространенное Алваро, а потому она стремилась петь как можно лучше. Она желала триумфа более для Альваро, нежели для самой себя. Едва Элвира села за рояль и ее нежные гибкие пальцы, коснувшись клавиатуры, вызвали к жизни первые чистые аккорды, как она преобразилась, под воздействием чудесной силы таланта девушка обрела новую, необычайную красоту. Ее лицо, обычно отражавшее скромность, душевную чистоту и девичью наивность, озарилось необыкновенным отблеском внутреннего огня, стан гордо и величественно распрямился, горящие глаза, в экстатическом восторге обращенные к небу, сияли безмятежностью и покоем, грудь, до того лишь тихо вздымавшаяся, как волны на озере в безветренную лунную ночь, теперь волновалась, лихорадочно поднимаемая и опускаемая, словно бушующий океан, а белоснежная стройная, будто лебединая, шея напряглась, готовясь излить божественные звуки. Дыхание артистического вдохновения, коснувшись ее лба, преобразило земную девушку в жрицу Прекрасного, вдохновенную небесной гармонией. Она чувствовала себя королевой на воображаемом троне, прекрасноголосой музой Каллиопой, восседающей на священном треножнике и покоряющей мир чарующими и неска-

занными созвучиями. Из собственных переживаний и сердечного томления сумела она извлечь вдохновение и мужество, чтобы восторжествовать над жестокостью преследовавшей ее судьбы. Губы ее увлажнились от слез, порожденных глубокими душевными муками, а рвавшийся из груди необычайный восхитительный голос звучал так чисто и мягко, так полон был возвышенной печали, что не одна слеза скатилась по лицам завсегдатаев этого храма удовольствий, смеха и легкомыслия.

Успех Элвиры был бесспорен. Едва она смолкла, зал взорвался от аплодисментов, казалось, от рукоплесканий и приветственных криков сейчас рухнет потолок.

- А фея нашего Алваро оказалась еще и сиреной, - заявил доктор Жералдо, обращаясь к молодым людям, с которыми мы его уже видели.

- Она просто совершенство... Такой мягкий и нежный голос. Мне казалось, я вознесся на седьмое небо и слышу ангельские хоры.

- Великолепная певица... Если б она выступала на сцене, то заставила бы забыть про Малибран и завоевала бы славу в Европе. Алваро прав: это необыкновенная женщина и авантюристкой она быть не может...

Зазвучали первые такты кадрили, и разговор прервался, впрочем, может его просто стало не слышно.

- Дона Элвира, - обратился Алваро к своей подопечной, которая уже сидела рядом с отцом, - вы помните, что обещали мне эту кадрили?

Элвира заставила себя улыбнуться и с трудом преодолела изнеможение, вновь овладевшее ей, едва девушка отошла от рояля.

Она приняла руку Алваро, и пара заняла свое место в кадрили.

Теперь читатели уже знают, если не догадались много раньше, что так называемая Элвира - не кто иной, как рабыня Изаура, а Анселмо - управляющий Мигел, старые наши знакомые. Поскольку, как известно, Изаура не только обладала высокими душевными качествами, но также получила изысканное и разностороннее образование, не стоит удивляться ее безукоризненным манерам, выразительной и гибкой речи, другим дарованиям, благодаря которым эта необыкновенная рабыня могла не просто появиться, но даже даже блистать в самом избранном аристократическом обществе.

Только безвыходное положение, в котором находилась любимая дочь, вынудило Мигела решиться на крайнее средство - поспешное бегство, угрожавшее им тысячами различных опасностей и несчастных случайностей. Мигел с ужасом вспоминал о плачевной судьбе матери Изауры и ее горькой гибели, он прекрасно понимал, что Леонсио, такой же бессердечный, как и его отец, и даже еще более испорченный и разнузданный, способен был на самые страшные злодеяния и насилие. Потеряв надежду на освобождение дочери, он понял, что может использовать собранные для ее выкупа деньги и с их помощью во что бы то ни стало вырвать Изауру из рук ее палача. Конечно, по мнению общества, помочь бежать рабыне из хозяйского дома, укрывать ее - даже не просто преступно, это считалось недостойным и неприличным для добропорядочного человека, но ведь рабыней была обожаемая дочь, жемчужина чистоты. И вот она обречена быть втоптанной в грязь или раздавленной лютым хозяином - это служило Мигелу оправданием в собственных глазах.

Несчастный отец хорошо помнил, как он попытался обратиться за поддержкой к властям и просить их о защите дочери - жертвы насилия и жестокости развратного и грубого хозяина. Но с кем бы он ни советовался, все в один голос твердили: "Не мешайтесь в это дело. Потеря-

ное время. Власти никогда не интересуются тем, что происходит в домах богачей. Не связывайтесь в такое сомнительное предприятие. Вам еще повезет, если придется уплатить только судебные издержки и вас не вовлекут в какой-нибудь ответный процесс и не посадят в тюрьму. Где вы видели, чтобы у бедного нашлась управа на богатого, слабый выстоял против сильного?”

Втайне Мигел поддерживал отношения с некоторыми рабами из поместья Леонсио; с благодарностью вспоминая те времена, когда Мигел еще был их управляющим, они сохранили к нему прежнее уважение и привязанность, через них Мигел и узнавал, что происходит в доме Леонсио. Услышав о жестоких притеснениях и преследованиях, которым его дочь подверглась после смерти командора, Мигел не колебался больше ни минуты. Он постарался принять все возможные меры предосторожности и обеспечить, насколько это было возможно, безопасность побега дочери, он сделал все, чтобы отнять дочь у жестокого хозяина. На рассвете после побега Мигел вместе с дочерью уже плыли на невольничьем корабле на север. Капитаном корабля был португалец, старый и верный друг Мигела. На широте штата Пернамбуко корабль должен был изменить курс и направиться в сторону Африки, поэтому капитан высадил Мигела и Изауру в Ресифе и обещал, что через три-четыре месяца он вернется и тогда сможет доставить их куда угодно. Будучи садовником или управляющим в поместье, Мигел с детства жил уединенно, мало общался с людьми и почти не путешествовал, поэтому он плохо знал жизнь за пределами, ограниченными узким кругом его забот, у него не было опыта, и потому он слабо представлял себе все сложности и тяжелые последствия того двойственного положения, в котором оказались они с дочерью. На протяжении долгих лет, пока он служил управляющим у командора и в других поместьях, не проходило года, чтобы не случилось одного-двух побегов рабов, но скрывались эти бедолаги всего несколько дней где-нибудь на соседней ферме или в поместье, и неудивительно, что Мигел почти совсем не знал всей полноты власти, какой располагает хозяин над своей живой собственностью, и тех разнообразных средств, которые он имеет право пустить в ход, дабы вернуть себе раба в случае побега. Поэтому Мигел решил, что в Пернамбуко он спокойно может переждать с дочерью три-четыре месяца, ничего не опасаясь, только надо жить уединенно и тихо, избегать людей и окружить свое прошлое полной тайной.

Изаура, девушка умная и образованная, даже вдали от Леонсио боялась и ненавидела его, но все же и она чувствовала себя в какой-то мере в безопасности и не осознавала всех грозящих ей бед. Это относительное спокойствие длилось лишь до сих пор, пока она в первый раз не увидела Алваро. Она полюбила его беззаветной любовью, свойственной только высоким душам, что любят лишь однажды в жизни. Новое чувство, естественно, заставило ее по-иному, с тоской и смятением взглянуть на ненадежное и жалкое, в сущности, положение, в котором она оказалась. В выражении лица Алваро, в его манерах, голосе, во всем облике молодого человека было нечто настолько благородное, приятное, глубоко привлекательное, что все сердца невольно проникались к нему приязнью. Так чем же стал он для той единственной женщины, которая завоевала его любовь? Изаура не могла устоять против его всепобеждающего обаяния, она любила Алваро со всем пылом и страстью целомудренного сердца, с недальновидностью и слепотой артистической души, хотя сама прекрасно понимала, что любовь эта станет для нее только новым источником слез и мучений.

Оценивая пропасть, отделявшую от нее Алваро, она прекрасно понимала: у нее нет ни малейшей надежды, способной питать ее трагическую страсть, скорбную любовь следует навеки похоронить в самых сокровенных глубинах сердца, где, как страшная болезнь, она будет пожирать свое обиталище.

В переполненную чашу ее терпения и несчастий судьбе угодно было добавить еще и эту горькую отраву, дабы опалить ее губы, омрачить и без того тяжелую жизнь.

Изауре нелегко было вводить общество в заблуждение относительно своего истинного положения. Чистая и искренняя натура, она стыдилась себя самой, когда те немногие люди, с кем она близко общалась, выказывали ей уважение и почтительное внимание, на которые, как она полагала, у нее не было никаких прав. Однако, решив, что от подобного обмана никакого вреда обществу произойти не может, Изаура смирилась со своей судьбой. Но как быть с возлюбленным? Должна ли, может ли она без зазрения совести так же обманывать и его? Благодаря молчанию Изауры он оставался в неведении относительно ее истинного положения беглой рабыни, но его и без того глубокое и пылкое чувство росло, питаясь постоянным общением с девушкой. Разве это не подлая ложь, не оскорбление, не низкое предательство?.. Разве нет у него права знать истину? Тогда он обрушил бы на ее голову заслу-

женные горькие упреки, справедливо презирал бы ее, растоптал и унизил, - словом, обращался как с жалкой и гнусной рабыней, кем она и была на самом деле.

- О, для меня это страшнее, чем тысяча смертей! - воскликнула Изаура, тоскливо размышляя о будущем, в душе ее боролись противоречивые стремления. - Нет, нет, я не смею его обманывать, это подло... Надо ему все открыть, это мой долг, и я его исполню. Он узнает, что не должен меня любить, по крайней мере, тогда он не станет меня презирать... Рабыня, которая поступает искренне и честно, имеет хотя бы право на уважение. Нет, я не должна его обманывать, я немедленно все ему расскажу.

Такое решение подсказали ей природная честность и достоинство, таково было веление совести прямой и деликатной девушки, но, когда наступал подходящий момент, Изаура теряла мужество и откладывала признание со дня на день.

Сердце больно сжималось в груди, и смелости не хватало собственными руками разрушить сладостный обман; погружаясь в золотисто-блаженный туман грез, она порой надолго забывала свою жалкую участь, помнила только, что любит и любима.

- Пусть еще хоть один день, - говорила она себе, - продлится призрачное, но несказанно пленительное счастье. Я - точно осужденная, которую ненадолго выпустили из камеры, чтобы сыграть роль могущественной и счастливой королевы; а когда сойду со сцены, меня снова заточат в подземелье, и тогда уж навсегда. Так хочется чуть-чуть продлить радостный миг! Разве несчастная осужденная не может хотя бы в мечтах испытать счастье и любовь?.. Чтобы погвать тонкую золотую цепочку, связывающую меня с небом, и вернуться к страданиям и горю, надо немного времени.

Такие колебания, внутренняя борьба, в которой голос страсти заглушал доводы рассудка и совести, длилась несколько дней, вплоть до знаменательного бала, куда Алваро почти насильно заставил прийти Изауру с отцом. И тут Изаура поняла, что дальше обманывать возлюбленного было бы неслыханной низостью и вероломством. У нее не оставалось больше никаких благовидных предлогов и оправданий для того, чтобы долее откладывать признание и продолжать такие ненадежные и двусмысленные для обоих отношения.

Нельзя же столь бессовестно злоупотреблять неосведомленностью благородного и доброго юноши! Представить на балу беглую рабыню, появиться рука об руку с ней

перед самым блистательным и избранным обществом одного из крупнейших столичных городов!.. Скрывать все и дальше означало заплатить самой черной неблагодарностью и гнусным коварством за все то доброе, что с такой любовью и деликатностью он стрался делать для нее. Эти соображения более всего терзали столь деликатную и совестливую натуру, как Изаура. Мигел, испуганный приведенными Алваро доводами, вынужден был принять любезное приглашение молодого человека, но Изаура не проронила ни слова, однако мужчины приняли ее молчание за согласие.

Они ошиблись. Изаура просто молча собиралась с силами, чтобы сбросить наконец бремя лжи, которая так ее угнетала, решительно порвать вуаль, скрывавшую от глаз ее возлюбленного ее истинную сущность. Но, сколько ни старалась она, призывая на помощь всю свою решительность и твердость, в нужный момент мужество покидало девушку. Признание уже трепетало на губах, вот она даже шагнула было вперед, чтобы упасть к ногам Алваро, но тут глаза ее встречались с ласковым и полным любви взглядом юноши, и Изаура замирала, будто очарованная, слова не осмеливались слететь с полуоткрытых, но онемевших вдруг губ и переполняли ее изболевшееся сердце, ноги отказывались двигаться, словно прикованные к полу. Изаура вела себя точно страдалец, которого роковые обстоятельства вынуждают к самоубийству, но он с испугом отступает от края ужасающей пропасти, куда хотел кинуться.

- До чего же я слаба и труслива! - в изнеможении подумала упавшая духом девушка. - Какой стыд! У меня не хватает мужества выполнить свой долг! Ничего! Есть еще средство; пусть он услышит от отца то, что я сама не осмеливаюсь сказать ему.

Эта спасительная мысль внезапно пришла ей в голову, и она жадно ухватилась за нее, стараясь привести в исполнение прежде, чем мужество вновь покинет ее.

- Отец, - решительно начала она, едва Алваро прикрыл за собой калитку их садика, - хочу вам сказать, что не пойду на бал, я не хочу, ни в коем случае не должна этого делать.

- Не пойдешь? - в изумлении воскликнул Мигел. - Но почему же ты промолчала только что, когда здесь еще был господин Алваро? Мы ведь уже дали слово...

- Выход всегда есть, отец, - прервала его дочь с лихорадочной горячностью. - А здесь он очень простой. Отец, вы должны сейчас же пойти к этому молодому че-

ловеку и сказать ему то, на что я не решаюсь; откройте ему, кто я на самом деле, и все будет кончено.

Изаура побледнела, речь ее была тороплива, побелевшие губы дрожали, дыхание перехватывало, голос срывался и ломался, а слова будто с трудом вырывались из сердца. Видно было, каких усилий стоило ей привести в исполнение столь страшное для нее решение. Отец смотрел на Изауру с изумлением и ужасом.

- Что ты говоришь, дочка?! - воскликнул он. - Да на тебе лица нет! Побледнела-то как!.. У тебя, верно, жар... Болит что-нибудь?

- Нет, отец, ничего не болит, не беспокойтесь о моем здоровье. Я повторяю, отец, вам следует немедленно пойти к этому юноше и все ему рассказать...

- Да никогда!.. Ты обезумела, дочка!.. Изаура, неужели ты хочешь, чтобы тебя упрятали в тюрьму, заковали в железо и отправили в нашу провинцию к хозяину, а потом чтобы я своими глазами увидел, как ты гибнешь в мучениях, раздавленная этим чудовищем! О, Изаура, Бога ради, не говори мне об этом. Пока кровь течет в моих жилах, пока остается хоть малейшая надежда, я все сделаю, чтобы спасти тебя...

- Спаси меня ценой бесчестья, ценой лжи, отец! - возбужденно откликнулась девушка. - Как я могу, не совершая самого низкого вероломства, появиться рядом с ним на балу, будто свободная девушка? Когда он и все остальные знатные господа узнают, что с ними на равных танцевала жалкая беглая рабыня...

- Замолчи, девочка! - прервал ее старик, приведенный в замешательство горячностью дочери. - Не надо так громко кричать... Успокойся; они никогда ничего не узнают. Мы покинем этот город как можно скорее, даже завтра, если получится. Уплывем на дервом же пароходе куда-нибудь подальше, например в Соединенные Штаты. Уж там, наверное, твой хозяин нас не достанет. Я умею садовничать, да и ты у меня не обделена талантами и способностями, так что проживем где угодно, заработаем на хлеб.

- Ах, отец, при мысли о том, что мы уедем так далеко и навсегда, у меня сжимается сердце. Ведь у нас не останется даже ничтожной надежды хоть когда-нибудь вернуться.

- Что поделаешь, дочка... Мы вынуждены бежать на край света, спасаясь от когтей чудовища.

- Но этот юноша, господин Алваро, так внимателен к нам, он благороден и добр, быть может, узнав, кто я на

самом деле и какие ужасные обстоятельства вынуждают нас скитаться по миру под чужим именем, он захочет и сможет помочь нам, избавить или укрыть от преследования...

- Но кто поручится за него?.. Скорее всего, он станет презирать тебя, едва узнает, что ты беглая рабыня, а то еще первым пойдет в полицию, чтобы выдать тебя в отместку за обман. Опасность грозит нам со всех сторон, и придется скрывать правду от всех, и от него тоже, ничего не поделаешь; если кто раскроет нашу тайну, мы пропади. Соберись с духом, дочка, и пойдем на бал. Тяжко, конечно, но нужно перетерпеть ради нашего спасения, пойми. К счастью, это совсем недолго, всего лишь один вечер. А скоро мы уже будем далеко отсюда, и даже если однажды они узнают, кто ты была, какая разница? Ведь мы никогда больше не увидим их, не услышим их имен. Ты слишком совестлива. Они не подозревают, кто ты, а значит, это не может их унижить. Ты же никому не причиняешь зла, просто нет другого выхода, любой бы тебя понял и простил.

- Наверное, вы правы, отец, но, сама не знаю почему, не по сердцу мне все это.

- Дочка, тебе придется решиться, ведь ты же не хочешь, чтоб мы с тобой оба попали в беду и погибли. Если мы не появимся на балу, а просто исчезнем на днях, как решили, смутные догадки соседей подтвердятся, и полиция пойдет прямо по нашим следам, нас будут повсюду искать. Тебе, верно, на балу нелегко придется, но легче ли укрываться от полиции, в тюрьму угодить, а потом перетерпеть все муки и саму смерть, что ждет тебя в хозяйском доме?..

Изаура не ответила, горькие, мучительные мысли одолевали девушку. Слова отца повергли ее в глубокое и беспросветное уныние. Оглушенная столь многими горестями, душа ее тонула в море сомнений и отчаяния, как жалкая лодочка в бушующем океане, ставшая игрушкой могучих валов. Угрызения совести, щепетильность утонченной натуры, которая не может смириться с обманом и ложью, прямота и искренность характера, даже смутное предчувствие, омрачавшее ее душу, - все отвращало девушку от предстоящего бала, иногда ей казалось, что она не изменит своему решению, и твердо говорила сама себе: "Нет, я не пойду".

С другой стороны, рассуждения отца казались ей такими правильными, да и желание еще хоть раз увидеть Алваро, еще несколько часов побыть рядом с ним не по-

кидало влюбленную девушку, и Изауру вновь охватывала мучительная нерешительность. Сердце Изауры разрывалось при мысли о том, что вскоре, может, на следующий же день, она вынуждена будет покинуть город и расстаться с Алваро без малейшей надежды вновь когда-нибудь увидеть его, даже не имея возможности проститься, и юноша так и не узнает, кто она и куда отправилась. Уехать, когда нет ни единого человека, которому можно было пожать на прощанье руку, на чьей груди излить горчайшие слезы неутолимой тоски. Уехать, чтобы вести бесприютную жизнь беглецов, без надежды и покоя, пройти через тысячи испытаний и опасностей, а в конце, возможно, ждут лишь муки безысходного и нестерпимого рабства. О, это самое ужасное! Но увь! Лишь такое будущее представлялось внутреннему взору несчастной Изауры. Но постойте! Ведь впереди у нее еще целая ночь радости и счастья. Упоительная бальная ночь! А возлюбленный будет рядом! Дышать одним воздухом с ним, хмелеть от звуков его голоса, впитывать аромат его дыхания, жадно копить в душе его страстные взгляды, чувствовать тепло его дорогой руки, слышать стук его сердца, которое бьется лишь для нее одной! О, такая ночь стоит вечности, и пусть она оплатит ее ценой тоски и мучений, рабства и смерти, пусть!

Изаура была прямодушна и искренна, именно поэтому она хорошо понимала, какими достоинствами обладает. А любовь столь достойного и возвышенного юноши, как Алваро, благородного и блистательно одаренного от природы, подтверждала ее мнение о себе. Проницательная и прозорливая от природы, она скоро убедилась в том, что Алваро влечет к ней не поверхностное и естественное в подобном случае восхищение ее талантами и прелестной внешностью и уж тем более не легкомысленное мимолетное юношеское увлечение, но настоящее, искреннее и глубокое чувство. Изаура гордилась этой любовью, возвышавшей ее в собственных глазах, и порой она даже забывала, что родилась рабыней.

- Я уверена, что достойна любви Алваро, иначе он не полюбил бы меня, а если я достойна его, почему бы ему не представить меня даже в самом знатном блестящем обществе? Разве извращенность человеческих нравов может разрушить то прекрасное и доброе, что создано Творцом? - так размышляла Изаура и, возбужденная собственными мыслями и манящей надеждой на предстоящие несколько часов ослепительного счастья рядом с любимым,

воскликнула в душе: "Нет, я пойду, непременно пойду на бал"!

Пока Изаура молча, закрыв лицо ладонями, упивалась сладостными мечтами и пыталась утвердиться в своем решении, отец ее, не менее взволнованный и озабоченный, рассеянно бродил среди садовых клумб, ожидая от дочери окончательного ответа.

- Да, отец, я согласна, я пойду на бал, - произнесла она, наконец, вставая, - но пойду, как жертва на жертвоприношение, которое должно свершиться среди цветов и песен. Меня гнетет тяжелое предчувствие...

- Предчувствие чего, Изаура?

- Не знаю, отец. Какого-то несчастья.

- Что до меня, Изаура, то сердце подсказывает мне: пойти на этот бал для нас означает спастись.

Пусть наш читатель не думает, что бал, на котором мы присутствовали, уже закончился. Небольшое отступление от событий праздничного вечера, сделанное в предыдущей главе, показалось нам необходимым для объяснения рокового стечения обстоятельств, которое вынудило нашу героиню, рабыню, отважиться на столь дерзкий шаг и появиться в обществе, да еще избранном, аристократическом. Нетвердый характер или просто слабость, вызванная сердечной склонностью — что бы это ни было, но поступок ее оказался, хотя и вполне извинительным с точки зрения чисто человеческих переживаний, но вовсе не разумным. Трудно понять, как такая утонченная и умная девушка совершила столь непростительную ошибку.

Бал продолжался, хотя веселье и оживление уже пошли на убыль. Поклонение мужчин, их неистовые восторги не могли не вызвать ответной холодности по отношению к Изауре самых красивых и остроумных дам. Возмущенные откровенным и пылким благоговением, которым их верные поклонники окружили ту, кого негласно провозгласили королевой бала, знатные дамы уже не желали танцевать. Небольшими группками по несколько человек собирались они в укромных уголках нарядных залов, где шаловливые улыбки и веселые непринужденные разговоры сменились доверительными излияниями на ушко, секретничаньем и шушуканьем, перемежавшимися принужденными и язвительными смешками.

Среди девушек нарастал какой-то недовольный ропот. Нечто вроде того приглушенного, точно откуда-то издалика доносящегося гула, который слышится перед началом сильной грозы. Поговаривали, что уже тогда некоторые догадывались, будто девушка, буквально подавившая всех своими несравненными способностями и очарованием, была всего лишь простой рабыней. Немало молодых женщин покинули бал, главным образом те, кто ранее лелеял не-

которые надежды или полагал, что имеет определенные права на любовь Алваро. Сраженные блеском несомненно-го триумфа Изауры, многие не нашли в себе мужества остаться на людях рядом с торжествующим врагом. Они предпочли благоразумно укрыться в спасительном одиночестве своих спален и сокрыть там досаду и позор столь жестокого и обескураживающего поражения.

Однако нельзя сказать, что среди стольких благородных дам, обаятельных, красивых и умных, не нашлось таких, кто совершенно бескорыстно и без малейшей тени зависти любовался красотой Изауры и от всего сердца, с искренним восхищением рукоплескал ее победе. Именно эти женщины еще хоть как-то оживляли веселье, которое без них совсем бы сникло. И все же нельзя отрицать, что среди представительниц прекрасного пола без различия положения и состояния почти половина склонна насмехаться и издеваться над своими сестрами из ревности, зависти и мелочного соперничества.

Мы покинули Изауру, когда она в паре с Алваро готовилась принять участие в кадрили. Пока они танцуют, заглянем в маленький зал, где приготовлены карточные столы и буфеты, заставленные графинчиками с ликерами, бутылками пива и шампанского. Этот зальчик находится непосредственно рядом с просторным танцевальным залом, и широкая дверь между ними распахнута настежь. Здесь находится с полдюжины юношей, по большей части студентов, с претензией на браваду и экстравагантность на манер Байрона. Им уже наскучили и общество, и удовольствия, и женщины. Они любят повторять, что не променяют доброй сигары или бокала хорошего шампанского на нежнейшую улыбку самой очаровательной девушки. Разуверившись во всем на свете, эти разочарованные молодые люди в стихах и прозе томно провозглашают, что на заре жизни сердца их уже иссушены опаляющим дыханием скепсиса, обуглились в пламени страстей или оледенели от пресыщения. Тем не менее этих мизантропов, одолеваемых унылой хандрой, всегда можно встретить на любом балу или празднестве. Они горделиво демонстрируют свое презрение к обыкновенным человеческим удовольствиям и радостям жизни. Среди юных разочарованных бездельников был один, к которому нам следует приглядеться повнимательнее, так как он будет принимать живейшее участие в нашей истории. Он не похож ни на страдающего печеночными коликами мизантропа, ни на верного подражателя Байрона, напротив, все в нем дышит самой пошлой и низкой обыденностью. Он на добрую дю-

жину лет старше своих приятелей. Большая голова, толстое, с грубыми чертами лицо. Лоб непомерно широкий и выпуклый, что с точки зрения физиогномики свидетельствует о медлительном и ограниченном мышлении и даже о некотором тупоумии. Вся его неуклюжая, почти гротескная внешность выдает гнусные устремления, низкую самолюбивую натуру. Более всего, однако, определяет этот характер дух скаредности и грязного корыстолюбия, который сквозит во всех его речах и поступках и особенно ясно читается в тусклых и маленьких глазах, где не гаснет огонек самой отвратительной алчности. Он студент, но в его неряшливой одежде нет ни малейшего намека на элегантность, ни тени изысканности, а потому молодой человек скорее похож на уличного торговца. Вот уже пятнадцать лет он учится и живет на доходы от кабака, половиной которого владеет. Зовут его Мартино.

- Братцы, - предложил один из студентов, - давайте сыграем партию, пока эти лопухи выкаблучиваются тут и выламываются напоказ.

- Точно! - воскликнул другой, присаживаясь за стол и беря колоду. - Поскольку ничего лучшего не предвидится, перекинемся в картишки. В конце концов, здесь уж всегда чувствуется настоящая жизнь. Когда мне идет карта, я трепещу и волнуюсь порой сильнее, чем пресловутый Ромео, отправляясь к своей Джульетте... Афонсо, Алберто, Мартино, идите сюда, сыграем в "ландскнехт"... всего две-три партии...

- Я бы с удовольствием, - отвечал Мартино, если б у меня тут не наклеывалась другая игра. Если выгорит, без всякого риска могу положить в карман пять миллионов рейсов чистенькими.

- Что это за чертова игра? О какой это очередной дьявольской мерзости ты болтаешь?.. Совсем, что ли, голову потерял?.. Вечно твои полоумные выдумки!.. Брось ты глупостями заниматься, пошли засядем за "ландскнехт".

- У меня есть верное дельце, так ради чего мне рисковать в "ландскнехт"?.. Немало он у меня денежек повысосал... Нет, я не такой дурак.

- Тысяча чертей, Мартино!.. Может, ты все-таки объяснишься?.. Что это за чертова игра?..

- А ну, угадайте!.. Да нет, куда вам... Вот уж игра так игра, с размахом. Если догадаетесь, устраиваю вам роскошный ужин в лучшем отеле города, понятно, если дельце сладится.

- Думаю, не видать нам твоего угощения, как своих ушей, жалкий пожиратель подгоревшей трески. Разве найдется мудрец, способный разгадать все нелепости, которые могут прийти в голову такому сумасбродному остолопу, как ты. Нам-то нужны твои денежки здесь, за карточным столом.

- Ладно, отстаньте, - отвечал Мартиньо, не сводя глаз с танцующих в соседнем зале. - Я обдумываю свою игру... Представьте, что это шахматы, а я вот-вот загоню королеву в угол... Сказано - сделано, и пять миллионов у меня в кармане...

- Ну ты, видно, окончательно свихнулся... Давай-ка, Мартиньо, раскрывай свою игру или убирайся к черту и перестань действовать нам на нервы своими дикими выдумками.

- Это вы сбрендили, не я... А игра у меня простая... Да, а сколько дадите, если расскажу? Имеете в виду, дельце прелюбопытное.

- Хочешь разжечь наше любопытство, чтобы вытянуть несколько монет, да?.. Ну так могу поручиться, от меня ты не получишь ни гроша. Иди ты к чертям собачьим вместе со своими играми, а мы займемся своей. За карты, друзья! Пусть Мартиньо возится со своими дурацкими затеями.

- Лучше б ты сказал: со своей скарედностью... Уж будь уверен на мне ты рук не погреешь.

-Тупицы! - воскликнул Мартиньо. - Да у вас еще молоко на губах не обсохло! Ну-ка, посмотрим, дурацкие это затеи или нет. Я все-таки раскрою вам свою игру, хочется проверить, ваше мнение совпадет с моим или нет. Вот мои карты, - закончил Мартиньо и достал из кармана газету. - Всего лишь объявления о сбежавших рабах.

- Ого! Совсем недурно!..

- Какая низость!.. Ты решительно сбрендил, Мартиньо.

- При чем тут объявления о сбежавших рабах?..

- Может, ты судебным исполнителем заделался или охотником за рабами?

Так откликнулись молодые люди, и их восклицания, перемежавшиеся смехом, едва не заглушали бальный оркестр.

- Не пойму, чего это вы все всполошились? - холодно заметил Мартиньо. - Удивительно другое, как это вы не заметили вот это огромное объявление? Листок прислали из Рио и распространяли по городу вместе с "Жорнал де Комерсио".

- Разве мы полицейские ищейки или служители правосудия, чтобы копаться в подобных объявлениях?

- Но ведь дело-то прелюбопытное, да и вознаграждение отнюдь не грошовое.

- Бедняга Мартиньо! Эк тебя жадность-то разбирает, даже в бальном зале ищешь сбежавших рабов! Разве тут встретишь такой народец?

- Ну... Кто знает?! У меня свои соображения на сей счет. Сдается мне, именно здесь я и поймаю ее, а заодно и мои пять миллиончиков. Между нами говоря, они придутся весьма кстати, заведение моего компаньона в последнее время что-то мало денег приносит.

Заведением Мартиньо называл тот кабачок, который наполовину принадлежал ему. Закончив разговор с приятелями, Мартиньо встал около двери, ведущей в танцевальный зал, и надолго задержался там, поглядывая то на танцующих, то на объявление, которое свернул и держал в руке. Похоже он хотел в чем-то удостовериться, сравнивал приметы.

- Какого черта ты там делаешь, Мартиньо? - воскликнул один из молодых людей. Забыв про карты, студенты наблюдали за гримасами Мартиньо, как за шутовскими проделками.

- Он тронулся, сомнений нет, - высказался один. - Искать сбежавшего раба в бальном зале!.. Ни больше ни меньше!.. Ну а если ему понадобится найти какую-нибудь принцессу, он, конечно же, отправится в негритянские поселки.

- Может, это какой-нибудь лакей или горничная, мало ли их тут вертится?

- Если не ошибаюсь, ни лакеи, ни горничные здесь не танцуют, а он глаз не сводит с танцоров.

- Оставьте его, этот парень не только низкий мошенник, но и первостатейный маньяк.

- Она! - произнес Мартиньо, оставив свой наблюдательный пост и возвращаясь к приятелям. - Точно, она. Можно не сомневаться, это она, и чувствует она себя в безопасности.

- Кто она, Мартиньо?

- Господи, да кто же еще может быть?..

- Беглая рабыня?

- Беглая рабыня. Да, уважаемые господа!.. И она здесь танцует!..

- Ого-го! Ну-ка поглядим, Мартиньо!.. Долго еще ты будешь разыгрывать это представление? Учти, развязка

должна быть изящной. Это неподражаемо и стоит всех балов, сколько их ни есть в мире.

- Если на каждом балу будет такой же сюрприз, я не пропущу ни одного, - так кричали студенты, хохоча.

- Ну, что? А ведь этот фарс слегка пахнет трагедией.

- Лучше некуда! Великолепно! Дальше, Мартиньо!

- Не верите? Послушайте сначала, а потом скажете, так ли все это смешно, как вам кажется.

Мартиньо уселся, развернул объявление и приготовился читать. Остальные с любопытством окружили его.

- Слушайте внимательно, - продолжал Мартиньо. - "Пять миллионов реисов!" - таков заголовок. Великолепно, правда? Напечатано крупными жирными буквами на титульном листе бессмертного творения, стоящего побольше, чем "Илиада" Камонса.

- И чем "Лузиады" Гомера, верно, Мартиньо? Брось ты свои дурацкие предисловия, читай объявление. - Сейчас, сейчас, - отвечал Мартиньо и начал читать:

"Из поместья господина Леонсио Гомеса да Фонсеки, муниципальный округ Кампус, штат Рио-де-Жанейро, сбежала рабыня по имени Изаура. Ее приметы: кожа светлая и гладкая, как у белых, глаза большие и темные, волосы черные, длинные, слегка волнистые, рот маленький, ярко-розовый, хорошей формы, зубы ровные и белые, нос прямой, небольшой, талия тонкая, фигура стройная, телосложение правильное; на левой щеке маленькая темная родинка, над правой грудью след от ожога в форме крыла бабочки. Одевается со вкусом, элегантно, великолепно поет и играет на рояле. Поскольку имеет красивую внешность и получила великолепное образование, в любом обществе может сойти за свободную женщину знатного происхождения. Сбежала вместе с португальцем по имени Мигел, который называет себя ее отцом. Естественно, они сменили имена. Тот, кто задержит их и доставит к хозяину, помимо возмещения всех расходов, получит вознаграждение в пять миллионов реисов".

- Ничего себе! Послушай, Мартиньо, - воскликнул один из слушателей, - неужели это все напечатано в объявлении? Да ты описал нам настоящую Венеру и заявляешь, будто это беглая рабыня!..

- Если вы все еще не верите, прочтите сами, вот листок...

- И правда! - добавил другой студент. - Таковую рабыню стоит задержать не столько ради пяти миллионов, сколько ради ее самой. Если б я поймал ее, у меня бы

не возникло ни малейшего желания возвращать хозяину его собственность.

- Теперь я не удивляюсь, что Мартино тут ее разыскивает, столь совершенное создание может обитать только во дворце принца.

- Или в царстве сказок. Судя по всем приметам и признакам, это, видно, то самое новое божество, которое сегодня впервые явилось на балу...

- Совершенно верно, ты попал в яблочко, - ответил Мартино и подошел всех к дверям:

- Подойдите-ка сюда, - продолжал он. - приглянитесь к этой очаровательной девушке, что танцует сейчас с Алваро. Бедняга Алваро! Как же он доволен собой! Знал бы, с кем танцует, - то-то скорчил бы физиономию. Ну-ка, посмотрите внимательно, господа, разве не совпадают абсолютно все приметы?..

- Полностью! - подтвердил один из юношей. - Невероятно! Я вижу ту самую родинку на левой щеке, она придает девушке неизъяснимое очарование. Если на груди у нее крыло бабочки, можно больше не сомневаться. О небо! Неужели такая красавица - рабыня!

- И как у нее хватило смелости появиться на балу? - добавил один из студентов. - Трудно поверить.

- Да я и сам сомневаюсь, - подтвердил Мартино. - Поэтому дельце мое еще вилами по воде писано и миллиончики тоже в тумане, а я ведь уже видел их в своем кошельке. Пока, братцы.

Простившись, он аккуратно сложил объявление, спрятал его в карман, мерзко улыбаясь и с удовлетворением потирая руки, взял свою шляпу и покинул бал...

- Потрясающий негодяй!.. - сказал один из студентов. - Мартино так жаден до денег, что, как видно, готов позвать полицию и захватить девушку прямо тут, на балу.

- За пять миллионов он готов на любую низость. То, что к нашему кругу принадлежит такой мерзавец, просто позор для нас. Надо бы сговориться всем вместе да и вышвырнуть его из Академии. Я бы сам дал пять миллионов, чтобы стать рабом такой красавицы.

- Поразительно! Кто бы мог подумать, что под внешностью ангела скрывается беглая рабыня!

- Но кто вам сказал, что в теле рабыни не скрывается душа ангела?..

Закончилась одна из фигур кадрили. Алваро, весьма довольный собой и веселый, повел свою очаровательную партнершу через людскую толпу под перекрестным огнем завистливых и восхищенных взглядов. Предложив ей выпить чего-нибудь прохладительного, он прошел с нею в дальний зал, почти пустой. До сих пор юноша ни разу в открытую не признавался Элвире в любви, хотя страсть его, все более пылкая и глубокая, поминутно прорывалась во взглядах, словах, во всех его движениях и поступках. Алваро полагал, что прекрасно знает сердечные тайны своей возлюбленной, на протяжении двух месяцев он наблюдал за ней и обнаруживал лишь все новые и новые достоинства и совершенства. Он был абсолютно убежден, что из всех известных ему красавиц лишь Элвира в полной мере достойна его любви, и ни тени сомнения в чистоте ее души и ее искренней привязанности к нему у Алваро не возникало. Поэтому он решил, что может, не боясь скомпрометировать себя и бросить позорную тень на свое будущее, покориться всепобеждающему властному чувству, бороться с которым он уже не мог. Его совершенно не интересовало происхождение и прошлая жизнь Элвиры, ему даже не приходило в голову справиться о них. Светские предрассудки противоречили его принципам и филантропическим устремлениям. Кто она - быть может принцесса, вынужденная скрываться, а может, ее детская колыбелька стояла в соломенной хижине бедного рыбака - ему это было безразлично. Он знал ее саму, реальную - одно из самых совершенных и прекрасных созданий на земле, и этого вполне достаточно для любящего сердца.

Как мы уже знаем, в своих привычках Алваро соблюдал почти квакерскую суровую простоту и, конечно, не смог бы злоупотребить любовью, которую питала к нему прекрасная незнакомка, и взлелеять в душе нечистые желания.

Однако в бальную ночь влюбленный юноша, покоренный и ослепленный, как никогда раньше, новым очарованием и необоримой притягательностью, которыми она блистала среди праздничного великолепия, уже не мог и не хотел далее откладывать признание, светившееся в его глазах, едва не слетавшее с его губ. Он искал только место, где его слышала бы одна Элвира:

- Дона Элвира, - начал он почтительно и взволнованно, - если дома вы ангел, то здесь, в бальных залах, - богиня. Мое сердце уже давно принадлежит вам, я чувствую, что мое будущее с сегодняшнего дня и навсегда зависит только от вашего решения. Вы стали, не знаю, счастливой или гибельной, но единственной путеводной звездой в моей жизни. Думаю, вы достаточно хорошо меня знаете и верите в искренность моих слов. Я располагаю значительным состоянием, занимаю почетное и довольно высокое положение в обществе, но я никогда больше не буду счастлив, если вы не согласитесь разделить со мной все, чем одарила меня судьба.

Нежные слова Алваро, проникнутые самым искренним и глубоким чувством, при других обстоятельствах пролились бы точно небесный бальзам на израненное сердце Изауры и омыли бы его несказанными ароматами счастья, но сейчас они прозвучали жестокой и горькой насмешкой судьбы, будто божественные песнопения среди адских мук. С одной стороны от нее стоял ангел и, взяв за руку, с мягкой и доброй улыбкой сулил райские наслаждения, к которым сам же стремился подвести ее, а с другой стороны высилась отвратительная фигура демона, он приковал к ее ноге тяжелую цепь и всей тяжестью своей увлекал в пропасть вечных мучений.

Дело в том, что бедная Изаура, настороженная и испуганная, во время паузы между фигурами кадрили заметила мерзкого Мартино, когда он стоял, прислонившись к дверному косяку у входа в маленький зал с листком объявления в руках и, казалось, разглядывал ее с самым пристальным вниманием. Его взгляд поразил несчастную, как молния, она уже не сомневалась, что разоблачена и безвозвратно погибла. У Изауры вдруг потемнело в глазах, голова закружилась, ей показалось, будто пол ушел из-под ног, и вихрь увлекает ее в жерло бездонной пропасти. Чтобы не упасть, она вынуждена была крепко ухватиться двумя руками за руку Алваро и прислониться к его груди.

- Что с вами, дона Элвира? - встревоженно спросил он. - Вам дурно?

- Немного, - ответила она, голос ее ослабел, прерывался, но все же понемногу девушке удалось овладеть собой. - Заколело вот здесь... Но уже проходит... Я не привыкла к многолюдству... И от танцев у меня закружилась голова...

- Но вы скоро привыкнете, - успокаивал ее Алваро, одной рукой сжимая ее ладонь, а другой поддерживая за талию. - Вы рождены блистать в салонах... Но если вы хотите сейчас уйти...

- Нет-нет, что вы... Давайте еще потанцуем, ведь скоро конец...

Успокоенный уклончивыми ответами девушки в вихре быстро сменяющихся па последней фигуры кадрили, который увлек их, Алваро не заметил, как Элвира переменялась в лице и сильно побледнела. Несчастливая уже не танцевала, а только бездумно и послушно перемещалась по залу, она будто отсутствовала, мысли ее витали далеко от праздника, она ничего не слышала и не видела, кроме отталкивающего лица Мартины, вставшего наподобие зловещего сфинкса в дверях маленького зала. Время от времени беглянка невольно с ужасом и безумной тревогой обращала взгляд на человека, воплощавшего сейчас весь кошмар ее грядущих бед. Сердце захлебывалось от страха и трепетало, как у голубки, почувствовавшей на горле безжалостные когти ястреба.

Испуганная и потрясенная, Изаура не находила ответа на искренние и пылкие признания юноши. Несколько минут она молчала, а Алваро истолковал это как проявление скромности или волнения.

- Вы не хотите отвечать мне? - мягко настаивал он. - Довольно будет одного лишь слова...

- Ах, господин Алваро, - пролепетала она, вздыхая, - что я могу ответить на ваши чудесные, нежные слова? Они покорили меня, но...

Элвира резко оборвала фразу, внезапная дрожь, охватившая девушку и передавшаяся руке Алваро, заставила влюбленного внимательнее взглянуть на партнершу. Ее вид испугал и насторожил Алваро.

- Это он!.. - будто хриплый прерывающийся стон слетел с побелевших вдруг губ: Изаура увидела, как в танцевальный зал вошел Мартины, и смертный озноб пробежал по телу несчастной.

- Простите меня, - зашептала девушка. - Сегодня я не в состоянии слушать столь дорогие для меня признания, мне плохо, надо поскорее вернуться домой. Будьте так добры, проводите меня к отцу...

- Ну конечно же, дона Элвира!.. Но, Господи... Как вы бледны... Вам очень плохо, да? Вы позволите, я провожу вас домой?.. А может, позвать врача?.. Он где-то здесь, на балу...

- Благодарю вас, господин Алваро, не беспокойтесь, просто небольшая дурнота, скоро пройдет, может, от усталости... Дома мне станет лучше.

- И вы покинете меня, не оставив даже единого слова утешения или надежды?..

- Утешения - возможно, а вот надежды...

- Но почему?..

- Если б надежда была у меня самой...

- Значит, вы не любите меня...

- Я очень люблю вас.

- Тогда вы будете моей!..

- Это невозможно.

- Невозможно!.. Какие могут быть препятствия?

- Я не смею рассказать вам о моем несчастье.

Доверительная беседа влюбленных была прервана в самый напряженный момент внезапным появлением Мартины, с низким поклоном он остановился прямо перед молодыми людьми. Возмущенный Алваро нахмурился и уже хотел прогнать назойливого студента, как приبلудную собаку. Элвира замерла, будто окаменела от ужаса.

- Господин Алваро, - вежливо обратился Мартины, - с разрешения вашей милости я бы хотел сказать пару слов даме, которая опирается на вашу руку.

- Этой даме? - удивленно воскликнул юноша. - Какие у вас с ней могут быть общие дела?

- Очень важные, и она сама лучше нас с вами догадывается о них.

Алваро хорошо знал Мартины и не сомневался в низости и подлости этого человека, поэтому он решил, что завистливый и трусливый соперник замыслил недоброе, какую-то хитрость, негодяй решил опозорить его, удачливого влюбленного, или выставить на посмешище. Алваро пришел в негодование, но сдержался поначалу:

- Дона Элвира, у вас есть какие-то дела с этим человеком? - спросил он девушку.

- У меня?!.. Нет-нет, конечно же, нет; я даже не знаю его, - пролепетала бледная и дрожащая Изаура.

- Господи, дона Элвира, почему вы так дрожите? Вы очень бледны!.. Проклятый наглец, он заставил вас страдать!.. О, Боже! Дона Элвира, не надо так пугаться. Я рядом с вами, и горе тому, кто посмеет нас оскорбить!

- Никто не хочет оскорблять вас, господин Алваро, - вмешался Мартино, - но дело гораздо серьезнее, чем вы думаете.

- Послушайте, господин Мартино, оставьте ваши личности и скажите прямо, что вам нужно от этой дамы.

- Я мог бы сказать, но, думаю, вашей милости лучше было бы остаться в неведении.

- О, у нас, оказывается, тайны завелись!.. В таком случае я решительно заявляю вам, что не покину Элвиру ни на секунду, и если вы не хотите говорить в моем присутствии, можете убраться.

- Нет, на это я не пойду, мне нельзя терять времени, мои дела и мои пять миллионов не ждут, - последние слова он процедил, почти не разжимая губ.

- Господин Мартино, я попросил бы вас не злоупотреблять долее моим терпением. Если вы не желаете говорить, будьте любезны удалиться...

- О, господин Алваро, - заметил Мартино, не слишком смущаясь, - раз вы вынуждаете меня, мне не трудно сделать по-вашему. Я вынужден совершенно определенно заявить вам, что дама, которая опирается на вашу руку, беглая рабыня!..

Алваро, зная наглость и нечистоплотность Мартино, в первый момент был поражен внезапным и столь неожиданным разоблачением. Поначалу он не мог поверить в истинность слов Мартино и решил, что все это недостойная игра, задуманная подлым соперником, дабы оскорбить его или заставить отступить от Элвиры. Сама личность Мартино, не раз выступавшего в роли шута или комедианта на потребу мелким страстишкам столь же отталкивающих и ничтожных людей, как и он сам, а то и служившего для них орудием мести, оправдывала недоверие Алваро. Благородный юноша почувствовал отвращение, соприкоснувшись с человеческой низостью, и возмутился наглым поведением студента-кабатчика.

- Господин Мартино, - холодно и четко ответил он, - если кто-то заплатил вам за издевательства надо мной и этой госпожой, назовите сумму - и вы получите вдвое больше, лишь бы оставили нас в покое.

Несмотря на тяжкое оскорбление, на толстом и наглom лице Мартино даже выражение не изменилось.

- Я повторяю, - нахально заговорил он, повысив голос, - и намеренно повторяю громко, чтобы слышали все: вот эта дама - беглая рабыня, и я должен задержать ее и отправить к хозяину.

Между тем Изаура, увидев отца, который тоже повсюду выглядывал ее, отпустила руку Алваро, подбежала к Мигелу, обняла его и спрятала лицо на родной груди.

- Какой позор, отец! - выдохнула она ослабевшим рыдающим голосом. - А ведь я предчувствовала!..

- Этот человек, если только он не отпетый мерзавец, либо пьян, либо сошел с ума, - побледнев от гнева заявил Алваро. - В любом случае его следует выгнать отсюда, как недостойного члена общества.

Уже друзья Алваро схватили Мартино за руки и готовы были вышвырнуть его вон как пьяницу или помещанного.

- Полегче, друзья, полегче! - остановил их виновник переполоха, не теряя спокойствия. - Нельзя же осуждать меня, предварительно не выслушав. Сначала я зачитаю вам вот это объявление, и, если я соврал, можете плюнуть мне в лицо и выбросить из окна на улицу.

Между тем их громкие пререкания привлекли всеобщее внимание и вокруг наших героев стали собираться любопытствующие гости. Роковые слова "Эта дама - беглая рабыня!", произнесенные Мартино в полный голос, передавались от компании к компании, от уха к уху и с невероятной быстротой облетели все залы и укромные закутки большого здания. Взволнованный шепоток пополз по дому, и гости, мужчины и женщины, вообще все присутствовавшие, включая музыкантов, швейцаров и слуг, опрометью, толкаясь и пихаясь впопыхах в тесноте, устремились в танцевальный зал, где происходили события, о которых мы рассказываем. Зал буквально был набит людьми, они напряженно вслушивались и даже вытягивали шею, дабы лучше разглядеть происходящее.

И вот посреди этой молчаливой, неподвижной, оцепенелой и сгорающей от любопытства толпы Мартино спокойно достал из кармана пресловутое объявление, тщательно разгладил его и громко, отчетливо прочел с начала до конца.

- Вы сами прекрасно видите, - продолжал он, закончив чтение, - что все приметы совершенно совпадают и лишь слепой не сообразит, что эта женщина и есть беглая рабыня, о которой говорится в объявлении. Но чтобы развеять последние сомнения, остается только проверить, есть ли над грудью след от ожога; с разрешения госпожи мы можем сейчас же в этом удостовериться.

- Прочь руки, мерзкая ищейка! - взревел Алваро и, вцепившись в Мартино, отшвырнул его от Изауры. Студент непременно растянулся бы на полу, если б не на-

толкнулся на людскую стену, все теснее сжимавшуюся вокруг них.

- Прочь! Наглая тварь! Рабыня она или нет, не твоим грязным рукам касаться ее.

Раздавленная позором и болью, Изаура наконец подняла голову. До того она стояла склонившись на плечо отца и спрятав лицо. Теперь девушка повернулась к присутствующим и, протягивая к ним судорожно сплетенные руки, потрясенная, взмолилась:

- Не нужно меня трогать, - восклицала она с тоской. - Господа, молю вас, простите! Я совершила непростительный поступок. Но Бог мне свидетель, лишь роковая судьба вынудила меня прийти сюда. Господа, этот человек говорит правду. Я... я рабыня!..

Лицо невольницы покрыла смертельная бледность, прелестная головка, будто чашечка сорванной лилии, поникла на грудь, и девушка упала бы на пол, точно стройная мраморная статуя, сорванная с пьедестала ураганом, если б Алваро и Мигел не поспешили ей на помощь.

Рабыня!.. Страшное слово, с рыданием вырвавшееся из груди Изауры будто предсмертный всхлип, передавалось из уст в уста среди ошеломленной толпы, эхом отдавалось во всех залах, словно зловещий шелест ночного ветра в мрачной лесной чащобе.

Странное происшествие на балу породило те же чувства, что и взрыв порохового погреба посреди военного лагеря: в первый момент испуг, оцепенение и нечто вроде тоскливого, гнетущего беспокойства, затем оживление, тревога, всеобщее движение и жалобные вопли.

Алваро и Мигел отнесли потерявшую сознание Изауру в дамскую комнату и там, с помощью нескольких сердобольных женщин, оказали ей необходимую помощь и не оставляли ее, пока девушка не начала приходить в себя. Озабоченный и разобиженный Мартиньо не отставал от них ни на шаг и внимательно следил, боясь, как бы жертва не ускользнула от него, а вместе с ней и вознаграждение.

Невозможно описать поднявшийся шум, возбуждение, овладевшее всеми присутствующими, разноголосицу мнений и впечатлений от неожиданного разоблачения. Каково было первостатейным красавицам, прелестным дамам, принадлежавшим к сливкам местного общества, узнать, что всех их превзошла красотой, изяществом, талантами и душевными качествами жалкая рабыня?! То-то кислые скорчили они мины! Мне даже трудно описать их, пусть уж

лучше читатель сам представит себя прелюбопытнейшую картинку.

Между тем в глубине души у многих из них к жесточайшему разочарованию и возмущению примешивалось некоторое тайное удовлетворение, главным образом порадовались те, кто особенно злился при виде многочисленных знаков внимания и любезностей, в открытую расточаемых милой незнакомке восторженными кавалерами. Они были унижены, но и отомщены. Что же касается тех, кто имел какие-либо притязания или надежды на любовь Алваро, - а таких оказалось немало - то они просто искрились от радости, узнав про тягостную сцену на балу; и в результате благородный юноша стал мишенью безжалостных насмешек и острот.

- Что-то поделывает наш невольник рабыни? - говорили они. - Бедняга, как он теперь людям в глаза смотреть будет?..

- По-прежнему. Он, конечно, освободит свою жемчужину и женится на ней. Этот помешанный способен на самые дурацкие поступки.

- А чем плохо? Одновременно приобретет и жену, и хорошую кухарку.

Жалкое утешение! Рабское клеймо не могло опозорить чистый лоб Изауры, напротив, оно лишь оттеняло сияющую печать совершенства, оттиснутую на нем божественным промыслом и очевидную для большинства беспристрастных судей.

На юношей печальное происшествие произвело совершенно иное впечатление. Лишь немногие, очень немногие отвернулись от своего бывшего кумира, остальные по-прежнему проявляли живой интерес и сочувствие к злосчастной судьбе прекрасной рабыни. Повсюду горячо спорили и обсуждали случившееся. Некоторые даже, несмотря на очевидное совпадение примет и признание самой Изауры, все еще сомневались в истинности того, что видели собственными глазами.

- Нет, эта женщина не может быть рабыней, - говорили они, - тут какая-то тайна, и когда-нибудь мы еще узнаем настоящую правду.

- Какая тайна? Все доказано, да и она призналась. Однако кто же этот бездушный и жестокий хозяин, что держит в рабстве столь дивное создание?

- Должно быть, тупой и грязный скупец.

- Если только не маленький султанчик с хорошим вкусом, мечтающий ввести ее в свой гарем.

- Кто бы он ни был, его надо принудить отпустить девушку на свободу. Только представьте, женщина, достойная трона, обретается в хибаре раба!..

- Да, один Мартино с его подлой душонкой и сатанинской жадностью мог распознать рабыню в ангельском облике этой удивительной девушки. Какое бесстыдство! Кажется, встретить я его сейчас, просто задушил бы собственными руками!

Между тем Мартино, заблаговременно запасшийся ордером на задержание рабыни и явившийся в сопровождении судебного исполнителя, упрямо настаивал, чтобы ему отдали Изауру. Алваро в ответ использовал все свое влияние и присущее ему обаяние и решительно воспротивился требованиям корыстолюбивого и подлого человека. Он призвал в свидетели присутствующих и объявил, что ручается за рабыню и обязуется доставить ее хозяину или тому, кто заявит права на нее от имени владельца. Тщетно Мартино пытался возражать, дружный хор насмешек и оскорблений по его адресу заставил мерзавца смолкнуть и отказаться от своих притязаний.

- Ах, сволочи! Хотят меня ограбить, - рычал Мартино как одержимый. - Мои пять миллионов! О, мои пять миллионов рейсов! Они растаяли, как дым.

Негодую и мыча от бешенства, он понесся вниз по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки, и вылетел на улицу.

После событий на балу, о которых мы рассказали в предыдущей главе, прошло около месяца. Изаура и Мигел благодаря великодушному заступничеству Алваро обитают все в том же маленьком домике в Санто Антонио. Но теперь они уже и думать не могут о побеге, им не скрыться, не уехать в дальние края, поэтому, по совету покровителя, они живут в своем домике и терпеливо ждут, что принесут им хлопоты Алваро, шаги, которые он предпринимает в их защиту. Однако томительное беспокойство не покидает отца и дочь, будто и над их головами, как над Дамоклом, подвешен на тонкой нити остро заточенный меч.

Почти ежедневно приходит Алваро в жилище беглецов и проводит здесь долгие часы, изыскивая все новые средства добыть свободу любимой и стараясь вдохнуть в нее надежду на лучшую участь.

Нам следует выяснить, что же произошло со времени роковой бальной ночи, поэтому прислушаемся к разговору Алваро и его друга доктора Жералдо, который происходит в доме Изауры.

Доктор Жералдо на следующее после бала утро покинул Ресифе и выехал в другой город, куда его вызвали в связи со сложным делом. Когда в конце месяца он вернулся в столицу, первой заботой молодого человека было отыскать Алваро, не только из чувства привязанности к другу, но и из любопытства и желания выяснить поскорее, как развивались события после исключительного происшествия на балу. Наведавшись два-три раза к Алваро домой и не застав его там, доктор Жералдо справедливо решил, что проще будет отыскать друга у Изауры, если она все еще в Ресифе и живет в прежнем домике. Он не ошибся.

Алваро узнал знакомый голос, осведомлявшийся о нем у садовой калитки, и вышел встретить друга. Но прежде он уверил хозяев домика, что пришедший - близкий ему

человек, на которого можно совершенно положиться, и попросил разрешения впустить Жералдо.

Жералдо провели в маленькую гостиную в передней части дома. Небольшая и очень просто обставленная комната была так прохладна, тениста и благоуханна, так переполнена цветами, которые гирляндами и пышными фестонами оплели даже окна, что скорее напоминала беседку или зеленый грот, чем гостиную. Освещалась она почти исключительно через широкую дверь, выходящую на открытую веранду, смотревшую на море. Взгляд пробегал меж стволов высоких кокосовых пальм, даривших домику тень и прохладу, и устремлялся в океанскую даль, упиваясь красотой и простором чистого сверкающего небосклона.

Мигел и Изаура поздоровались с гостем и, учтиво обменявшись с ним несколькими фразами, поспешили удалиться в глубь своего обиталища, понимая, что после долгой разлуки друзья хотели бы остаться вдвоем.

- Знаешь, Алваро, - улыбаясь заметил Жералдо, - а здесь очень уютно и мило, неудивительно, что ты предпочитаешь большую часть времени проводить здесь. Действительно напоминает очарованный грот феи. Жаль, что проклятый некромант вдруг разрушил чары твоей волшебницы и обратил ее в обыкновенную рабыню.

- Ах, не шути, друг мой. Та безобразная сцена произвела на меня необычайно тягостное и болезненное впечатление. Но, честно тебе признаюсь, мои чувства к этой женщине почти не изменились, разве что в первый момент я растерялся.

- Да что ты говоришь?!. Неужели твоя эксцентричность дошла до такой крайности?!

- Что поделать? Таким меня создала природа. В первый момент стыд и своего рода ярость ослепили меня, я даже с удовольствием наблюдал, какой жестокий страх терзал ее. Печальное и оскорбительное разочарование! В одну секунду развалился и рухнул в грязь алмазный замок, с такой любовью воздвигнутый моим воображением!.. Чтобы рабыня так долго водила меня за нос и в конце концов опозорила и унизила, выставив на всеобщее посмеище! Можешь представить мое смущение и стыд перед лицом знатнейших дам, рядом с которыми я поставил жалкую рабыню, да еще на балу в самом избранном и блестящем обществе!..

- И заметь, кстати, - добавил Жералдо, - рабыня эта всех их затмила редкой красотой и блистательными способностями. Даже сознательно ты не смог бы подвергнуть

их большому унижению. Это преступление тебе никогда не простится, несмотря на то, что, как известно, ты и сам был введен в заблуждение.

- Это уж точно, Жералдо. А знаешь, тогда я был сконфужен и чувствовал себя крайне неловко, просто не знал, куда спрятаться от стыда, а сегодня смеюсь от души и весьма рад, что послужил причиной этого переполоха. Господь, похоже, нарочно подстроил эту курьезную историю, чтобы наглядно показать, как пусты и нелепы различия, определяемые происхождением и состоянием: гордыня и самодовольство сильных мира сего были растоптаны в пыль, а низкороджденные возвысились. Всем стало ясно, что рабыня может оказаться благороднее герцогини. Первое дурное впечатление быстро развеялось. Очень скоро сочувствие, любопытство, интерес, который неизбежно вызывает несчастье столь незаурядного человека, а также, вполне возможно, и любовь, которую даже шумный скандал не смог убить в моем сердце, все это вместе заставило меня забыть про стыд, и я решил открыто вступить за прекрасную невольницу и отстоять ее любой ценой. Едва Изаура с нашей помощью пришла в себя и стало ясно, что она вне опасности, я тут же отправился домой к начальнику полиции и рассказал ему все. Благодаря дружеским чувствам этого человека, я добился разрешения для Изауры и ее отца - кстати, к твоему сведению, он действительно ее отец - спокойно жить в своем домике, а я со своей стороны отвечал за то, что они никуда не скроются. Так все и устроилось, хотя Мартиньо не переставал вопить и упорно не хотел выпустить из рук вознаграждение. Однако на следующий день утром тот же самый начальник полиции, понимая, что дело нешуточное и очень сложное, велел препроводить Изауру к нему, хотел расспросить ее и установить ее личность. Я решил пойти с ней. О, если б ты только видел ее тогда!.. Несмотря на слезы, вызванные жестокостью судьбы, человеческое достоинство и гордость ее были очевидны. Ничто не выдавало в ней низкого рабского происхождения, а душевная чистота и благородство светились на прекрасном лице, в чудных глазах. Точно сам ангел страданий, в муках изгнанный с небес, выставлен на суд человеческий. Я даже стал сомневаться в реальности жестокой правды. Начальник полиции полон был уважения и восхищения перед столь нежным и благородным созданием и обращался с ней очень дружелюбно, расспрашивал мягко и вежливо. Покраснев от смущения, она рассказала все с простодушием и непосредственностью чи-

стой души. Она бежала вместе с отцом, чтобы избавиться от похотливых объятий своего распутного и жестокого хозяина, который хотел насилем и пытками заставить ее удовлетворить его низкие вожделения. Но Изаура от природы была чиста, да и тонкое, изысканное образование способствовало развитию добрых свойств ее души: с детства ей присуще высокое чувство собственного достоинства и целомудрие, поэтому с негодованием и героической стойкостью противостояла гордая девушка всем попыткам обольстить ее и не сдалась после самых страшных угроз гнусного распутника. Наконец, испугавшись унижительного и грубого обращения, последствия которого она уже начала испытывать на себе, Изаура решилась на крайнее средство спасения, ей оставалось только бежать.

- Если все это правда, Алваро, то причина побега весьма достойная и ее поступок можно даже назвать героическим, но... так или иначе, она все равно остается все-го лишь беглой рабыней.

- Тем более достойна она сочувствия и внимания. Изаура рассказала мне историю своей жизни, и, надеюсь, я смогу доказать ее право на свободу. Бывшая хозяйка, мать теперешнего хозяина, которая так заботливо воспитывала девочку и кому она обязана великолепным образованием, много раз при свидетелях говорила, что Изаура будет свободна после того, как ее, старушки, не станет. Однако неожиданная и скоропостижная смерть хозяйки, умершей без завещания, оставила Изауру в когтях самого распутного и бесчестного господина.

- И что же ты сейчас намереваешься делать?

- Я хочу потребовать, чтобы Изауру оставили на свободе и назначили ей опекуна, который отстаивал бы ее права.

- А где ты надеешься отыскать доказательства или документы, подтверждающие твои слова?

- Не знаю, Жералдо, я хотел посоветоваться с тобой, именно поэтому с таким нетерпением ждал твоего возвращения. Надеюсь, с твоим опытом в области права ты сможешь мне что-нибудь посоветовать и направить мои поиски. Я уже попробовал воспользоваться самым очевидным и простым средством, которое можно себе вообразить, и на следующий же день после бала написал хозяину Изауры, выбирая наиболее сдержанные и убедительные слова. Я просил назначить цену за свободу девушки. Однако вышло еще хуже. Чувственный и ревнивый раджа пришел в ярость и послал мне в ответ оскорбительное письмо - я только недавно получил его, - где называет

меня низким соблазнителем и укрывателем беглых рабынь и угрожает призвать на помощь закон, дабы ему вернули рабыню Изауру.

- А султанчик наш весьма глуп и нелюбезен, - сказал Жералдо, быстро пробежав глазами письмо, врученное ему Алваро, - но, к сожалению, если отвлечься от оскорбительного тона, он прав...

- Однако я заставлю его ответить за оскорбления сполна.

- И тем не менее, хоть он наглец и хам, если у тебя не найдется подлинных и очевидных доказательств права твоей подопечной на свободу, его притязания неоспоримы, он может требовать и настаивать на возвращении своей рабыни, где бы она ни находилась.

- Какое же это подлое и жестокое право, дорогой мой Жералдо! Просто злая насмешка - называть правом самое варварское установление, против которого во весь голос протестуют и цивилизация, и мораль, и религия. Я полагаю, общество, в котором жестокий и деспотичный хозяин, побуждаемый низкими и постыдными вожделениями, имеет право мучить хрупкое и невинное создание только потому, что она имела несчастье родиться рабыней, нельзя одобрять или даже просто молча терпеть. Это чудовищное преступление и мерзость.

- Ну, не совсем так, мой милый, конечно, встречаются всякие злоупотребления и крайности, их следует как-то сдерживать, но разве правосудие или гражданские власти могут осквернить домашний очаг и вторгнуться в семейные дела гражданина? А сколько гнусных и порочных тайн, порожденных рабством, таится под сенью уютных поместий и усадеб, частных заводиков! Я уж не говорю про правосудие, но даже соседи ничего не подозревают. Пока есть рабство, будут и подобные истории. Дурное установление неизбежно порождает множество извращений, и преодолеть их можно, лишь вырвав с корнем само зло.

- К сожалению, это так; но если общество бесчеловечно отворачивается от страдальцев, оставляя их полностью во власти разнузданных палачей, то найдется немало благородных душ, которые примут на свои плечи нелегкое бремя защиты и отмщения за несчастных. Что же до моего дела, то, клянусь тебе, Жералдо, пока сердце бьется в груди, я буду бороться за то, чтобы вырвать Изауру из оков рабства. Надеюсь, Господь поможет мне в этом праведном и святом начинании.

- Алваро, я вижу, ты не просто одержим человеколюбием. Ты, оказывается, очень любишь свою рабыню.

- Ты прав, друг мой. Я очень люблю ее, всегда буду любить и не делаю из этого тайны. Разве любовь к рабыне - столь уж необычайное или постыдное чувство? Еще патриарх Авраам любил рабыню Агарь и ради нее оставил жену свою Сару. Униженное положение Изауры не может лишить ее блистающего покроя чистоты и прелести, в который она была и всегда будет облачена. Красота и невинность - две звезды, чье сияние еще ярче, когда они погружены в горестную пропасть тьмы.

- Твоя философия прекрасна и достойна твоего благородного сердца, но чего ты добиваешься? Все законы и общественные установления - произведения рук человеческих и, как таковые, зачастую бывают несовершенными, несправедливыми и жестокими. Ангел стонет и гибнет под бременем рабства, а демон блаженствует на вершине богатства и власти.

- Так что же, - с отчаянием в голосе спросил Алваро, - среди этих проклятых законов ты не сможешь отыскать хоть один, чтобы защитить от палача его невинную жертву?

- Нет, Алваро, не смогу, если только ты не найдешь доказательств в пользу твоей подопечной. Закон видит в рабе только собственность хозяина и почти полностью отказывает ему в человеческих чувствах. Господин имеет абсолютное право собственности на раба и теряет это право, лишь освободив раба или передав его каким-то образом в чужие руки, возможно также доказать право на свободу по суду, но бесчеловечность хозяина и тому подобные доводы не имеют значения.

- Ваши законы - всего лишь жалкие, бесполезные вороха бумаги. Среди них отыщется множество хитростей и уловок, чтобы завлечь в сети доверчивую душу, обелить обман, одурачить невежество, ограбить нищего, защитить ростовщичество и алчность богатых. А вот когда появляется по-настоящему благородная цель, когда речь идет о защите беспомощной невинности от насилия, если надо укрыть несчастного от несправедливого преследования - тогда уж они молчат, а то и выступают в роли жестокого палача. Но, несмотря на тупые законы, я сделаю все возможное, чтобы освободить бедную Изауру от гнетущего бремени, придавившего ее. С моей стороны это не просто великодушие. Прямо скажу тебе, я люблю Изауру, люблю горячо и нежно.

Друг Алваро пришел в ужас от подобных рассуждений, да еще преподнесенных столь пылко и откровенно; восторженность юноши казалась ему плачевным сума-

сбродством и порождением чересчур утонченного воображения.

- Вот уж никогда бы не подумал, - серьезно заявил он, - что твоя странная и злополучная любовь доведет тебя до такого состояния. Из человеколюбия ты бросаешься защищать какую-то беглую рабыню! Неужели ты не нашел для себя более пристойного и естественного занятия? Ведь это всего лишь бредни слишком утонченного и развитого литературой воображения. Разве можно позволить, чтобы твое бурное увлечение жалкой рабыней повредило высокому и достойному положению, которое ты занимаешь в обществе?..

- Жалкая рабыня! - воскликнул Алваро, все более приходя в возбуждение. - Пустые слова, ничего не выражающие или обозначающие ложь. Чистота ангела, красота феи - вот правда! Неужели человек или даже целое общество может противодействовать повелениям Творца и превратить в низкую рабыню подлинного ангела, упавшего на землю прямо из рук Господа?..

- Однако по роковой случайности ангел с неба угодил прямо в трясину рабства и в глазах всего мира ничто не может смыть с него грязного пятна, осквернившего непорочные крылья. Как ни грустно, вся наша жизнь в обществе изобилует такими унижительными порой установлениями, с которыми мы вынуждены мириться, дабы не расшибить себе лоб о препятствие и не рухнуть под ноги идущим следом. Кто не уважает правил и предрассудков, правящих обществом, рискует потерять доверие людей или стать посмешищем.

- Рабство само по себе - величайшая мерзость, злокачественная опухоль на теле нации, которая, однако, терпит и пестует свой позор. Что до меня, то я не вижу никаких причин оказывать столь глубокому почтению абсурдному и подлому предрассудку, он позорит нас в глазах всего мира. Пусть я первый сделаю решительный шаг и тем самым, быть может, подам благородный пример другим. Надеюсь мои поступки станут, по крайней мере, яростным и довольно заметным протестом против варварского и постыдного установления.

- Ты богат, Алваро, и твои деньги обеспечивают тебе относительную безопасность, так что ты можешь удовлетворять свои человеколюбивые мечтания и причуды твоего романтического воображения. Но как бы велико твое состояние ни было, ты не в силах изменить общество и преодолеть его предрассудки, поэтому ты никогда не сможешь заставить людей уважать рабыню, с которой, судя

по всему, ты мечтаешь связать свою жизнь. Ты не сумеешь убедить высшее общество принять ее в свой круг...

- Да какое мне дело до высшего общества, если нас будут принимать здравомыслящие люди с хорошим вкусом и добрым сердцем? А кроме того, дорогой мой Жералдо, ты очень и очень ошибаешься. Весь мир поклоняется деньгам, в чьих бы карманах они ни звенели. Сияние золота облагораживает и полностью обеляет так называемые запятнанные родословные и темное происхождение. Уверяю тебя, у нас никогда не будет недостатка ни в уважении, ни в общественном одобрении, пока у нас не будет недостатка в деньгах.

- Но, Алваро, ты забываешь об одной весьма существенной вещи. А что, если ты не сможешь добиться освобождения твоей подопечной?..

При этих словах Алваро побледнел и, подавленный одной мыслью о возможности трагического исхода, не смог сказать в ответ ни слова и только грустно смотрел вдаль, когда кучер, которого Алваро вместе с коляской оставил у калитки, ведущей в сад, зашел в дом и сообщил, что хозяина ищут несколько человек и хотят поговорить с ним или с владельцем домика.

- Со мной? - проворчал Алваро. - А разве я у себя дома?.. Но ведь они ищут также и владельца этого... Пусть войдут.

- Алваро, - сказал Жералдо, выглядывая из окна, - если не ошибаюсь, это из полиции, мне кажется среди них судебный исполнитель.

- Это невозможно!.. По какому праву они осмелились тревожить меня в священном убежище, отданном мне под охрану самой же полицией?!..

- Не стоит им доверяться. Фемида - очень непостоянная и щедрая на обман богиня. Сегодня она разрушает то, что создала вчера...

Главной заботой Мартины после того, как он покинул бал, где сорвалась его попытка задержать Изауру, было написать ее хозяину пространное и подробное письмо. Он сообщал, что ему, Мартины, посчастливилось обнаружить беглую рабыню.

Мартины обстоятельно поведал, какие усилия пришлось ему приложить, чтобы добиться желанной цели, вплоть до публичного разобращения на балу, превозносил собственную проникательность и прочие заслуги, утверждая, что никто другой, кроме него, не мог бы распознать рабыню в столь прелестной и одаренной девушке. Извращая события и поступки наших героев самым гнусным и бесстыдным образом, грубым языком кабатчика живописал он, как Мигел обосновался в Ресифе, дабы наживаться на красоте собственной дочери, а та, в свою очередь, служа приманкой для богатых бездельников, наконец умудрилась поймать в свои сети птичку пожирнее и собиралась было ошипать ее до последнего перышка. А птичка эта - местный юноша по имени Алваро, страшно богатый и совершенно безмозглый болван, втюрился в нее по уши. Он до того потерял голову, что собирался даже жениться на Изауре и имел глупость потащить ее на бал, где Мартины и посчастливилось ее обнаружить и задержать. Беглянку давно бы уже отправили к хозяину, если б не сопротивление пресловутого господина Алваро. Он хоть и узнал наконец, что за пташка была его богиня, нимало не стыдясь, бросился на ее защиту и вел себя прямо-таки скандально. Воспользовавшись своими связями и влиянием, которое дают громадные деньги, он воспрепятствовал задержанию рабыни и став ее доверенным лицом, удерживает девушку против всяких законов и правил и заявляет, что отдаст ее только хозяину в собственные руки. Сам Мартины полагает, что цель Алваро - употребить все средства, дабы освободить Изауру и сделать ее своей женой или любовницей, а потому он, Мартины, считает

своим долгом сообщить обо всем достопочтенному господину хозяину.

Таково было содержание письма, отправившегося в Рио вместе с другим пакетом, где содержались предложения Алваро об освобождении Изауры. Леонсио страшно обрадовался, узнав, что беглянка нашлась, но сообщение Мартины наполнило его сердце ревностью и тревогой. Он поспешил ответить сразу на оба письма. Нагло и оскорбительно откликнулся он на вежливые слова Алваро, а Мартины поручил задержать рабыню, где бы она ни находилась, и на всякий случай предоставлял ему самые широкие полномочия. Кроме того, Леонсио написал рекомендательные письма различным влиятельным особам, вроде начальника полиции, чтобы они помогли Мартины исполнить поручение.

Немедленно по получении бумаг Мартины отправился в полицию и, предъявив все документы, потребовал отдать приказ о вручении лично ему беглой рабыни. Начальник полиции, ознакомившись с письмами Леонсио, понял, что не может не выполнить законных требований, и письменно отдал требуемый приказ, а также послал вместе с Мартины судебного исполнителя и двух полицейских, которые должны были помочь кабатчику задержать Изауру.

Итак, Мартины, обладая всеми полномочиями и заручившись законной поддержкой полиции, прибыл со своим эскортом к дому Изауры, чтобы вырвать из рук Алваро драгоценный трофей.

- Опять этот гнусный тип! - сквозь зубы пробурчал Алваро при виде Мартины. Это был стон бессильной ярости, исторгнутый из глубины тоскующей души.

- Что вам надо от меня? - сухо и высокомерно спросил Алваро.

- Ваша милость хорошо знаете меня, - отвечал Мартины, - а потому вам не трудно понять, что привело меня сюда.

- Ничуть не бывало, я не догадываюсь о цели вашего визита, разве что меня удивляет столь многочисленное сопровождение.

- Ваше удивление пройдет, едва вы узнаете, что я пришел, чтобы потребовать отдать мне беглую рабыню по имени Изаура. Я уже давно опознал ее на балу, где присутствовали и вы, ваша милость, а сейчас я должен отправить ее в Рио к хозяину. Тогда вы без каких-либо законных оснований воспротивились выдаче рабыни и против всяких правил держали ее до сих пор у себя.

- Довольно, господин Мартино! Полагаю, не в вашей воле давать или отнимать права у кого бы то ни было. Вы прекрасно знаете, что я доверенное лицо этой рабыни и она содержится под моей опекой с согласия властей.

- Это право, если вообще можно называть правом произвол, больше недействительно, ведь ваша милость так и не предоставили никаких доказательств в пользу выше-названной рабыни. И кроме того, - продолжал он, показывая бумаги, - вот приказ, который категорически требует выдать мне рабыню по имени Изаура. И вы ничего законного не можете ему противопоставить.

- Я вижу, господин Мартино, - отвечал Алваро, быстро проглядев врученные ему бумаги, - вы ведете себя по-прежнему недостойно и ради горстки золота становитесь сообщником ее гонителя и грубым орудием в руках палача несчастной женщины. Подумайте хорошенько, и вы поймете: такой бесчестный поступок вызовет у всех лишь ужас и отвращение к вам.

Мартино чувствовал за спиной поддержку полиции, а потому решил, что может действовать без колебаний и не стесняться. Хладнокровно и невозмутимо он заявил:

- Господин Алваро, в этот дом я пришел исключительно для того, чтобы от имени властей потребовать вручить мне беглую рабыню, которую здесь укрывают, а вовсе не для того, чтобы выслушивать оскорбления. Вы не смеете так говорить со мной. Речь идет о том, что закон велит, а благоразумие советует сделать. Но если вы откажетесь, я ведь могу и воспользоваться своим правом...

- Каким правом?..

- Обыскать дом и взять рабыню силой.

- Убирайся, жалкая ищейка! - заорал Алваро вне себя от ярости. - Исчезни с глаз моих, если не хочешь дорого заплатить за свою наглость!..

- Господин Алваро!.. Берегитесь!

Доктор Жералдо, не очень-то одобряя сумасбродное, по его мнению, поведение своего друга, из осторожности до сих пор молчал, но, видя, что гнев и безрассудство Алваро превзошли все мыслимые пределы, он посчитал своим долгом вмешаться и, подойдя к Алваро, взял его за руку:

- Что ты творишь, Алваро? - тихо произнес он. - Разве ты не понимаешь, что своей опрометчивой горячностью ты добьешься одного: себя опозоришь, а Изауре только навредишь? Осторожнее, друг мой.

- Но... что же мне делать?.. Посоветуй...

- Отдать ее.

Оставшись один, Алваро сел за стол и, опершись лбом на сцепленные пальцы, глубоко задумался.

Тем временем Изаура по молчанию, воцарившемся в гостиной, поняла, что все чужие ушли, и зашла в комнату побыть с любимым.

- Господин Алваро, - кротко и смиренно сказала она, - простите... Я, наверное, побеспокоила вас. Может, вы хотели побыть один...

- Нет, дорогая Изаура, ты никак не можешь мне помешать, наоборот, я всегда рад тебя видеть.

- Но я вижу, вы так печальны!.. Мне казалось, кто-то еще приходил сюда, я слышала громкие голоса. Они вас чем-то расстроили?

- Ничего особенного, Изаура, это приходили к доктору Жералдо.

- Но тогда почему же вы так грустны и подавлены?

- Я не грустен и не подавлен. Просто я раздумывал, как бы вырвать тебя из пропасти рабства, ангел мой, и возвысить до того положения, которое само небо тебе предназначило.

- Ах, господин Алваро, не надо страдать из-за любви к несчастной рабыне, я не заслуживаю столь глубоких волнений. Бесполезно бороться с безжалостной судьбой, что преследует меня по пятам.

- Ты не должна так говорить, Изаура. Ты плохо представляешь себе, что может моя любовь и моя защита!..

- Я недостойна слушать эти чудесные слова. Подарите вашу любовь другой женщине, более достойной. И забудьте о бедной рабыне, я лишила себя права даже на ваше сочувствие, так долго скрывая свое истинное положение, я заставила вас пережить такой позор...

- Замолчи, Изаура... Сколько еще ты собираешься вспоминать про тот злополучный случай?.. Я сам виноват,

что заставил тебя идти на бал. У тебя ведь было более чем достаточно причин скрывать от меня свое несчастье. Забудь об этом, прошу тебя, ради нашей любви, Изаура.

- Я не могу забыть, угрызения совести все время терзают меня и вызывают в памяти мою постыдную слабость. Несчастье - плохой советчик, оно тревожит душу и омрачает разум. Я любила вас так же, как люблю сейчас, и с каждым днем все больше... Простите мне это объяснение, оно слишком дерзко звучит из уст рабыни.

- Говори же Изаура, всегда повторяй мне, что любишь меня. Я мог бы слушать эти слова целую вечность...

- Поистине грустная это любовь, любовь рабыни, без радости и без надежды. Но одна мысль о том, что я любима вами, утешала меня. Ваша любовь поднимала меня даже в собственных глазах и помогала забыть об истинном моем жалком положении. Я вся дрожала, едва задумывалась о том, что, когда вы узнаете правду, я потеряю единственное оставшееся мне в жизни утешение. Простите меня, простите несчастную рабыню, которая в безумии своем осмелилась полюбить вас!

- Изаура, забудь ты свои пустые сомнения и эти унижительные покаянные речи, твои ангельские губы нельзя осквернять ими. Ты любишь меня, а я - тебя, потому что считаю тебя достойной этой любви, так чего же ты хочешь?.. Если я полюбил тебя, не зная твоего происхождения, покоренный твоими редкостными прелестями, то, когда я узнал, что, кроме прочих твоих достоинств, на тебе еще и венец жертвы, мученицы, теперь я обожаю тебя, боготворю, как никогда раньше.

- Вы любите меня! От этого я страдаю еще сильнее!.. Зачем нам эта несчастная любовь, ведь мне отказано даже в счастье быть вашей рабыней, мне неотвратимо суждено погибнуть от рук моего безжалостного палача...

- Никогда! Слышишь, Изаура, - возбужденно вскричал Алваро, - мое состояние, мой покой, моя жизнь - я ничего не пожалею, чтобы освободить тебя, вырвать из лап грубого чудовища. И если земное правосудие не поможет мне в этом благородном и добром деле, через меня исполнится правосудие небесное.

- О, господин Алваро! Вы не должны жертвовать собой ради бедной рабыни, я не достойна таких благодеяний. Оставьте меня с моей злосчастной судьбой. Для меня и так уже немалое счастье завоевать любовь такого благородного и доброго человека, как вы. Воспоминание о вашей привязанности будет утешать и ободрять меня в

горе. Но я не могу допустить, чтобы вы так унижали свое имя и пятнали репутацию, открыто демонстрируя пылкую любовь к рабыне.

- Сжался, Изаура, не мучай меня этим проклятым словом, которое не сходит у тебя с губ. Ты - рабыня! Да нет, ты никогда не была рабыней и не будешь! Разве может произвол одного человека или даже целого общества превратить в низшее существо, обратит в рабство созданного Господом дивного ангела, достойного всеобщего уважения и поклонения? Нет, Изаура, я найду способ помочь тебе достигнуть высокого положения, предназначенного тебе небом. Я надеюсь на помощь Господа нашего, справедливого и всемогущего, ибо он видит, что я защищаю одного из ангелов Божьих.

Хотя после вечера пресловутого бала Алваро знал, что Изаура - простая рабыня, он продолжал обращаться с ней по-прежнему почтительно, учтиво и деликатно, как с девушкой самого знатного происхождения. Вел он себя так в соответствии с собственными высокими принципами и подчиняясь благородным и утонченным чувствам, переполнявшим его сердце. Стыдливость, невинность, талант, добродетель и горе всегда были уважаемы, священны для честного юноши, о ком бы ни шла речь - о рабыне или принцессе. Чувства его были столь же прозрачны и целомудренны, как и девушка, вызвавшая их, а потому Алваро и в голову не приходило воспользоваться ее подневольным положением и осквернить ее незапятнанную душевную чистоту. Никогда бы не осмелился он на смелый жест или страстное признание, которые могли бы вызвать краску стыда на лице Изауры, и уж тем более ни разу не коснулся он губами ее девической щеки хотя бы легчайшим поцелуем. Только после долгих и настоятельных просьб Изауры согласился он называть девушку на ты, да и то лишь когда они были наедине.

И только сейчас в порыве нежности и горячего сочувствия Алваро, произнеся последние слова, обнял Изауру и мягко привлек к себе, прижал к груди. Обоих захватили упоительная сладость, кроткая ласка первого любовного объятия, но тут послышался шум экипажа, остановившегося у входа в дом, и вскоре громкий оклик: "Эй, в доме!" - оторвал молодых людей друг от друга. В гостиную вошел кучер Алваро и сообщил, что хозяина спрашивают какие-то люди.

- О, Господи!.. Что же это за день сегодня!.. Неужели опять полиция?.. - подумал Алваро и обратился к Изауре:

- Я думаю, благоразумнее будет, чтобы ты ушла, дорогая. Неизвестно, зачем приехали эти люди, так и не надо им тебя видеть.

- Ах, я только все время создаю для Вас новые причины для волнений! - прошептала Изаура, выходя из комнаты.

Через минуту в гостиную, где был Алваро, вошел элегантный симпатичный молодой человек, изысканно одетый, с блестящими аристократическими манерами, но, несмотря на красоту, было в его лице нечто неуловимо злое и жестокое, а взгляд казался столь мрачным, что незнакомец невольно вызывал ужас и отвращение.

- Нет, он явно не из полиции, - подумал Алваро и указал пришедшему на кресло:

- Будьте любезны присесть, - сказал он. - Чем могу вам служить?

- Простите меня, - отвечал молодой человек, пристально разглядывая гостиную, - но я хотел бы поговорить с хозяином дома или его дочерью.

Алваро содрогнулся. Кто бы ни был этот молодой человек, непохожий на полицейского, привел его сюда, без сомнения, след Изауры. Прежде, чем позвать хозяев, Алваро решил проверить свое предположение и выяснить намерения гостя.

- Тем не менее, - ответил Алваро, - ваша милость можете говорить со мной, так как хозяйка дома поручили мне вести их дела. Итак, что вы хотите от них?

- О, конечно, я без сомнения, могу вам все сказать, тут нет никакой тайны. Мне точно известно, что здесь скрывается беглая рабыня по имени Изаура, а я приехал, чтобы задержать ее...

- В таком случае, вам придется иметь дело со мной, ведь я доверенное лицо этой рабыни.

- А!.. Как я понимаю, ваша милость - господин Алваро!..

- К вашим услугам.

- Хорошо, я рад, что встретил вас здесь. В свою очередь позвольте представиться: я Леонсио, законный хозяин рабыни.

Леонсио!.. Хозяин Изауры! Алваро был буквально раздавлен этим ужасающим и грозным известием. Несколько секунд потрясенный юноша молча смотрел на мрачное лицо человека, который предстал перед ним неумолимый и злоедейский, как Люцифер, готовый завладеть несчастной жертвой и увлечь ее в ад. Холодный пот выступил на

лице у Алваро, болезненная тоска заставила сжаться сердце.

- Это он!.. Сам палач!.. Увы, бедная Изаура!.. - скорбным эхом звучали в его душе леденящие и унылые слова.

Читатель, верно, не менее

Алваро удивился неожиданному появлению Леонсио в Ресифе. И как он сразу же очутился в том доме, где скрывалась его беглая рабыня? Необходимо объяснить, как все это произошло, чтобы приезд Леонсио не казался чудом.

Написав и отправив по почте два письма, одно Алваро, другое Мартиньо, Леонсио, однако, не успокоился. Душу его терзало тягостное беспокойство и отчаянная ревность. Мысль о том, что Изаура находится во власти красивого и богатого юноши, да еще безумно в нее влюбленного, стала для Леонсио постоянным источником невыносимых мучений; будто раковая опухоль разъедала она его душу, в тоске и отчаянии он метался по дому, и бешеная страсть, которую питал он к своей рабыне, разгоралась с новой силой. Он находился в столице, куда переехал, едва получив сведения об Изауре: там он мог быстрее и решительнее предпринять все возможные меры для задержания рабыни. Письма он написал и отправил накануне отплытия парохода, а остаток дня провел в размышлениях. Страшное беспокойство, владевшее им, не позволяло ему спокойно дожидаться ответа на письма и результатов их действия, ведь в те времена морские путешествия были несравнимо более медлительными и продолжительными, мореплавание на пароходах только-только еще начиналось у берегов Бразилии. Кроме того, на память ему пришло народное присловие: кто хочет - идет, кто не хочет - посылает. И потом, нельзя же полностью полагаться на услужливость и усердие незнакомых людей, которые, возможно, не смогут устоять против влияния Алваро, ведь он, как ему, Леонсио, написали, был достаточно влиятельным и могущественным человеком в Ресифе. Ревность и мстительность не любят доверять чужим глазам и рукам осуществление собственных замыслов.

- Необходимо поехать самому, - подумал Леонсио. Приняв, наконец, твердое решение, он отправился к ми-

нистру юстиции, с которым его связывали дружеские узы, и попросил у него рекомендательное письмо - что практически означало приказ - к начальнику полиции Пернамбуку, дабы ему, Леонсио, оказали самое энергичное содействие в обнаружении и поимке рабыни. Еще раньше Леонсио запасася исполнительным листом и приказом на арест Мигела, которого обвинял в судебном порядке в похищении и укрывательстве беглой рабыни. Злобный деспот ничего не забыл, месть его должна была быть полной.

На следующий день Леонсио отплыл на север на том же пароходе, который вез его письма.

Однако письма пришли к адресатам на несколько часов раньше, чем их автор высадился на пристани в Ресифе.

Едва ступив на твердую землю, Леонсио тут же отправился к начальнику полиции и уведомил его о своих намерениях.

- Господин Леонсио, - отвечал начальник полиции, - не прошло и двух часов, как отсюда вышел человек, которому ваша милость поручили задержать рабыню. Совсем недавно он вернулся и объявил, будто ошибся на балу, а теперь твердо убедился, что подозреваемая женщина не была и не могла быть рабыней вашей милости.

- Речь идет о некоем Мартиньо, не так ли, господин доктор?

- Совершенно верно.

- Не может быть!.. Что вы говорите, господин доктор!..

- Уверяю вас. Кстати, судебный исполнитель и полицейские, сопровождавшие господина Мартиньо, еще здесь.

- Значит, я напрасно потерял время и попусту потратил деньги на путешествие!.. О нет, это невозможно. Сдается мне, господин доктор, здесь что-то нечисто... Этот пресловутый господин Алваро, говорят, очень богат?..

- А бездельник Мартиньо способен на любые плутни. Все может быть, но ваша милость как лицо заинтересованное можете проверить истинность его слов.

- Именно это я и собираюсь сделать. Я пойду и все проверю сам, своими глазами увижу эту женщину, и, если возможно, немедленно.

- Как вам будет угодно. Здесь как раз судебный исполнитель и полицейские, которые недавно вернулись из дома подозреваемых и никто лучше них не сможет сопроводить вашу милость и задержать женщину, если она действительно окажется вашей рабыней.

- Я так же хотел бы, чтобы ваша милость исполнили этот приказ об аресте Мигела. Необходимо наказать мерзавца, осмелившегося сбивать с пути истинного и красть моих рабынь.

Начальник полиции не колеблясь исполнил просьбу Леонсио. И вскоре молодой человек в сопровождении небольшого эскорта уселся в экипаж и отправился к дому Изауры, где мы и оставили его наедине с Алваро.

Положение Алваро было не просто угрожающим, оно стало безнадежным. Враг оказался вооружен неоспоримым правом унижать, мучить его, даже разбить его сердце, похитив обожаемую возлюбленную, его божество. Ее вырвут из нежных объятий влюбленного, дабы осквернить грубой любовью распутного хозяина или принести в жертву его же гневу. Оставалось только безропотно смириться с неожиданным ударом судьбы и, сложив руки, наблюдать, как закуют в железо и исполосуют плетью благородное ангелоподобное создание, единственную среди многих красавиц, кому посчастливилось заставить его сердце трепетать от самой глубокой и чистой любви.

Прискорбное положение, которым мы обязаны абсурдному и бесчеловечному установлению - рабству.

Распутный и разнузданный палач ведет себя высокомерно и грубо, он чувствует поддержку закона, властей, права и силы и впивается когтями в жертву своей алчности, похоти или ненависти и может наслаждаться ею и изводить ее, как ему заблагорассудится, а человек благородный, великодушный и любящий бессилен перед законом. Он вынужден наблюдать со стороны, униженный, раздавленный, безмолвный, не в праве подать руку помощи невинной и благородной жертве, которую он хотел бы защитить. Так в результате странного искажения естественных моральных норм мы видим, как закон стоит на страже порока и сковывает руки добродетели.

Итак, Алваро чувствовал себя в присутствии Леонсио, будто осужденный рядом со своим палачом. Безжалостная рука судьбы придавила его непомерной своей тяжестью, не давая возможности хоть немного вздохнуть свободно.

А Леонсио весь пылал от ярости и ревности; воспользовавшись своим выгодным положением, он решил отомстить удачливому сопернику и отомстить трусливо и подло, стараясь уязвить его оскорбительными насмешками и бранью.

- Я знаю, что уже давно, - говорил Леонсио, продолжая прерванный в прошлой главе диалог, - ваша милость держите эту рабыню в своей власти, что незаконно. Вы

ввели в заблуждение правосудие лживыми отговорками, уверениями, которые никогда не сможете доказать. Однако сегодня я пришел сам, чтобы потребовать возвращения девушки и разрушить ваши планы и хитроумные замыслы.

- Никаких хитроумных замыслов, господин Леонсио. Я открыто защищал и защищаю рабыню против злоупотреблений ее хозяина, который стремится стать палачом, вот и все.

- А... Теперь я понимаю, оказывается здесь кто-то хочет лишить хозяина его законной власти над рабыней под предлогом защиты несчастной невольницы. Каждый встречный имеет право рассуждать о том, как содержатся чужие рабы!

- Ваша милость расположены веселиться, так хочу вас заверить, у меня нет ни малейшего желания шутить, ни тем более служить поводом для ваших шуток. Признаюсь, я очень хотел бы освободить эту рабыню, для меня это означало бы добиться собственного счастья, и я приложу все усилия, чтобы моя мечта осуществилась... Я уже предлагал вам деньги, предлагаю их и сейчас. Я заплачу столько, сколько вы потребуете... За Изауру я готов отдать целое состояние. Только назовите цену...

- Нет таких денег, чтобы хватило для ее выкупа; предложи вы хоть все золото мира, и то будет мало. Поэтому что я не хочу ее продавать.

- Но это какая-то варварская, дикая блажь, извращение...

- Пусть это будет блажь, если вашей милости так угодно. А почему бы мне не иметь причуд, если исполнение их не нарушает ничьих прав?... Разве вы тоже не одержимы желанием завладеть Изаурой?.. Правда, ваша блажь нарушает мои права, а вот этого я уже терпеть не намерен.

- Однако моя прихоть, как вы это называете, служит благородным целям и милосердию; а ваша - деспотична, вернее, просто дикий произвол. Если ваша милость не освободите эту женщину, вы тем самым навеки запятнаете свою жизнь несмываемым позорным пятном. Вы не уважаете, оскверняете память вашей святой матери. С такой заботой воспитывала она Изауру, дала ей самое изысканное образование, чтобы девушка стала достойна свободы, которую старая дама предполагала дать ей, и уж совсем не думала она, что Изаура будет служить для удовлетворения развратных прихотей ее сына. Она, без сомнения, проклянет вас с небес, и весь мир вместе с ней прокля-

нет человека, удерживающего в позорном рабстве столь прекрасное, добродетельное и одаренное создание.

- Довольно, господин Алваро!.. Теперь я понял - по-вашему, каждая смазливая и способная рабыня имеет право на свободу. Так вот, учтите, ваша милость, если моя мать воспитывала Изауру не для удовлетворения моих прихотей, тем меньше она предназначала ее для удовлетворения ваших, ибо даже не ведала о вашем существовании. Господин Алваро, если вам понадобилась симпатичная рабыня на роль любовницы, поищите этот товар где-нибудь в другом месте, потому что об Изауре вы можете забыть навсегда.

- Господин Леонсио, ваша милость, видимо, забыли, где находитесь и с кем говорите. Быть может, вы полагаете, что беседуете с рабами или слугами у себя в поместье. Будьте любезны, перемените тон.

- Хватит, уважаемый Алваро, оставим пустые препирательства, я приехал не для того, чтобы выслушивать проповеди вашей милости. Я требую вернуть мне рабыню, и дело с концом. Не вынуждайте меня воспользоваться своим правом и применить силу.

Алваро совсем потерял голову от грубых и жестоких оскорблений, благоразумие и хладнокровие оставили его.

Он понимал только одно: для благополучного выхода из сложившего ужасного положения имелся только один путь - убить врага или умереть от его руки. Побуждаемый отчаянием и яростью, он вскочил с кресла, схватил Леонсио за воротник и сильно встряхнул его:

- Палач! - орал Алваро, срывающимся от гнева голосом. - Здесь твоя рабыня! Но прежде, чем взять ее, ты ответишь мне за оскорбления, слышишь?.. Или ты решил, я тоже твой раб?..

- Да вы сумасшедший! - испуганно отвечал Леонсио. - Законы нашей страны запрещают дуэли.

- Какое мне дело до законов!.. Для порядочного человека честь превыше закона, и если ты не трус, в чем я не уверен...

- На помощь! Убивают! - завопил Леонсио, вырываясь из рук Алваро и бросаясь к дверям.

- Мерзавец! - крикнул Алваро, он скрестил на груди руки и стиснул зубы от гнева, потом на лице его появилась презрительная улыбка.

Привлеченные шумом в гостиную с одной стороны вошли Мигел с Изаурой, с другой - судебный исполнитель и полицейские.

У Изауры был тонкий слух, и, еще находясь в своей комнате, она расслышала и поняла, что происходит в гостиной.

Она видела: все потеряно - и кинулась к любимому, чтобы предотвратить безрассудство, которое он готов был совершить.

- Я здесь, господин мой, - вот и все, что она произнесла, остановившись перед Леонсио со скрещенными на груди руками.

- Вот они, голубчики! Они самые! - воскликнул Леонсио, указывая на Изауру и Мигела. - Взять их!.. Взять их!

- Ничего, Изаура, иди, - приблизившись к рабыне, прошептал Алваро прерывающимся, слабым голосом. - Не отчаивайся, я не покину тебя. Уповай на Господа и верь в мою любовь.

Через час в доме Алваро появился Мартиньо. Гордый собой и собственной ловкостью, он явился, чтобы отчитаться, и, естественно, жаждал получить условленную сумму.

- Десять миллионов!.. Ого!.. - размышлял он по дороге. - Целое состояние! Теперь-то уж я заживу без забот. Прощайте, грязные скамьи Академии! Прощайте, засаленные книжки! Слишком долго я попусту тратил на вас время. Выкину все из окошка, мне вы больше ни к чему. Мое будущее ясно. Вскоре я стану богатым банкиром, командором, может, даже титул получу. Вот увидите тогда, чего я стою!..

Мысленно Мартиньо уже увеличивал сумму награды в сотни раз ростовщичеством и спекуляциями.

- Дорогой мой господин Алваро, скажу вам без долгих предисловий: все устроилось, как мы и задумали. Ваша милость можете спокойно жить с прелестной беглянкой, больше вас никто не потревожит. Ваше поведение в данном вопросе и правда было весьма красивым и достойным всяческих похвал, только такое благородное и доброе сердце, как ваше, способно на столь высокие поступки. Подумайте только, какая несправедливость! Нежная и одаренная девица - и на тебе - рабыня! Я тут написал письмишко ее хозяину, этому тупому султанчику. Сочинил я с полдюжины всяких штучек, он теперь окончательно запутается.

Продолжая рассказывать, Мартиньо достал письмо и собрался было прочесть его, когда Алваро нетерпеливо перебил его:

- Довольно, господин Мартиньо, - хмуро оборвал он, - дело уже сделано, в ваших услугах я больше не нуждаюсь.

- Сделано?!.. Каким образом?

- Рабыня находится у своего хозяина.

- У Леонсио?.. Да это невозможно!..

- Между тем, это чистая правда. Если желаете, можете зайти в полицию и убедиться лично.

- А мои десять миллионов?

- Думаю, мне теперь не за что давать их вам.

У Мартиньо вырвался вопль отчаяния. Он так поспешно вылетел из дома Алваро, что казалось, будто он скатился по лестнице, а не сошел с нее. Я не берусь описывать мрачное отчаяние, овладевшее этой несчастной жалкой душонкой, пусть читатель сам представит себе эту бездну.

Голодный пес, обманутый призрачной тенью, выпустил из зубов кусок мяса и, потеряв все, ничего не получил взамен.

Послушай, Роза, ну и порядок ты тут навела!.. До чего же легкомысленная девчонка! Руки не из того места растут. Сразу видно, ты не приспособлена для гостиной, твоё место на кухне.

- Вы только посмотрите, кто тут вздумал учить меня!.. Тебя-то кто звал сюда, зануда? Твоё место уж точно не здесь, а в конюшне. Вот и отправляйся туда командовать лошадьми. И не вмешивайся в чужие дела, голубчик Андре, не твоего ума дело.

- Да замолчи ты, дурочка, - отвечал Андре, передвигая кресла. - Только и знаешь что языком трепать. Разве здесь должны стоять эти кресла?.. А кувшины-то каковы... Даже зеркала еще не протерла!.. До чего же ты ленивая и безрукая!.. Вот когда Изаура в доме была, тут все просто сияло. Одно удовольствие было зайти в гостиную. А сейчас вон оно как. Ясно, не годишься ты для такой работы.

- Ладно, я хорошенько запомню твои слова, - ответила крайне разобиженная Роза. - Если ты так жалеешь о том времени, когда здесь была Изаура, пойдика вытащи ее из тюрьмы, из темного подвала, где ее держат. Уверена, ей не очень-то по вкусу это жилище, не придется украшать его цветочками.

- Заткнись, Роза. Как бы тебе самой там не очутиться.

- Мне-то это не грозит, я не собираюсь бегать от хозяина.

- Уж конечно, вряд ли найдется храбрец, который свяжется с тобой, разве что сам дьявол. Бедная Изаура! Такая красивая и нежная девушка, а обращаются с ней, будто с кухонной прислугой. Неужели тебе не жаль ее, Роза?

- А за что ее жалеть-то?.. Кто ей велел от хозяина бегать?

- Знаешь, Роза, я готов взять на себя половину ее теперешних мучений, только б она сама, понятно, рядом была.

- Так это легко устроить, Андре. Сбегай проветришь в Пернамбуко, и, обещаю тебе, сразу угодишь в компанию к Изауре.

- О, если бы!.. Будь я уверен, что меня запрут вместе с ней, мигом убежал бы. Беда в том, что бедняжка Изаура скоро навсегда покинет нас. Вот это будет потеря так потеря!

- Как это покинет?

- Увидишь.

- Продадут, что ли?

- Какой там продадут!..

- Может отдадут кому?

- Да нет.

- Освободят?

- Что за любопытство!.. Подожди, Роза, немного терпенья, и, может, даже сегодня ты все узнаешь.

- Морочишь только голову своими тайнами... Почему это тебе известно то, что другие не знают?..

- Никаких тайн, Роза, просто я кое-что подозреваю. У нас в доме скоро будет большая новость, вот увидишь.

- Ах-ах! - насмешливо отвечала Роза. - Да у тебя все новости на роже написаны.

- Тшш!.. Заткнись, Роза! Хозяин идет.

Из приведенного разговора читатель, верно, уже понял, что мы снова в поместье Леонсио, в округе Кампус, в той же самой гостиной, где в начале нашей истории сидела Изаура, напевая свою любимую песню.

Прошло около двух месяцев с тех пор, как Леонсио явился в Ресифе за своей рабыней. Леонсио и Малвина помирились и накануне приехали в поместье из столицы. Несколько рабов, среди них Роза и Андре, моют полы, стирают пыль, приводят в порядок мебель в роскошной гостиной, ставшей безучастной свидетельницей всех тайных событий в семье, всех трогательных и милых, постыдных и жестоких сцен. В отсутствие Малвины гостиная всегда была заперта.

Как же сложилась судьба Изауры и Мигела, после отъезда из Пернамбуко? Что сделал или собирается сделать Леонсио со строптивой беглянкой?... Каким образом помирился он с женой?

Прежде, чем продолжить дальше наш рассказ, мы обо всем поведаем читателю.

Доставив Изауру в поместье, Леонсио держал ее в самом строгом и полном заключении. Причем не только для того, чтобы наказать несчастную девушку или насытить свою жажду мести. Леонсио прекрасно понимал, что пылкая и страстная любовь молодого пернамбуканца к Изауре способна вдохновить его на любые крайности, слышал он и последние слова Алваро, обращенные к Изауре: "Уповай на Господа и верь в мою любовь, я никогда не покину тебя". Для Леонсио эти слова звучали угрозой: Алваро был богат и отважен, у него вполне достанет средств осуществить свои обещания либо силой, либо хитростью и лукавством. Поэтому Леонсио не просто посадил свою драгоценную рабыню под замок, но и вооружил всех своих рабов. Теперь они почти не занимались обработкой земли, а день и ночь стояли на страже, как солдаты, охраняющие крепость.

Но хищная душа молодого рабовладельца, опаленная безумной любовью к невольнице, не могла отказаться от роковой страсти, Леонсио все еще не терял надежды подавить стойкое и самоотверженное сопротивление девушки.

Теперь его увлекала не столько любовь или чувственность, нет, теперь это была деспотическая причуда, бешенство и дьявольское желание восторжествовать над Изаурой и своим удачливым соперником. Он хотел обладать ею хотя бы один день, а потом, оскверненную и опозоренную, презрительно вручить ненавистному врагу: "Можете выкупить свою возлюбленную, сейчас я готов продать ее, и притом весьма дешево".

Поэтому он снова приступил к ней с обещаниями, соблазнительными посулами и мольбами, чередуя их с угрозами, запугиваниями и тиранством. Правда, Леонсио не осмеливался применить пытки и грубое насилие, но вовсе не потому, что он не осмеливался на жестокости, просто он хорошо знал героическую стойкость целомудренной девушки и понимал: физические мучения могут убить Изауру, ну а ее смерть не могла удовлетворить ни его чувственность, ни тем более месть. И вот Леонсио упорно ломал себе голову над тем, как бы сломить и растоптать то, что он называл гордостью рабыни, и одновременно окончательно расстроить благородные намерения Алваро и унижить его самого. Лишь тогда Леонсио был бы удовлетворен: он в полной мере отомстил обоим.

Помимо всего прочего, он сознавал, что совершенно необходимо помириться с Малвиной. К жене его толкало отнюдь не чувство чести, не нравственность и, уж конечно, не супружеская привязанность: у Леонсио имелись

свои соображения на сей счет, и читатель вскоре узнает о них. Итак, Леонсио отправился в столицу, чтобы помириться с Малвиной.

Из всех своих многочисленных дурных свойств и способов осуществления черных замыслов особенно ловко Леонсио управлялся с клеветой, обманом и жульничеством, тут ему позавидовал бы самый проницательный лицемер. Он изощренно изображал, как стыдится и переживает из-за своего недостойного поведения и жестокого обращения с женой, клялся, что в будущем загладит даже воспоминания о прошлых мерзостях. С ангельской искренностью и невинностью он признался, что ненадолго пленился чарами Изауры, но ведь это было всего лишь мимолетное увлечение, не оставившее в его душе ни малейшего следа.

Кроме того, он приписывал бедной Изауре тысячи коварных замыслов и уловок. Он уверял, что искусная кокетка Изаура употребила самые утонченные хитрости, дабы привлечь его внимание и соблазнить, стремясь в обмен на свои ласки получить свободу. Чего только ни придумывал Леонсио и, наконец, добился своего: заставил Малвину поверить, что Изаура бежала из дома, обольщенная неким поклонником галисийцем, который давно уже волочился за ней втайне от всех, естественно. Именно этот человек якобы и снабдил отца Изауры деньгами, необходимыми для ее освобождения, а когда это не удалось, они вместе задумали и осуществили похищение девушки. Когда беглецы прибыли в Ресифе, один молодой человек, столь же богатый, сколь экстравагантный и легкомысленный, по уши влюбился в рабыню и поверил, будто он ее первый любовник, а Изаура, которая благодаря своим талантам и дарованиям вполне могла сойти за свободную женщину, настолько очаровала и привязала к себе юношу, что тот готов был жениться на ней и, даже узнав, что она беглая рабыня, не хотел возвращать ее, творил невероятные сумасбродства и нелепости, способен был на любые глупости, лишь бы освободить Изауру. Именно из рук этого человека он, Леонсио, и вырвал девушку, когда отправился вслед за беглецами в Ресифе.

Малвина, наивная и простодушная, всегда склонная к ласке и прощению, сразу же полностью поверила всем выдумкам Леонсио, а тот не просто хотел оправдать свои прошлые грехи, но и заручиться ее поддержкой на будущее, теперь в глазах Малвины самое жестокое обращение с Изаурой было оправданно.

Оскорбленная неверностью мужа, Малвина рассердилась на Изауру, когда застала Леонсио, обращавшегося к

рабыне с любовными заверениями, но гнев ее мало-помалу стихал и исчез бы бесследно, если б Леонсио не явился с лживыми и вероломными рассказами о якобы постыдном поведении девушки. Теперь Малвина испытывала даже не ненависть к Изауре, а нечто вроде отстраненного презрения, смешанного с сожалением; так она отнеслась бы к любой рабыне, отважившейся на дурные поступки.

А Леонсио только того и надо было, чтобы Малвина поддержала его намерение наказать рабыню и отомстить за ослушание несчастной девушке и ее возлюбленному. Он хорошо понимал, что Малвина с ее нежным и сострадающим сердцем никогда не согласится на жестокую расправу, однако то, что он задумал, по видимости не казалось диким, хотя нельзя было придумать более унижительной и мучительной кары для сердца женщины, которая осознает свою красоту, благородство и высоту души.

- Так что же ты собираешься делать с Изаурой? - спросила Малвина.

- Выдать замуж и дать вольную.

- А ты уже нашел ей мужа?

- Разве это так сложно?... Мужа можно найти не выходя из дома.

- Какой-нибудь раб, Леонсио? О... только не это.

- А что тут такого, если я сразу же освобожу обоих? И потом, пусть знает свое место. Помнится мне, Андре глаз с нее не сводил, но не хочется мне отдавать ее этому плуту. Для Изауры есть у меня жених получше.

- Кто же он, Леонсио?

- Да кто же, как не Белхиор!

- Белхиор! - расхохоталась Малвина. - Ты шутишь. А серьезно, кто он?..

- Я же говорю, Белхиор, моя госпожа.

- Неужели ты думаешь, что Изаура захочет выйти за такого уroda?

- Не захочет - тем хуже для нее. Придется ей тогда распрощаться со свободой, и остаток дней своих она проведет в колодках и в затворничестве.

- О! Это слишком жестоко, Леонсио. Зачем же тогда ей свобода, если ты не позволяешь девушке выбрать себе мужа по вкусу?.. Леонсио, освободи ее, и пусть она выходит за кого пожелает.

- Она ни за кого не пожелает, а напрямик отправится в Пернамбуко, там быстренько снова спутается со своим наглым франтиком и в его объятиях будет потешаться надо мной...

- А какое тебе до них дело, Леонсио? - спросила Малвина с некоторым сомнением в голосе.

- Какое дело! - воскликнул Леонсио, слегка обеспокоенный настойчивостью жены. - Вот тебе и раз!.. Да это все равно, что спросить, есть ли у меня чувство чести! Ты бы только слышала, как этот болван пытался меня раздражить, какие страшные оскорбления он мне нанес!.. Как нарывался на скандал, грозил и запугивал, обещал во что бы то ни стало вырвать Изауру из моих рук... Если б не ты и не заветы моей матери, я никогда бы не освободил эту рабыню. Пусть даже она ничего не делает в доме и ведет себя как принцесса, лишь бы сбить спесь с того наглеца и наказать его за дерзость и заносчивость.

- Хорошо, Леонсио, но, думаю, Изаура скорее даст себя съечь живьем, чем пойдет за Белхиора.

- Не заботься об этом, дорогая. Полагаю, нам удастся убедить ее по-хорошему. Есть у меня одна задумка, надеюсь, Изаура согласится выйти за Белхиора по доброй воле.

- Если она согласится, не вижу, почему я должна возражать.

Леонсио и в самом деле тщательно обдумал свой жестокий замысел. Мигел был доставлен вместе с Изаурой под стражей из Ресифе в Кампус, где Леонсио посадил его в тюрьму и потребовал возместить все затраты и оплатить убытки, которые он, Леонсио, потерпел в связи с побегом Изауры. Все это выливалось в огромную сумму. Таким образом бедняга лишился всех своих средств да еще оставался должен немалые деньги, заплатить которые смог бы лишь после долгих лет тяжелого труда. Леонсио был богат, дружен с министрами, подъезжался большим влиянием в округе, поэтому местные власти охотно смотрели сквозь пальцы на притеснения, им чинимые.

И вот, отчаявшись преодолеть силой стойкое противодействие Изауры, Леонсио изменил свой план мести и лично отправился к Мигелу.

- Господин Мигел, - начал он с оскорбленным видом, - несмотря на многочисленные неприятности, убытки, которые вы с Изаурой мне доставили, я, тем не менее, сочувствую вам и собираюсь предложить верный способ раз и навсегда покончить с волнениями, беспорядками и неурядицами, которые ваша дочь внесла в мой дом, нарушив семейный мир и покой.

- Я готов принять любые ваши условия, господин Леонсио, - уважительно отвечал Мигел, - лишь бы они были справедливы и благородны.

- Более справедливые и честные трудно придумать. Я хочу выдать вашу дочь замуж за достойного человека и дать ей вольную, но для этого требуется и ваше содействие.

- Так говорите, чем я могу вам служить.

- Я знаю, из-за своего глупого и сумасбродного увлечения наглым щеголем из Пернамбуко, задурившим ей голову и внушившим безрассудные надежды и безумные мечтания, Изаура испытывает некоторую неприязнь к человеку, которого я предназначил ей в мужья.

- Я полагаю, ей стоит вспоминать об этом юноше разве что с благодарностью.

- Какая там благодарность!.. Неужели вы думаете, он придает большое значение своему приключению?.. Да для него она сейчас значит не больше, чем старый башмак. Просто причуда легкомысленного юнца, так... фантазия богатого аристократишки, а вот вам и доказательство моей правоты. Прочтите это письмо. Мерзавец осмелился совершенно бесцеремонно писать мне, будто между нами ничего не произошло, да и пишет, наглец, так, словно мы старые приятели, сообщает о своей женитьбе!.. Как вам нравится?.. И какое мне дело до его женитьбы!.. Но и это не все, он пользуется случаем совершенно бесстыдно попросить меня, если я когда-нибудь решу отделаться от Изауры, не делать этого, не поставив в известность его, потому, видите ли, что он бы с удовольствием приобрел ее в качестве горничной для жены! Представляете, до чего доходят его наглость и цинизм!..

- Не может быть, господин Леонсио!.. Это так не похоже на господина Алваро, что верится с трудом!..

- Так убедитесь собственными глазами; читайте, вы узнаете почерк?..

Леонсио протянул Мигелу письмо, почерк в точности напоминал руку Алваро.

- Сомнений нет, почерк его, - раздумчиво произнес Мигел, прочитав письмо. - Оказывается, мир так подл, что верится с трудом.

- Жестокий урок, но пренебрегать им нельзя, не правда ли, господин Мигел? Ну ладно, сохраните это письмо и покажите его дочери. Надо, чтобы она знала правду и больше не рассчитывала на низкого человека. Пусть навсегда развеются глупые фантазии, помутившие ее разум. И сделайте, пожалуйста, все возможное, чтобы расположить вашу дочь в пользу предлагаемого мной замужества, оно имеет много преимуществ, и я не только прощу вам все, что вы мне должны, но и возвращу те

деньги, которые вы уже мне дали, тогда вы сможете открыть свое дело в Кампусе и спокойно прожить остаток дней своих вместе с дочерью и зятем.

- Но кто же этот зять? Ваша милость так и не назвали его.

- Да, правда... Я и забыл. Это Белхиор, мой садовник, вы его видели?..

- О да! И не раз... Но, господин Леонсио!.. Какому жалкому человеку вы хотите отдать мою дочь!.. Бедная Изаура! Сомневаюсь, захочет ли она...

- Какое значение имеет внешность, если у него добрая душа, кроме того, человек он честный и работающий...

- Все это правда, только бы она согласилась.

- Я уверен, вы сумеете ее убедить и склонить к правильному решению.

- Сделаю все возможное, но надежды мало.

- А если она все-таки будет упорствовать, тем хуже для нее и для вас. Тогда мы будем считать, что никакого разговора не было, и все останется по-прежнему, - твердо сказал Леонсио.

Мягкий по натуре человек, Мигел не умел противостоять несчастьям. Рабство и вечное заточение дочери, нищета, угрожавшая ему вместе с тысячами других бедствий, - все это представлялось ему в виде отвратительных призраков, разглядеть которые мешали смертельный ужас и глубокая подавленность. И цена, которую бесчеловечный хозяин назначил, дабы избавить его, Мигела, от нищеты, а дочь от рабства, не казалась ему столь уж непомерной и обременительной, поэтому он принял предложение Леонсио.

Пока Роза и Андре, обмениваясь колкостями, приводили в порядок мебель в гостиной, в темном помещении в жилище рабов происходило нечто весьма печальное и прискорбное. Здесь вот уже два месяца провела в заточении Изаура. Она сидела на грубой деревянной колоде, а одна из ее белоснежных точеных лодыжек окольцована цепью, другой конец которой вмурован в стену.

Сюда по приказу Леонсио привели Мигела, чтобы он посвятил дочь в замыслы хозяина и уговорил ее принять предложенную сделку. Отчаянную и скорбную картину представляют собой эти двое несчастных: бледные, изурнанные и раздавленные свалившимся на них несчастьем создания, заключенные в мрачном и тесном помещении. Когда они встретились после двухмесячной разлуки, как никогда угнетенные и согнувшиеся под бременем обрушившего на них злосчастья, вместо слов у них нашлись только горькие слезы и стоны несказанной тоски; долго простояли они обнявшись, припав друг к другу.

- Да, милая моя дочурка, придется тебе согласиться на тяжкую жертву. Горько, но приходится признать, нам остался только этот выход. Лишь одно может раскрыть двери тюрьмы, где вот уже два месяца тебя держат. Конечно, для твоего сердечка жестокое будет испытание, но ведь все-таки лучше, чем беспросветное рабство, ведь оно погубит тебя.

- И правда, отец, мой палач предложил мне выбрать одно из двух зол, только не знаю, какое более ненавистно и непереносимо. Говорят, я красива, образованна, как богатая наследница, мне внушили высокое мнение о себе. Целомудрие, чувство собственного достоинства стали неотъемлемой частью моей души. Хоть я и рабыня, а многие знатные красавицы кусали губы от зависти при виде меня. Я обладаю несравненными достоинствами и тела, и духа. Господи, для чего же это все?! Чтобы стать заба-

вой для жалкого идиота!.. Трудно придумать более жестокую и оскорбительную насмешку судьбы!..

Отчаянный сдавленный смешок вырвался из побледневших губ Изауры и глухим эхом отразился от стен ее мрачного приюта, будто резкий крик совы среди могильников.

- Все не так уж плохо, как представляется тебе после тяжких страданий. Время многое сглаживает, терпение и покорность помогут приспособиться, приладиться к новой жизни, и она покажется гораздо более легкой, чем тот мучительный ад, в котором тебя держат сейчас. Наступят и для нас пусть не очень счастливые, зато спокойные и безмятежные дни.

- Для меня, отец, покой настанет только в могиле. Мне предоставили на выбор всего две казни, две муки. Но есть еще одно утешение, и улыбка его сияет мне как последнее прибежище, которое Господь приберегает для несчастных, чьим горестям нет предела и избавления.

- Ты, конечно, говоришь о покорности судьбе, верно, дочка?..

- О, отец, когда смирение невозможно, остается только смерть...

- Замолчи, доченька!.. Это богохульство, оставь свои безумные помыслы. Я хочу, я требую, чтобы ты жила. Ты нужна мне. Неужели ты будешь так жестока и оставишь старика-отца одного в этом мире, беспомощного нищего? Если тебя не будет, что станется со мной среди всех обрушившихся на нас бедствий?..

- Простите меня, дорогой, любимый мой отец! Клянусь, я вспомню о смерти только в одном-единственном случае. Я знаю, я должна жить для вас, отец, и я хочу этого; но разве так нужно мне выходить за уroda?.. О, это слишком злая насмешка, слишком тяжкое оскорбление. Пусть обрушатся на меня все тяготы жесточайшего рабства, пусть отправят работать на плантацию с мотыгой в руках, босой, в рубище, пусть порют, пусть обращаются со мной как с самыми жалкими из рабынь, только ради Бога, будьте милосердны, избавьте меня от этой постыдной жертвы!..

- Белхиор не так уж уродлив, как тебе кажется: со временем ты обвыкнешься, притерпишься и забудешь про его внешность. А потом, ты ведь давно не видала его, а с возрастом он становится лучше, ведь он совсем еще молод. Ты теперь даже не узнаешь его, когда увидишь. Он вовсе не так груб и неприятен, как раньше, да и обтелся малость. Смелей, дочка, соберись с духом. Когда,

наконец, ты выйдешь из этой тюрьмы, воздух свободы вернет тебе радость и покой, и ты сможешь жизнь прожить счастливо даже с тем мужем, которого тебе навязали...

- Счастливо! - воскликнула Изаура с горькой усмешкой. - Не говорите мне о счастье, отец. Если бы хоть мое сердце было свободно, как раньше... Если б я никого не любила... О!.. Ведь мне даже не надо было, чтобы он любил меня, нет, мне хватило бы, если б он только пожелал сделать меня своей рабыней... Этот благородный человек, добрый, как ангел, напрасно тратил свои силы, ему не удалось вытащить меня из пропасти. Стань я его рабыней, я была бы во сто крат счастливее, чем замужем за тем несчастным, которого мне сватает хозяин! Но увь! Разве я смею сейчас думать о нем? Помнит ли знатный и богатый юноша о бедной горемычной рабыне?..

- Да, доченька, не думай больше о том человеке, выкинь из головы свою безумную любовь, я не просто советую тебе, я прошу тебя об этом.

- Но почему, отец?.. Как смею я быть неблагодарной?

- Ты не должна больше надеяться на него и тем более на его любовь.

- Почему? Неужели ты думаешь, он и правда забыл обо мне?..

- Твое низкое происхождение не позволяет тебе с любовью смотреть на знатных молодых людей, между вами пропасть. Его любовь была всего лишь мимолетной прихотью, блажью чудаковатого богача. Мне тяжело говорить тебе об этом, Изаура, но от правды никуда не денешься.

- О, отец! Что же ты говоришь!.. Знал бы ты, какую боль причиняют мне страшные твои слова!.. Оставь мне хоть в утешение веру в его любовь, постоянную, неизменную. Да и зачем ему было обманывать бедную рабыню?

- Я очень хотел избавить тебя от лишних страданий, но, видно, придется открыть тебе все. Этот юноша... Ах, девочка моя, приготовься к жестокому удару.

- Что с ним?.. - Изаура дрожала от волнения. - Говорите, отец, быть может, он умер?..

- Нет, дочка, но... он женился.

- Женился!.. Алваро женился!.. О, это невозможно!.. Кто вам сказал отец?..

- Он сам и сказал, Изаура. Прочти вот письмо.

Дрожащей рукой Изаура неуверенно взяла присьмо и растерянно пробежала его глазами. Прочтя все, она не

издала ни стопа, ни одной жалобы не вырвалось из ее губ, ни одна слеза не скатилась по щеке. Бледная, как мертвец, с остановившимся взглядом, полуоткрытым ртом, немая, неподвижная, напряженная - так стояла она довольно долго, напоминая жену Лота, обратившуюся в соляной столб при виде пламени, объявшего проклятый город. Наконец, быстрым судорожным движением бросилась отцу на грудь и расплакалась, проливая обильные потоки слез. Рыдания, казалось, немного облегчили ее бремя, она подняла голову, вытерла лицо и, похоже, успокоилась, однако спокойствие ее было оцепенелым, зловещим спокойствием могилы. Душа ее будто умерла, раздавленная ошеломительной силой ударом. От Изауры остался лишь призрак.

- Я мертва, отец... Я просто труп... Делайте со мной, что хотите.

Это были последние слова, которые произнесла она приглушенным погребальным голосом в своем мрачном заточении.

- Пойдем, доченька, - отвечал Мигел, целуя ее в лоб. - Не надо так предаваться отчаянию. Я надеюсь, ты будешь жить и еще узнаешь счастье.

Мигел, человек робкий и застенчивый, с доброй и чувствительной душой, был совершенно чужд большим страстям и глубоким сердечным переживаниям, он не осознавал всей тяжести жертвы, на которую обрекал дочь. Счастье он понимал как довольство и покой, не умея ценить наслаждения и радости, порожденные влечением сердца. Поэтому он осмеливался искренне мечтать о более счастливой и спокойной жизни для дочки и не видел, что, вынуждая ее согласиться на унижительный брак, примириться с позором, убивал ее живую любящую душу. Отец хотел, чтобы дочка осталась жива, и не замечал главного: постыдный брак, заключенный после стольких жестоких испытаний, через которые довелось пройти юной невольнице, был для нее тем "ударом милосердия", что, обрывая мучительное существование, прекращает страдания человека.

Малвина в гостиную ожидала, чем закончится беседа Мигела с дочерью. Роза и Андре стояли, сложив руки, у входа, готовые исполнить любые приказания вновь обретенной хозяйки.

Малвина почувствовала, как болезненно сжалось ее сердце при виде Изауры, показавшейся в дверях. Девушка едва передвигалась, опираясь на руку отца, она была мертвенно бледна, черты лица искажены, как у умираю-

щей, волосы рассыпались в беспорядке. Будто выходец с того света, неверными шагами вошла она в гостиную, которая в недалеком прошлом видела ее ослепительно прекрасной и юной, в ту самую гостиную, где, казалось, еще звучали последние отзвуки ее мягкого мелодичного голоса.

Но даже униженная и раздавленная удивительно хороша была несчастная рабыня. Благодаря худобе резче проступили черты лица, изящные линии скул, яснее обозначилась идеальная чистота и суровая твердость непостижимой и вечно юной красоты.

Большие темные глаза, озаренные матовым светом печали, мерцали, будто огромные погребальные свечи под мрачными сводами склепа. Густые пряди волос, распущенные по плечам, создавали странное впечатление: будто ветви плюща затевают старинный мрамор статуи, побледневший от времени. В несчастье своем Изаура представлялась дивной моделью для скульптора, ваяющего античную Ниобею.

- И это Изаура!.. О, Господи! Бедняжка! - вздохнула Малвина при виде бывшей своей горничной и быстро стерла две слезинки, увлажнившие ее ресницы. Она уже готова была идти к мужу и молить его смягчить участь несчастной девушки, но тут ей на память пришли лживые и красноречивые рассказы Леонсио о якобы дурных наклонностях Изауры, о ее скверном поведении, и Малвина твердо решила вооружиться безразличием, насколько это было для нее возможно.

- Итак, Изаура, - мягко спросила Малвина, - ты уже приняла решение?.. Ты согласна выйти за того человека, которого мы для тебя выбрали?

Вместо ответа Изаура лишь склонила голову, не отрывая глаз от пола.

- Да, госпожа, - ответил вместо дочери Мигел. - Изаура решила покориться воле вашей милости.

- Она правильно поступила. Нельзя допустить, чтобы Изаура долее терпела столь жестокое обращение, я никогда не согласилась бы на это, будь я здесь. Покойная хозяйка вовсе не для того с такой нежностью и лаской воспитывала ее, помогала получить хорошее образование. Изаура, несмотря на твой проступок, я все еще люблю тебя и никогда бы не допустила столь сурового обхождения. А теперь мы сразу дадим тебе и свободу, и превосходного мужа.

- Превосходного!.. Бог мой, какая насмешка!.. - подумала Изаура.

- Белхиор очень хороший юноша, миролюбивый, спокойный и трудолюбивый. Я думаю, вы прекрасно поладите. Кроме того, ради свободы никакая жертва не тяжела, верно, Изаура?

- Без сомнения, госпожа: если вам угодно, я покорно приму предназначенную мне судьбу. "Вытащили меня из тюрьмы, - мысленно продолжала Изаура, - чтобы отправить на казнь".

- Очень хорошо, Изаура. Это доказывает, что ты послушная и благоразумная девушка. Андре, позови сюда господина Белхиора. Я сама хочу объявить ему, что, наконец, исполняется его многолетняя заветная мечта. Надеюсь, господину Мигелу тоже по душе, как мы устроили его дочь. Все-таки обрести свободу и выйти замуж за свободного белого человека - это уже немало. По крайней мере лучше, чем быть беглой рабыней и вечно скрываться от преследований, скитаясь по всему миру. Изаура, я желаю тебе только добра, поэтому я сама хочу быть посаженной матерью на твоей свадьбе. Замужество положит конец твоим страданиям и восстановит мир и согласие в нашем доме, который так долго был их лишен.

Произнеся такие слова, Малвина открыла шкатулку с украшениями, стоявшую на столе, и достала оттуда дорогое золотое ожерелье, которое и надела на шею Изауре.

- Прими его, Изаура, - сказала Малвина. - Это мой свадебный подарок.

- Благодарю вас, добрая моя госпожа, - отвечала Изаура, а про себя добавила: "Петля, которую палач накидывает на шею обреченной жертвы".

В это время в гостиную сопровождаемый Андре вошел Белхиор.

- Я здесь, госпожа, - произнес он. - Что угодно вам от ничтожнейшего из слуг своих?

- Поздравить вас, господин Белхиор, - отвечала Малвина.

- Поздравить?.. Но я даже не знаю с чем!..

- Так я вам скажу. Знайте же, Изаура скоро станет свободной и... догадайтесь-ка сами!..

- И конечно же сразу покинет этот дом... О! Какое горе!..

- Я вижу, вы плохо умеете разгадывать загадки. Изаура решила выйти за вас замуж.

- Да что вы, хозяйка!.. Простите, но я не могу поверить. Ваша милость смеетесь надо мной.

- Я говорю правду. Вот она сама, и она не даст мне солгать. Приготовьтесь, господин Белхиор. И не далее как завтра мы сыграем свадьбу, прямо здесь, в поместье.

- О, Госпожа моя, *жемное* воплощение божества! - воскликнул Белхиор, кидаясь к ногам Малвины и стараясь поцеловать их. - Позвольте мне коснуться поцелуем ваших ног...

- Встаньте, господин Белхиор. Вам следует благодарить не меня, а Изауру.

Белхиор вскочил и тут же пал ниц перед невестой.

- О *принсеса* моего сердца! - восклицал он, припадая к ногам несчастной рабыни, а она была так слаба, что пошатнулась от столь пылкого и восторженного порыва. Можно было бы лопнуть от смеха, если б только не знать, сколько боли и горя скрывается за этой нечестивой и гнусной шуткой.

- Изаура!.. Ты даже не взглянешь на меня? У ног твоих смиренный раб Белхиор!.. Посмотри на него, на верного обожателя твоей красоты. Сегодня я счастливее всех *принсев*!.. Пожалуй мне рученьку, дозвожь покрыть ее поцелуями...

- Господи, какую же омерзительную роль вынуждают меня играть, - подумала Изаура, отворачиваясь и протягивая Белхиору руку. Он прильнул к ней губами и вдруг, как ребенок, разразился рыданиями.

- Посмотри-ка на этого болвана! - шепнул Розе Андре, со стороны наблюдавший эту трагикомичную сцену. - А еще говорят, что мед не для ослиной пасти!

- Я скорее предпочла бы, чтобы меня выдали за обезьяну.

- Наш молодой хозяин придумал дьявольскую штучку. Кому еще пришло бы в голову обвенчать сирену с крокодилом.

- Завистник!.. Ты сам не прочь стать тем крокодиллом, остался с носом, вот и злишься. Да что там!.. Славно придумано.. Не хватало только, чтобы хозяин дал Изауре в приданое тебя.

- Я бы не отказался!.. Держу пари, Изаура не по доброй воле согласилась на эту свадьбу!.. Ну а уж потом... мы бы как-нибудь устроились... Крокодила можно бы и в дугу согнуть.

- Да пошел ты, дурак!.. Думаешь, очень ты нужен Изауре?..

- Не задирай нос, Розочка, теперь мне ничего не осталось, кроме как удовольствоваться тобой. В конце кон-

цов, ты у нас премиленькая девочка и... все, что попадается на крючок, будем считать рыбкой.

- Ишь, разбежался!.. Поднимай-ка свой якорь да отправляйся за утешением к кому угодно, только не ко мне.

Итак, Леонсио, - спросила мужа Малвина на следующий день утром, - ты все приготовил для сегодняшнего события?

- Кажется, ты спрашиваешь об этом уже в сотый раз, Малвина, - улыбнулся в ответ Леонсио. - Однако я и в сотый раз отвечу тебе, что все необходимые распоряжения сделаны. Еще вчера я послал в Кампус слугу. Надеюсь, нотариус придет вовремя, чтобы торжественно оформить вольную Изауры, а вместе с ним ждем и священника, который обвенчает молодых. Видишь, я ничего не забыл. Надо только позаботиться, чтобы приготовить все здесь, а ты вели украсить церковь для предстоящего обряда. Похоже, эту свадьбу ты ждешь с большим нетерпением, - добавил он с улыбкой, - чем ждала свою собственную.

Малвина покинула гостиную, оставив Леонсио наедине с третьим персонажем, находившимся тут же, читатель еще не знаком с этим человеком по имени Жорже. Сказать, что он был дармоедом, значило еще ничего не сказать о нем.

Ведь этот тип людей имеет множество разновидностей, и каждому присущ свой цвет и особый нрав. Жорже был видный мужчина, остроумный собеседник, услужливый, очень любезный и приветливый - для опытного дармоеда качества незаменимые. Как ласковый теленок, Жорже никогда не сосал одну матку, он переходил от одного покровителя к другому, путешествуя порой на весьма отдаленные расстояния. С его стороны расчет был точен: смена впечатлений обеспечивала ему более интересную и разнообразную жизнь, да и для многочисленных его друзей недолгое гостевание Жорже не оказывалось столь обременительным и докучным. Он хорошо знал и поддерживал приятельские отношения с владельцами поместий, расположенных по всему побережью Параиба, от Сан-Жоанда-Барра до Сан-Фиделис. Если верить Жорже, у него

всегда хлопот полон рот, вечно он занят тысячами важнейших дел, но с легкостью готов был забыть обо всем, едва кто-то из друзей приглашал его провести вместе пару недель.

После разрыва с Малвиной Леонсио остался в одиночестве, и общество Жорже тут оказалось весьма кстати. Он мог составить компанию не только за обеденным, но и за игорным столом, не прочь был поохотиться, развлекал хозяина веселыми и скабрзными анекдотами, приветствовал его сумасбродства и чудачества, потворствовал дурным наклонностям. Леонсио считал Жорже близким другом и сделал его своим наперсником, посвящая в самые затаенные мысли, темные замыслы, во все семейные дела и секреты. Чтобы лучше разобраться в тайне жестоких и подлых интриг Леонсио, его дьявольских козней, осмелимся подслушать разговор двух совершенно достойных друг друга негодяев.

- Жорже, вот наконец мне удалось найти весьма искусный и верный способ преодолеть все препятствия. Теперь можно надеяться, что все пойдет отлично.

- Это уж будь уверен, я даже заранее поздравляю тебя с успехом и рукоплещу блестящему завершению твоих хитроумных замыслов.

- Слушай, я хочу рассказать поподробней, чтоб тебе все стало совершенно ясно. Изаура выходит замуж, следовательно, моя жена будет полностью удовлетворена. Да, замуж-то девчонка выходит, а из-под моей власти ей все равно никуда не деться. Отец-то ее от меня еще ой как зависит - в любой момент к суду привлечь могу, ну и муженька будущего, идиота-садовника, далеко от себя не отпущу, придумаю какую-нибудь штуку. А потом... Ты же знаешь, время да упорство самых диких зверей обламывают. Наглая рабыня сполна заплатит за свой дерзкий бунт. Мне пришлось решиться на этот шаг, жена заупрямилась, ни в какую не хотела мириться, пока Изаура оставалась моей рабыней. Конечно, меня мало волнуют женские капризы, да только вот... Знаешь, это строго между нами, ведь я тебе доверяю.

- Да говори, не бойся. Твои секреты уйдут со мной на тот свет. Можешь быть уверен, когда речь идет о секретах моих друзей, я - могила.

- Прекрасно. Надо тебе признаться, меня мало волнует плохое настроение, надутые губы и прочие выкрутасы жены, но дела мои сейчас совершенно расстроены. В результате дурного стечения обстоятельств - сейчас я не буду тебе рассказывать подробности - мое состояние под уг-

розой такого страшного удара, после которого я вряд ли смогу оправиться без посторонней помощи. Единственный человек, способный помочь мне, - мой тесть, лишь его деньги или кредит могут спасти меня от разорения.

- Ты и правда поступаешь осторожно и благоразумно. О, твой тесть!.. Я хорошо его знаю, у него приличное состояние, да и дело процветает, одно из лучших в Рио. Твой тесть не оставит тебя в беде. Он очень любит дочь и не захочет, чтобы ее муж разорился.

- Я-то уверен в этом. Но я еще не все рассказал тебе, Жорже. Мой соперник, некий господин Алваро, который так возжаждал мою Изауру, что не побоялся соблазнить ее, дать ей прибежище в Ресифе и публично, самым скандальным образом защищать беглую рабыню, так вот, этот забавный борец за свободу чужих рабов, который осмелился оспаривать у меня Изауру, теперь навсегда может забыть про свои вздорные притязания. Видишь, Жорже, сколько выгод и преимуществ таится в такой простой вещи, как замужство рабыни.

- Здорово придумано, Леонсио! - восторженно откликнулся Жорже. - Какая тонкая интрига! Ну и горазд же ты на всякие хитроумные выдумки! Если б ты занялся политикой, ей-богу, сразу выдвинулся бы в первые ряды, стал бы выдающимся государственным деятелем. Этот современный Дон Кихот, который так усердно сражается за свободу чужих рабынь, в особенности когда они весьма смазливы, будет теперь биться с ветряными мельницами, ничего другого ему не останется. Хорошо же мы посмеемся над ним, если ему взбрдет в голову продолжить свои шутовские подвиги! То-то разочаруется бедняга!

- Думаю, он больше не полезет в это дело, но уж если зайвится сюда, мы великолепно посмеемся над дураком.

- Господин, - обратился к хозяину Андре, появляясь в гостиной, - там во дворе несколько человек, они просят разрешения спешиться и войти в дом.

- А, знаю-знаю, - отвечал Леонсио, - это они, те, кого я приказал позвать: священник, нотариус и другие... Прекрасно! Теперь все в сборе. Они приехали скорее, чем я ожидал. Попроси их спешиться и пригласи в дом, Андре.

Андре вышел, Леонсио позвонил в колокольчик, появилась Роза.

- Роза, - обратился к ней Леонсио, - позови госпожу Малвину, Изауру, а также господина Мигела и Белхиора. Они уже должны быть готовы. Пора уже всем собраться.

- Я рад увидеть, наконец, окончание этой комедии, - сказал Леонсио приятелю, - но мне хотелось, чтобы все было достаточно торжественно и пышно: надо убедить Малвину, будто я с превеликим удовольствием исполняю ее малейшие пожелания. Она доверчива, легко обманывается, поверит любым доказательствам моей любви, но, честно говоря, этот столь ей желанный брак - всего лишь сплошной обман. Я уверен: в глубине души Изаура презирает жалкого идиота, предназначенного ей в мужья. Впрочем, полагаю, мужем он будет только по названию. А я дождусь лучших времен, и все получится, как было задумано.

- Что касается меня, то я ничуть не сомневаюсь в успехе столь утонченного замысла.

Едва Жорже признал эти слова, как в дверях гостиной появился красивый молодой человек в элегантно дорожном платье, его сопровождали еще несколько человек. Леонсио, поспешивший было им навстречу, чтобы встретить и приветствовать гостей, вдруг остановился.

- О!.. Да это совсем не те, кого я ждал! - пробормотал он под нос. - Если не ошибаюсь... это Алваро!..

- Господин Леонсио! - произнес молодой человек, кланяясь хозяину.

- Господин Алваро, - отвечал Леонсио. - Вас ли я имею честь принимать у себя дома?

- Он самый, господин Леонсио, к вашим услугам.

- Большая честь... Я вас не ждал, признаться... Извольте присесть... Решили проехаться по нашим южным штатам?..

Леонсио растерянно мямлил какие-то привычные вежливые слова, пытаясь собраться с духом и оправиться от потрясения, в которое повергло его неожиданное появление Алваро в столь решительный и торжественный момент.

В это время в гостиную вошли Малвина, Изаура, Мигел и Белхиор. Все они были уже одеты для церемонии бракосочетания.

- Боже мой!.. Что я вижу!.. - шепнула Изаура, резко встряхнув руку отца. - Может, я ошибаюсь?.. Да нет.. Это он!

- Он самый... Господи!.. Как же так?

- Ох! - простонала Изаура. В этом простом возгласе, вырвавшемся как вздох из ее груди, воплотилась вся тяжесть беспросветной тоски, сжимавшей ее сердце. Если бы кто-нибудь повнимательнее взглянул на нее в этот момент, то заметил бы легчайший алый отблеск, оживив-

ший ее лицо, которое страдания и боль, казалось, навеки обрекли на мраморную белизну. Это занималась заря надежды, чей первый скромный лучик прикоснулся к щекам женщины, которая в этот момент уже просталась с жизнью, готовая похоронить себя среди мрачных закатных теней.

- Я не ожидал, что вы окажете мне честь принимать вас в моем доме, - продолжал Леонсио, постепенно вновь обретая хладнокровие и высокомерный вид. - Так позвольте же мне выразить свою радость по поводу столь приятного для нас обоих посещения. Сегодня ваше появление весьма своевременно, я бы даже сказал, оно очень символично.

- О! Вот как?!.. Очень рад, если так... Но не будете ли вы, ваша милость, любезны объяснить почему?..

- С удовольствием. Ваша подопечная, рабыня, из-за которой вы так переживали в Пернамбуко, сегодня получает свободу и выходит замуж за добропорядочного человека. Ваша милость появились как раз вовремя, чтобы лично присутствовать и своими глазами увидеть, как осуществляются ваши человеколюбивые мечты и намерения относительно этой рабыни. Я со своей стороны буду очень рад, если ваша милость согласится принять участие в церемонии, которая станет еще торжественней благодаря вашему присутствию.

- А кто же ее освобождает? - насмешливо улыбаясь поинтересовался Алваро.

- Кто же, как не я, ее законный хозяин? - надменно и уверенно ответил Леонсио.

- Так я хочу вам заявить, господин Леонсио, что вы не можете сделать этого, - твердо произнес Алваро. - Рабыня больше вам не принадлежит.

- Не принадлежит? - прорычал, вскакивая, Леонсио. - Вы смеетесь или с ума сошли?..

- Ни то, ни другое, - совершенно спокойно произнес Алваро. - Повторяю: эта рабыня больше вам не принадлежит.

- И кто же осмелился лишить меня прав на нее?

- Ваши кредиторы, - обронил Алваро, по-прежнему твердо и хладнокровно. - Вы лишились всего: поместья, рабов, дома с богатой обстановкой и посудой, даже самая ничтожная вещица здесь отныне и навсегда вам не принадлежит. Вот, взгляните, - продолжал он, показывая Леонсио пачку документов, - здесь у меня в руках все ваше состояние. Ваши долги значительно его превосходят,

вы полностью и непоправимо разорены. На все ваше имущество наложен арест.

По знаку Алваро нотариус, сопровождавший его, вручил Леонсио постановление о наложении ареста и изъятии всего его имущества. Дрожащей рукой Леонсио вырвал бумагу и пробежал ее глазами, лицо его исказилось от ярости.

- Так что же! - бормотал он. - Неужели это надо делать так стремительно и неожиданно?! Может, я смогу как-то отсрочить исполнение приговора и еще найду средство спасти мою честь и состояние?..

- Ваши кредиторы уже предоставляли вам все возможные отсрочки, они были крайне снисходительны и уступчивы. Вы должны знать, что сегодня я - основной, если не единственный ваш кредитор. У меня в руках почти все ваши долговые обязательства, а я не расположен предоставлять вам какие-либо отсрочки или идти на сделки. Вам надлежит сделать опись своего состояния. Любые увертки бесполезны.

- Проклятье! - выкрикнул Леонсио, топая ногой и вцепляясь рукой в волосы.

- Господи!.. Господи!.. Какое несчастье!.. И какой.. стыд!.. - восклицала Малвина, плача навзрыд.

Оставим пока незаконченной сцену, оборванную в предыдущей главе, прервем ненадолго разговор двух молодых людей. Пусть они замрут друг против друга, будто скульптурная группа: гордый и благородный лев, покоряющий трусливого и подлого тигра, который тщетно рычит и рвется из сильных лап своего могучего противника. Необходимо объяснить читателю, каким образом Алваро появился в доме хозяина Изауры столь своевременно, чтобы разрушить его черные замыслы, едва не достигшие успеха.

Когда у него отняли Изауру, Алваро впал в глубочайшее уныние.

Гордость его была задета, любимая женщина отнята, высокомерный и наглый рабовладелец посмеялся над ним и унизил. Алваро пребывал в беспросветном отчаянии. Едва узнав о несчастье друга, доктор Жералдо поспешил на помощь благородной душе, подвергшейся столь несправедливому удару судьбы. Благодаря заботам и советам опытного и умного друга сердечная боль Алваро стала менее острой, он немного успокоился. Жералдо даже почти убедил Алваро, что наилучшим выходом в сложившихся безнадежных для него обстоятельствах было бы постараться забыть Изауру.

- Чтобы ты ни предпринял в защиту Изауры, - уговаривал Жералдо, - все на деле окажется бесполезным и безумным предприятием, ты только создашь себе новые сложности и навлечешь на себя позор и унижение. А то еще выставишь себя в смешном и унижительном виде. Хватит с тебя двух неудач: тогда, на балу, и эта последняя, еще более прискорбная и унижительная. Ты же чуть было не попал в полицию, пытаясь отнять рабыню у ее законного хозяина. Ну ладно. Однако дальше будет хуже, уверяю тебя. На тебя посыплется удар за ударом, пока ты окончательно не разоришься или не погибнешь.

Прислушиваясь к сотням подобных увещаний Жералдо, Алваро пытался собраться с духом и по собственной воле отказаться и от любви к Изауре, и от всех своих благородных замыслов отстоять ее свободу. Но напрасно. Целый месяц он безуспешно боролся сам с собой, целый месяц бесплодных попыток взбунтоваться против велений собственного сердца.

Алваро ослабел и сдался, он понял, что его старания всего лишь безрассудное сопротивление всемогущей силе рока. Тщетно искал он забвения в углубленных духовных поисках, в легкомысленных светских развлечениях, ничто не могло вытеснить из памяти нежный образ прекрасной рабыни. Она всегда была рядом с ним, всегда отражалась в зеркале его души. То блистающая красотой и изяществом, гордая и соблазнительная, как в бальную ночь, то бледная и подавленная, согнувшаяся под бременем горя, руки в оковах, поднимала она к нему измученные глаза, как бы умоляя:

- Приди, не покидай меня, только тебе дано разбить мои оковы.

В конце концов Алваро твердо уверился, что само небо свело его с очаровательной и несчастной девушкой, это было предзнаменование свыше, и на него, Алваро, свыше возложена благородная и милосердная миссия - избавить ее от рабства и обеспечить то высокое положение в обществе, которое она заслужила благодаря своей красоте, добродетелям и талантам.

Поэтому он решил не думать более о последствиях, каковы бы они ни были, и упрямо, неуклонно идти к своей благородной цели, ведь его ведет само святое провидение.

Алваро отправился в Рио-де-Жанейро. Он положился на случай, у него не было никаких планов, он даже не знал, что будет делать по приезде. Его вдохновляло интуитивное ощущение: небо не оставит его, он найдет способ благополучно осуществить свое предприятие. Прежде всего он стремился очутиться поблизости от Леонсио, чтобы легче было собрать необходимые сведения и, быть может, найти малейшую зацепку, хоть какой-нибудь, пусть самый сложный, способ заставить хозяина Изауры дать ей волю.

Он высадился на берег в столице, желая как можно скорее отправиться дальше, в Кампус. Но прежде решил разузнать, что говорят о Леонсио среди торговых людей.

- Да, я прекрасно знаю этого субъекта, - отвечал первый же торговец, к которому обратился Алваро. - Да

он же совершенно обанкротился, разорился вчистую. Если вы, ваша милость, давали ему в долг, так плакали ваши денежки. У вас найдется немало товарищей по несчастью. А состояньице так, весьма жиденькое, едва достанется по пятьдесят за сто на брата.

Неожиданное откровение торговца для Алваро было все равно что сверкающая молния, при свете которой заблудившийся грозовой ночью путник вдруг различает совсем рядом столь вождеденное гостеприимное пристанище.

- А ваша милость, случайно, не из кредиторов этого человека? - спросил Алваро.

- К сожалению, да, и притом из самых крупных.

- А во сколько оценивается состояние господина Леонсио?

- Сейчас-то, можно сказать, меньше, чем ничего, я же говорил, долги его чуть не вдвое превышают все, что он имеет.

- Ну а долги его, какую сумму они составляют, примерно хотя бы?

- Около четырехсот с чем-то, а может, и пятьсот миллионов, ну а поместье в Кампусе со всеми рабами и утварью не стоит и двухсот. Мы уже к нему и так и эдак подступались, давали отсрочки, какие и по закону-то не положены, но больше ждать мы не намерены. Теперь мы решили действовать по закону, распродать его имущество за долги.

- А кто прочие кредиторы? Вы не могли бы мне их указать?

- Почему бы нет? - отвечал торговец и принялся называть имена и адреса кредиторов Леонсио.

Оно и правда, состояние Леонсио еще при жизни отца его, в последние годы, стало разваливаться и постепенно все пошло прахом. Старый командор перед смертью будто обезумел совсем, так развратничал да гулял, что и молодому непростительно. Жил почти все время в столице, а поместье забросил, немало он тогда денежек по ветру пустил. Управлялось поместье дурно, урожаи очень упали, ну и рабов поубавилось: кто умер, а кто и сбежал. А командор да сынок его - нет бы о своих позаботиться, все новых покупали, да в рассрочку, а то и в долг, вот и запутались.

Как умер командор, дела еще хуже пошли. Мы с вами хорошо знаем, каков был опыт у Леонсио, да и нрав не лучше, куда уж ему управлять большим поместьем, плантациями да рабами.

Сумасбродства и расточительство Леонсио стоили немало, а злосчастная и нелепая страсть к Изауре и вовсе заставили его голову потерять. Пустился он во все тяжкие, безрассудно и бездумно выкидывая деньги. Да еще пришлось ему раскошелиться, когда Изаура сбежала, — ведь поиск беглянки по всей стране влетел ему в копеечку. Так Леонсио сам растранил свое состояние. Очень быстро оказался он несостоятельным должником без гроша в кармане. А у кредиторов скопилось великое множество его просроченных долговых обязательств. Когда же они, наконец, собрались все вместе и договорились объявить Леонсио банкротом и наложить арест на его имущество, оказалось, что они смогут вернуть едва половину своих денег, вот и торопились доверчивые торговцы поскорее наложить руку на остатки его состояния, пока дела не пошли еще хуже.

Переговорив со всеми кредиторами Леонсио, Алваро предложил им продать долговые расписки за половину их стоимости. Чтобы избежать неприязни, которую мог навлечь на него странный поступок, он объявил торговцам, что вовсе не намерен унижать или каким-то образом притеснять неудачливого землевладельца, наоборот, он, Алваро, стремится защитить Леонсио, избавить от унижительной судебной процедуры и помочь избежать нищеты. И действительно, несмотря на отвращение и презренис, которое внушал ему поверженный противник, Алваро не собирался воспользоваться данной ему самой судьбой возможностью и довести свою месть до конца, раздавив и уничтожив негодяя. Алваро был раз в десять богаче Леонсио и, если б не оказалось другого выхода, охотно по взаимному согласию отдал бы хозяину Изауры столько, сколько стоило все его поместье, лишь бы добиться свободы для любимой женщины.

А теперь, когда судьба вручила ему все состояние вздорного, высокомерного и жестокого соперника, благородный по натуре Алваро вовсе не собирался доводить несчастного до нищенской суммы.

Кредиторы, не сомневаясь ни минуты, приняли его предложение, они благоразумно предпочли быстро и легко избавиться от долговых расписок, тут же получив на руки живые деньги, пусть и в половину меньше, чем связываться с продажей имущества, процедурой долгой, сложной и требующей определенных издержек, а кроме того, у них ведь не было уверенности, что, даже продав всех рабов, поместье и плантацию, они получат больше половины долга.

И вот, став владельцем всех долговых расписок Леонсио, а вернее, его состояния, Алваро отправился в Кампус, чтобы наложить арест на имущество своего должника. Запасшись всеми необходимыми бумагами и документами, Алваро в сопровождении нотариуса и двух судебных исполнителей появился в доме Леонсио, чтобы лично уведомить его о приговоре, то есть известить о разорении.

- О, проклятье! - выкрикнул Леонсио, узнав от Алваро о неотвратимой беде, постигшей его. В отчаянии он рвал на себе волосы. Потом, ошеломленный, почти обезумевший от жестокого удара хотел было выбежать из гостиной.

- Подождите минутку, господин Леонсио, - задержал его Алваро, взяв за руку. - Вы говорили о рабыне, так что вы намеревались с ней сделать?

- Освободить, я уже сказал вам, - грубо ответил Леонсио.

- Но вы хотели проделать еще кое-что, кажется, вы сказали, что собираетесь выдать ее замуж. Простите за вопрос, но она согласилась на этот брак?

- О! Нет! Нет! Меня заставили, господин!.. - отчаянно закричала Изаура.

- Это правда, господин Алваро, - вмешался Мигел, - она собиралась выйти замуж, прямо сказать, не по своей воле. Господин Леонсио поставил условием ее освобождения замужество вот с этим несчастным, вы видите его перед собой, ваша милость.

- С ним?! - в ужасе воскликнул Алваро с негодованием, глядя на урод, которого указал ему Мигел.

- Да, господин, - продолжал Мигел, - а если б она не подчинилась, ей пришлось бы провести остаток жизни в темнице, закованной в тяжеленные цепи. Так она и жила с тех пор, как вернулась из Ресифе, и до сего дня...

- Палач! - взорвался Алваро, не в силах долее сдерживать возмущение. - Рука правосудия, наконец, настигла тебя, дабы воздать за все чудовищные преступления!

- О, какой стыд!.. Какой позор, Господи!.. - стонала Малвина, она оперлась на стол и спрятала лицо в ладонях.

- Бедная Изаура! - взволнованно проговорил Алваро, протягивая руки к рабыне. - Иди ко мне... Все мое существо протестовало против унижительного положения, в котором ты находилась, делом чести стало для меня твое избавление от позорного и тяжкого ярма. Я видел в тебе ангельскую чистоту, благородное и гордое смирение муче-

ницы. И верил, что само небо помогает мне в святом деле, а сегодня мой труд увенчался счастливой и полной победой. Моими руками Господь отомстил за измывательства над невинностью и добродетелью, палач раздавлен.

- Перестаньте паясничать! - заорал Леонсио, в ярости не находя себе места. - Вы подлый и низкий вор, грабитель...

- Изаура, - продолжал Алваро, по-прежнему твердо и серьезно, - еще совсем недавно этот палач держал в своих руках твою жизнь и свободу. И не соглашался уступить их, если ты не обручишься с жалким и безобразным шутком, а сейчас он сам перешел в твою собственность. Да-да, все, чем я владею, принадлежит тебе, Изаура. Поэтому сегодня ты - госпожа, а он - твой раб. Если господин Леонсио не желает просить милостыню на дороге, ему придется молить нас о милосердии.

- Господин! - воскликнула Изаура, бросаясь к ногам Алваро. - О! Как ты благороден и добр с несчастной рабыней!.. Но во имя твоего благородства на коленях молю тебя, прости, прости их!..

- Встань же, великодушная и дорогая моя женщина! - отвечал Алваро, протягивая руки, чтобы помочь ей подняться. - Встань, Изаура. Ты должна быть не у ног моих, а в моих объятиях. Я хочу скорее прижать тебя к груди, поближе к сердцу. Несмотря на все предрассудки, я посчитаю себя счастливейшим из смертных только потому, что могу предложить тебе руку, как будущей жене!..

- Господин Алваро! - зарычал Леонсио, на губах его выступила пена, взгляд блуждал. - Вам принадлежит все, чем я владел. Можете радоваться, вы отомстили, но клянусь, я никогда не доставлю вам удовольствия, не буду молить о снисхождении.

Он стремительно бросился в спальню, что находилась рядом с гостиной.

- Леонсио! Леонсио!.. Куда же ты!.. - закричала Малвина и кинулась было вслед за ним, но едва она достигла дверей, как раздался оглушительный выстрел.

- Ах! - вскрикнула Малвина и упала без чувств.

Леонсио покончил с собой, выстрелив из пистолета в висок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	18
ГЛАВА IV	25
ГЛАВА V	27
ГЛАВА VI	33
ГЛАВА VII	40
ГЛАВА VIII	49
ГЛАВА IX	56
ГЛАВА X	63
ГЛАВА XI	70
ГЛАВА XII	78
ГЛАВА XIII	87
ГЛАВА XIV	94
ГЛАВА XV	103
ГЛАВА XVI	111
ГЛАВА XVII	118
ГЛАВА XVIII	123
ГЛАВА XIX	130
ГЛАВА XX	138
ГЛАВА XXI	146
ГЛАВА XXII	152

Гимараэш Б.

Г48 Рабыня Изаура: Роман /Пер. с португ. Д.Р. Коган/ -
М.: Мосинтермаркет, 1991. - 160 с.
ISBN 5-85756-001-2

“Рабыня Изаура“, роман известного бразильского писателя прошлого века Бернардо Гимараэша (1827-1884), пользуется неизменной популярностью как у себя на родине, в Бразилии, так и во всем мире. По мотивам романа снят известный телесериал. История любви и страданий юной красавицы Изауры, извращенная страсть ее хозяина Леонсио, верность и благородство Алваро трогают наши сердца так же, как трогали они сердца современников писателя. Даже в самое бурное время многим людям, а особенно женщинам, хочется отвлечься от своих обыденных дел, погрузившись в перипетии чужой любви, семейных переживаний, и утешиться счастливым концом, где порок наказан, а красота и добродетель вознаграждены.

ГИМАРАЗШ БЕРНАРДО
РАБЫНЯ И ЗАУРА
Роман

Редактор Н.В. Малыхина
Художник-оформитель Д.Д. Фомин
Художественный редактор С.К. Аносов
Корректор Л.П. Кравченко

Подписано в печать 27.12.90. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага тип.№2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отг. 8,65. Уч.-изд. л. 8,4.
Доп. тираж 300 000 экз. Заказ 1985. Цена 5 р.

МП "Мосинтермаркет"
103009, Москва, ул. Герцена, 11/4, стр. 2.

Ордена Ленина типография "Красный пролетарий"
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская ул., 16.

mm

